Приамурский генерал-губернатор Н.Л.ГОНДАТТИ

kraeved.info

ПРИАМУРСКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Н. ДУБИНИНА

Приамурский генерал-губернатор Н.Л. ГОНДАТТИ

Хабаровск
1997

ББК 63.3(2)
Д 79

Ответственный за выпуск
ученый секретарь
Приамурского географического общества
В. И. Симаков

Оформление **А. Н. Посохова**

ISBN 88570-103-2

© Н. И. Дубинина, 1997
© А. Н. Посохов. Оформление, 1997
© Приамурское географическое общество, 1997

Жизнь распорядилась так, что многие проблемы социально-экономического и политического развития Дальнего Востока России конца XX века оказались сопряженными с задачами, которые возникли здесь в начале века. Это: противодействие экономической экспансии сопредельных азиатских стран, обеспечение экономической независимости региона, привлечение иностранного капитала, возрождение коренных народов, взаимоотношения между краем и центром, формирование сильной губернаторской власти и т. д. В решение их в свое время внес выдающийся вклад Н. Л. Гондатти, 16 лет прослуживший на дальневосточной окраине, пройдя путь от начальника Чукотки до генерал-губернатора Приамурского края. Во многом благодаря его стараниям Дальний Восток вошел в экономическую систему России.

Известно, что дальневосточная земля, словно магнитом, притягивала людей подвижнического склада, таких как Н. Н. Муравьев-Амурский, священник Иннокентий, Г. И. Невельской, Н. И. Гродеков. К этой доблестной когорте принадлежал и Н. Л. Гондатти — крупный провинциальный администратор, имевший немалые заслуги в исследовании и освоении этой земли, в утверждении здесь славянского населения. Изучение его деятельности совсем не лишний раз свидетельствует об исключительной роли в управлении территорией личности администратора. Знания о новаторских проектах Н. Л. Гондатти, о его разносторонней деятельности значимы не только для тех, кто учится в Академии государственной службы и готовится стать муниципальными служащими, но и для опытных управленцев, поскольку ретроспективный взгляд помогает избежать ошибочных решений, понять связь времен, осознать масштабность сегодняшних задач.

Полагаю, что Н. И. Дубинина написала полезную книгу, которая восстанавливает незаслуженно забытое имя авторитетного российского генерал-губернатора и позволяет испытать сегодняшним дальневосточникам чувство причастности к продолжению дела обустройства края, у истоков которого стояли такие подвижники, как Н. Л. Гондатти.

В. И. Ишаев,
глава администрации
Хабаровского края,
председатель Приамурского
географического общества

Посвящается Маше

РОДИНЕ СВОЕЙ
ОН ОТДАЛ ВСЕ СВОИ
ГОДЫ ЖИЗНИ, И УМ,
И ЭНЕРГИЮ,
И ЗНАНИЕ, И ЛЮБОВЬ
И ЗА ВСЕ СИЕ БЫЛ
СУДИМ И ОПРАВДАН
ДЕВЯТЬ РАЗ...

Архиепископ
НЕСТОР

От автора

Пройдет совсем немного времени, и человечество вступит в новый XXI век и в новое — третье тысячелетие. Поэтому политологи, астрологи, футурологи и разного рода предсказатели усиленно пытаются заглянуть в будущее, нарисовать впечатляющую картину грядущего. И это понятно, интересно, любопытно. Но зачем при этом оглядываться назад, в прошлое, пытаться воссоздать картину жизни начала уходящего века? Не бесполезное ли это занятие? Нужно ли оно людям?

При кажущейся простоте этого вопроса ответ на него невозможен без учета особенностей человеческого познания, нравственно-психологических факторов, прагматизма и элементарной любознательности человека. В любом случае, обращение к историческому прошлому обусловлено стремлением найти ответы на нетрадиционные вопросы, которые поставила перед обществом современная жизнь. Один мудрый человек как-то заметил, что лишь история человечества в целом может выявить масштаб для осмысления того, что происходит сегодня. Думается, в этом суждении и следует искать ключ к пониманию неистребимого стремления людей в историческом прошлом искать что-то важное, существенное, необходимое для понимания переживаемой реальности. Другими словами, историческое прошлое позволяет установить, осмыслить масштаб происходящего сегодня, который может вызвать разные чувства и настроения — удовлетворения или неудовольствия, оптимизма или пессимизма — и в какой-то мере помочь скорректировать действия. В. О. Ключевский считал, что история не учит, она только наказывает за незнание ее уроков. Очевидно, чтобы в обществе было как можно меньше такого незнания, чтобы оно избегало участи по два-три раза наступать на одни и те же грабли, люди изучают свое прошлое и пишут о нем книги. А еще для того, чтобы в человеческом сообществе царили правда и справедливость. А возможно ли это, если доброе имя и благородное дело некоторых предков по тем или иным причинам оказались оклеветанными или преданными забвению?

Предлагаемый читателю исторический очерк посвящен последнему главному администратору Приамурского края Николаю Львовичу Гондатти (1860—1946 гг.), которому принадлежало особое место в созвездии Приамурских генерал-губернаторов. Среди них он занимает первое место по продолжительности службы на российском Дальнем Востоке — свыше 15 лет, в том числе 6 лет генерал-губернатором. Н. Л. Гондатти был первым штатским, а не военным генерал-губернатором. Можно с уверенностью утверждать, что он, как никто из его предшественников, глубоко знал весь комплекс сложных, проти-

воречивых проблем освоения российского Дальнего Востока и смог оказать сильное влияние на благоприятное их решение. Генерал-губернаторство Н. Л. Гондатти, отчасти совпавшее с общим социально-экономическим подъемом, переживаемым Россией, стало временем ускоренного развития дальневосточной окраины. С именем Н. Л. Гондатти связано появление неординарных планов превращения Приамурского края в политический и экономический оплот России на тихоокеанском побережье. Разделив участь многих тысяч россиян, которых революция 1917 года и гражданская война вынудили покинуть родину, Н. Л. Гондатти около тридцати лет прожил в эмиграции. Подвергаясь там многочисленным унижениям и лишениям, он до конца своих дней сохранил высокий дух и чувство любви к России, к дальневосточному краю.

Исторический очерк о последнем Приамурском генерал-губернаторе предоставляет возможность коснуться таких важных вопросов, как самодержавие и Дальний Восток, региональное управление, особенности генерал-губернаторской власти в предреволюционное пятилетие. Проблема губернаторской власти в России в начале XX века, ее взаимоотношения с царским правительством не принадлежит к числу разработанных в отечественной истории. Кто проводил правительственную политику на местах, что это были за люди, действительно ли губернатору принадлежала неограниченная власть и он являлся властелином своих подданных, каковы были взаимоотношения регионов с центральной властью, какие изменения происходили в самой губернаторской власти — эти вопросы длительное время оставались без ответа. Правда, в последнее время, характеризующееся поиском демократической парадигмы и формированием концепции правовой региональной политики, значительно возрос интерес к осмыслению всего опыта российского государственного строительства. Именно в этом ключе предлагается рассмотреть деятельность Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти.

Так случилось, что в течение многих десятилетий имена генерал-губернаторов края находились в полном забвении, а Н. Л. Гондатти к тому же числился и белоэмигрантом. Новое время породило и новые мифы. Один из кандидатов на высокий пост главы администрации Хабаровского края в ходе предвыборной кампании 1996 г. с запальчивостью говорил приблизительно так: в свое время генерал-губернатором Приамурского края был итальянец Гондатти. Так неужели я, русский, не способен управлять краем? Присущий этому заявлению примитивизм суждений соседствует с отсутствием каких-либо знаний о генерал-губернаторе Гондатти.

Справедливости ради следует сказать, что имеющаяся литература по истории Дальнего Востока не дает сколько-нибудь полного представления о вкладе Н. Л. Гондатти в освоение дальневосточной окраины, о его трагической судьбе. Так, в вышедшем в 1991 г. втором томе "Истории Дальнего Востока", представляющем солидное академическое издание, отсутствуют даже упоминания о генерал-губернаторах Приамурского края, что, несомненно, обедняет дальневосточную историю, лишает ее объективности, объемности, информативности. По существу, единственной публикацией о Н. Л. Гондатти является небольшой очерк в книге Л. А. Вострикова и З. В. Востокова "Хабаровск и хабаровчане" (Хабаровск, 1991 г.), которая ныне является библиографической редкостью. Предлагаемый читателю очерк можно рассматривать как проявление закона исторической памяти — сколь бы продолжительным

ни было забвение, потомки непременно воздадут почести человеку за его благородное и самоотверженное служение Отечеству.

Уникальность личности Н. Л. Гондатти заключается в том, что в его продолжительной яркой, самобытной жизни — он умер 85 лет от роду в Харбине — преломились важные вехи истории России и Дальнего Востока, в особенности,— процесс колонизации дальневосточной окраины в начале века, первая мировая война, революции 1917 года, гражданская война, российская эмиграция в Маньчжурии, вторая мировая война. Таким образом, предоставляется любопытная возможность взглянуть на эти чрезвычайно сложные противоречивые события и явления отечественной истории с точки зрения широкообразованного, многознавшего человека, активного их участника и мудрого свидетеля.

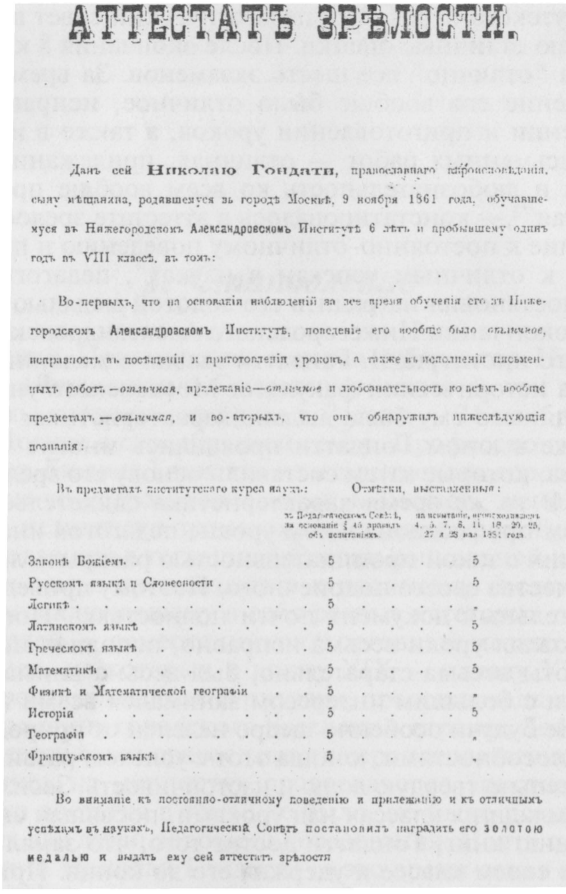
Очерк написан на основе архивных документов и материалов, извлеченных из фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ, Владивосток), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), а также Нижегородского и Томского архивов. В очерке использован значительный объем материалов периодической печати дореволюционной России и российской эмиграции в Маньчжурии. Подготовка очерка во многом стала возможна благодаря квалифицированной помощи работников Государственного архива Хабаровского края (директор В. Д. Родинцева), Хабаровского краеведческого музея имени Н. И. Гродекова (директор Н. И. Рубан), Дальневосточной научной библиотеки (директор А. И. Букреев), Приамурского географического общества (ученый секретарь В. И. Симаков). Автор признателен хабаровскому краеведу А. М. Жукову и владивостокскому историку А. А. Хисамутдинову за бескорыстную помощь в розыске документов и материалов о Н. Л. Гондатти, а также незаменимой помощнице М. А. Дубининой.

1. Становление

Будущий Приамурский генерал-губернатор Николай Львович (Людвигович) Гондатти[1] родился за три месяца до отмены крепостного права в России — 21 ноября 1860 года в Москве в своеобразной семье. Профессиональный скульптор Людвиг Гондатти из итальянского города Лукка, каким-то ветром занесенный в Россию, женился на русской, незнатного происхождения девушке из Тулы. По существовавшей в тогдашней России социальной классификации семья принадлежала к податному сословию — мещанам, включавшему в себя разные категории городских жителей — ремесленников, торговцев, мелких домовладельцев, из которых к концу XIX — началу XX века сформировалась мелкая буржуазия, представлявшая собой почти половину городского населения страны. Дети в семье Гондатти были православного вероисповедания и воспитывались на ценностях православного христианства. Большого достатка в семье не было, но было понимание значения для детей хорошего образования. Почти пятнадцатилетний Николай Гондатти (в это время семья жила в Нижнем Новгороде) поступил в 3-й класс Нижегородского Александровского института. Названный в честь императора Александра II, институт представлял собой закрытое среднее учебное заведение для детей дворян, который давал классическое гуманитарное образование: изучались русский язык и словесность, латинский, греческий и французский языки, закон божий, логика, история, математика, физика и география. Гондатти обучался в институте своекоштно, т. е. на своем, не на казенном содержании, учился охотно, с интересом. В отчете о манкировках (пропусках занятий) учениками 8 класса за 2-ю половину 1880/81 учебного года указано, что Н. Гондатти из 303 уроков не пропустил ни одного. По всем предметам

институтского курса наук педагогический совет выставил Николаю отличные оценки. После окончания 8 класса он сдал на "отлично" все шесть экзаменов. За время учебы "поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ — отличная, прилежание — отличное и любознательность ко всем вообще предметам отличная"[2],— констатировалось в аттестате зрелости. "Во внимание к постоянно-отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках", педагогический совет постановил наградить его золотой медалью[3].

По окончании Нижегородского Александровского дворянского института Н. Гондатти заявил о желании поступить на исторический факультет Московского университета, для чего ему была выдана характеристика. Судя по ней, уже в юном Гондатти проявились многие черты и качества, которые затем составили основу его зрелой личности. В то же время характеристика свидетельствует о высоком профессиональном уровне педагогов института, сумевших с такой проницательностью раскрыть личностные качества своего подопечного. Поэтому приведем этот замечательный документ почти полностью: "Посещал и приготовлял уроки весьма исправно, исполнял письменно работы весьма старательно, был весьма внимателен в классе и с большим интересом занимался всеми предметами. Не будучи особенно щедро наделен от природы бойкими способностями, юноша этот с успехом развил в себе замечательно твердую волю и настойчивость. Засиживаясь еще в младших классах над уроками, посвящая свое время чтению книг, Гондатти достиг того, что занял первое место в своем классе и удержал его до конца. Приобретя ценой упорного труда разнообразные знания, Гондатти время от времени, понимая свое превосходство над товарищами, проявлял некоторое самомнение, которое, впрочем, не выходило из пределов умеренности. Нравилось ему быть авторитетом, но, большей частью там, где дело шло о науке. С товарищами был обходителен и предупредителен; по отношению к заведению, особенно в VIII классе, был внимателен и исполнителен, избегая случаев быть в положении провинившегося"[4]. Твердая воля, настойчивость, трудолюбие, дисциплинированность, обходительность и предупредительность со своими товарищами, лидерство,— все эти качества найдут свое позитивное развитие в зрелом Гондатти.



АТТЕСТАТЪ ЗРѢЛОСТИ.

Данъ сей **Николаю Гондатти**, православнаго вѣроисповѣданія, сыну мѣщанина, родившемуся въ городѣ Москвѣ, 9 ноября 1861 года, обучавшемуся въ Нижегородскомъ Александровскомъ Институтѣ 6 лѣтъ и пробывшему одинъ годъ въ VIII классѣ, въ томъ:

Во-первыхъ, что на основаніи наблюденій за все время обученія его въ Нижегородскомъ **Александровскомъ** Институтѣ, поведеніе его вообще было *отличное*, неправность въ посѣщеніи и приготовленіи уроковъ, а также въ исполненіи письменныхъ работъ — *отличная*, прилежаніе — *отличное* и любознательность по всѣмъ вообще предметамъ — *отличная*, и во-вторыхъ, что онъ обнаружилъ нижеслѣдующія познанія:

Въ предметахъ институтскаго курса наукъ:	Отмѣтки, выставленныя:	
	въ Педагогическомъ Совѣтѣ, за основаніе § 45 правилъ объ испытаніяхъ.	на испытаніи, происходившемъ 4, 5, 7, 8, 11, 18, 20, 25, 27 и 28 мая 1881 года.
Законѣ Божіемъ	5	5
Русскомъ языкѣ и Словесности	5	5
Логикѣ	5	„
Латинскомъ языкѣ	5	5
Греческомъ языкѣ	5	5
Математикѣ	5	5
Физикѣ и Математической географіи	5	„
Исторіи	5	5
Географіи	5	„
Французскомъ языкѣ	5	„

Во вниманіе къ постоянно-отличному поведенію и прилежанію и къ отличнымъ успѣхамъ въ наукахъ, Педагогическій Совѣтъ постановилъ наградить его **золотою медалью** и выдать ему сей аттестатъ зрѣлости

Копия аттестата зрелости Н. Гондатти (фрагмент)

Н. Гондатти поступил на недавно открывшееся естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета. В начале 80-х годов Московский университет переживал один из плодотворных периодов своей истории. Университетский устав 1863 года, ослабивший бюрократическую опеку над университетом, предоставил ему внутреннюю автономию, демократизировал внутриуниверситетскую жизнь. Это было время, когда в университете сложилась блестящая плеяда

профессоров, оставивших глубокий след в русской науке и просвещении. Это историки Соловьев и Ключевский, филологи Фортунатов и Буслаев, химик Марковников, физик Столетов и др. На лекции по русской истории, которые читал профессор В. О. Ключевский, ходили многие студенты, независимо от того, на каком факультете они учились. Конечно, и Н. Гондатти был в числе почитателей Ключевского, который восхищал не только редким знанием своего предмета, но еще "единственно ему свойственной способностью проникнуть в душу русского народа и русского человека, понять его и в его настоящем и в его прошлом и, наконец,— столь же исключительной способностью владеть выразительной и богатой русской речью"[5]. Студенчество университета тогда жило активной общественной жизнью: существовали кружки, нередко славянофильской направленности, рождение которых было связано с победой России над Турцией и освобождением Болгарии от турецкого гнета. За стенами университета студенты вовлекались в разного рода народнические кружки и организации. Однако студента Гондатти эта сторона жизни мало интересовала. С первого же курса он погрузился в науку. Методикой работы с книгой он владел превосходно, а усидчивости ему было не занимать. Часами он просиживал в Румянцевской библиотеке. Его особо интересовали антропология, этнография, археология — науки, которые в эти годы складывались как самостоятельные научные направления человекознания. Пытливый, любознательный студент с первых курсов был привлечен преподавателями к работе в научных кружках, а затем и к научно-исследовательской деятельности. После успешного окончания университетского курса Н. Л. Гондатти был оставлен в университете для подготовки к профессорской деятельности по кафедре антропологии и энтомологии.

Еще студентом Гондатти был принят в члены Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ). По окончании курса в университете он командируется этим обществом вместе с Политехническим музеем в северо-западную Сибирь для антропологических, этнографических и зоологических исследований. За месяц молодой исследователь добрался из Москвы через Тобольск до Березова, откуда и началась его этнографическая экспедиция. Вдвоем с проводником Гондатти поднялся до верховьев реки Сосьвы. Конец лета и всю осень он передвигался от одного стойбища к друго-

му, проводил антропологические исследования, изучал быт и культуру аборигенов-остяков (ханты) и зырян (коми), приобретал образцы их национальной одежды, утвари, предметы культа. Обладая лингвистическим даром, Гондатти сравнительно быстро научился общаться на языке аборигенов, что, несомненно, во многом обеспечило успех его предприятия. В Березове он устроил "штаб-квартиру" экспедиции, в которую он не раз возвращался с ценными трофеями и, передохнув, отправлялся в новый поход. Стойко перенося лишения, холод и физические страдания, молодой ученый, благодаря своей твердой воле, настойчивости и исключительному трудолюбию, в течение нескольких месяцев собрал такую обширную этнографическую коллекцию, которая сделала бы честь целой экспедиции из нескольких человек. В ожидании навигации в Березове Гондатти классифицировал экспонаты, заполнил этикетки, упаковал коллекцию в ящики и сундуки, общий вес которых составил около 70 пудов, т. е. свыше одной тысячи килограммов. Поскольку на экспедицию ее организаторы выделили ограниченные средства, молодому ученому пришлось осуществить доставку коллекции в Москву за свой счет. Бескорыстие Гондатти, а главное — богатство, разнообразие и ценность собранной им коллекции по достоинству были оценены в научном обществе. На следующий год Гондатти был командирован Московским археологическим обществом (МАО) на северный Урал для производства археологических исследований, за которые он был избран членом-корреспондентом МАО. Гондатти являлся одним из активных организаторов 8-го археологического съезда, ставшего крупным явлением в исторической науке России. Одновременно Гондатти занимался педагогической деятельностью в Московском университете, читал факультативный курс увлекшего его шелководства, предварительно познакомившись с технологией получения шелка в одной из немецких колоний в Крыму. В 1888—1889 гг. Гондатти работал ученым секретарем ОЛЕАЭ в Москве. В этом качестве он участвовал в Международном географическом конгрессе в Париже, после которого путешествовал по Италии и Австрии.

В научных журналах появляются статьи молодого ученого, такие как "Описание одежды инородцев северо-западной Сибири", "Культ медведя у маньцзов", "Предварительный отчет о поездке в северо-западную Сибирь",

"Предварительный отчет о своей поездке в северный Урал летом 1887 г"[6] и др. Одновременно Гондатти сотрудничал в "Русских ведомостях" — газете либеральной интеллигенции, на страницах которой публиковали статьи известные естествоиспытатели, писатели, историки, юристы, в частности, В. О. Ключевский, Б. Н. Чичерин, А. Ф. Кони. Газетой были опубликованы такие статьи Гондатти, как "Новый торговый путь между Сибирью и Европой" и "Торговый путь А. М. Сибирякова между Сибирью и Европой", а также многочисленные заметки о деятельности научных обществ, членом которых он состоял.

Благодаря должности ученого секретаря ОЛЕАЭ и увлечению экзотическими для России шелководством и чаеразведением, Гондатти много путешествовал, выполняя задания научных обществ. Он посетил шелковичные производства Сирии и Египта, не без риска совершил поездку в Фергану и Бухару. В 1891—1892 гг. по просьбе ученого общества он собирал коллекции и проводил наблюдения на древней родине шелка — в Китае и Японии, совершал поездки на далекие Цейлон и Новую Зеландию, путешествовал по странам Северной и Южной Америки. По возвращении в Москву Н. Гондатти с успехом выступал во многих аудиториях, делясь своими меткими наблюдениями и разнообразными впечатлениями.

В экспедициях и путешествиях полно проявились такие личностные качества Н. Гондатти, как исключительная работоспособность, самоотверженность, настойчивость и твердость в достижении цели, коммуникабельность, способность с легкостью, с юмором, переносить физические перегрузки и лишения. В университетских кругах сложилось устойчивое мнение о Н. Л. Гондатти как о способном преподавателе и талантливом ученом, обладавшем большим научным потенциалом и имевшим блестящее будущее. И сам Гондатти был убежден, что его будущее во многом определилось.

2. Начальник Чукотки

Известно, что в жизни человека немало происходит по воле случайности. Для одних она — божий промысел, для других — благоприятное стечение обстоятельств, кру-

то меняющее течение жизни, часто определяющее ее характер и содержание. Обыкновенная случайность свела в одном московском доме недавно назначенного генерал-губернатором Приамурского края С. М. Духовского и подающего большие надежды ученого-этнографа, заядлого путешественника Н. Л. Гондатти. Духовской предложил ученому на два года стать начальником Анадырского округа, где проживал малоизвестный науке народ, который, по всей вероятности, может заинтересовать ученого. При этом генерал поведал о суровых условиях тамошней жизни, которые не вынес первый начальник Чукотки доктор Гриневецкий, заболевший тяжелым нервным расстройством и там погибший. Любознательность исследователя, желание испытать себя на административном поприще подвигли Н. Л. Гондатти на то, чтобы без долгих размышлений согласиться поехать на Чукотку.

Должность начальника Анадырского округа находилась в штатах Министерства внутренних дел (МВД). С 25 мая 1893 г. Н. Л. Гондатти был зачислен в его списки[1].

В те времена добраться из центральной России до Приамурского края сухопутным путем можно было так: частично — по железной дороге, частично — на лошадях, от Читы до Благовещенска и Хабаровска — на плотах и хилых суденышках. Существовал и морской путь: из Одессы через Суэцкий канал до Владивостока. По времени этот путь был гораздо короче сухопутного (40—45 дней). Обоими путями на дальневосточную окраину направлялись потоки крестьян-переселенцев преимущественно из украинских и белорусских сел, гонимых безземельем и надеждой на благополучную жизнь на "краю света". В конце августа 1893 г. Николай Львович стал пассажиром парохода "Москва", взявшего курс из Одессы на Дальний Восток. Возраст Христа, предвкушение встречи с интересной землей и ее малоизвестными обитателями, прелести морского путешествия — все это настраивало Гондатти на оптимистический лад. Правда, полному ощущению того, что он в очередной раз отправился в путешествие с научными целями, мешали встречи на палубе с озабоченными крестьянами-переселенцами, с их кое-как одетыми детьми. Разумеется, Н. Л. Гондатти не мог даже предположить, что он плывет навстречу своей удачливой судьбе. В октябре 1893 г. пароход вошел во владивостокскую гавань Золотой Рог. Поскольку к месту своей службы Н. Л. Гондатти мог попасть только в навигацию следующего года, у

него оказалось немало свободного времени, которым он, как всегда, разумно распорядился: собрал необходимую информацию о Чукотской земле, привел в порядок заметки о своих путешествиях. В Хабаровске Н. Л. Гондатти выполнял поручения генерал-губернатора С. М. Духовского и его заместителя Н. И. Гродекова, связанные с созданием Приамурского отдела Императорского Русского географического общества (ИРГО). Как нельзя кстати пригодился его опыт работы ученым секретарем научного общества при Московском университете. В 1894 г. Приамурский отдел Географического общества, почетным председателем которого стал С. М. Духовской, руководителем — Н. И. Гродеков, одним из членов-основателей — Н. Л. Гондатти, начал свое славное существование. Более чем за сто лет он внес крупный вклад в изучение, освоение и развитие российского Дальнего Востока.

В начале июня 1894 г. из Владивостока отправился пароход "Космополит", который взял курс на Чукотку и должен был доставить к месту службы начальника округа Н. Л. Гондатти и его "аппарат", состоявший из заместителя В. В. Анкудинова и девяти казаков. Некоторые казаки ехали с женами и детьми.

Что же представляла собой Чукотка в конце XIX века? Почему только упоминание о ней вызывало головную боль у Приамурского генерал-губернатора? Формально территория крайнего северо-востока евроазиатского материка была присоединена к России еще в середине XVII века, благодаря экспедиции казака Семена Дежнева. Проплыв по проливу, отделяющему Азию от Америки, С. Дежнев высадился со своими казаками на материке в районе реки Анадырь. Постройкой здесь Анадырского острога и было положено основание русскому владычеству. В 1775 г. крепость "Анадырский острог", вооруженная пушками, имела гарнизон свыше 700 человек. Однако огромные затраты на его содержание, чрезмерные труды и лишения русских служилых людей, неподдававшийся военной силе коренной народ — чукчи — побудили правительство вывести из Анадырской земли русскую военную силу, и край, обильно орошенный потом и кровью казаков, по существу, утратил российскую принадлежность. Началось усиливавшееся от десятилетия к десятилетию проникновение на эту землю предприимчивых соседей-американцев. Воды Берингова моря и Ледовитого океана, омывающие Чукотку, славились чрезвычайным множеством морских зве-

рей: китов, моржей, лахтаков, нерп. Это послужило основанием к китобойному промыслу, производившемуся в самых широких размерах американцами, имевшими с этого промысла колоссальные барыши. Сложилась довольно странная ситуация: на крайнем северо-востоке российских владений американцы забрали в свои руки не только морские промыслы, но и всю торговлю с чукчами, "народом довольно зажиточным и, в некоторых случаях, богатым, ибо оленьи стада у чукчей-оленеводов, у некоторых хозяев, доходили иногда до десяти и более тысяч голов"[2].

С началом русской колонизации на Амуре и Уссури в середине XIX века, естественно, все внимание правительственных кругов России было обращено на юг Приамурья, а север его — Охотск, Гижига, Камчатка и Анадырь — по-прежнему оставались в забвении. Образование в 1884 г. Приамурского края позволило обратить внимание и на северо-восточные земли России. В 1889 г. они были административно объединены в Анадырский округ и было признано необходимым исследовать этот край и определить его роль в политической и экономической жизни России. Доктор Гриневецкий — первый начальник Анадырского округа — из-за болезни, а потом и смерти, оставил вопрос о Чукотской земле открытым. Сможет ли новый "начальствующий десант" утвердить власть России на этих землях, собрать всесторонние данные о народе, населяющем их с незапамятных времен?

25 сентября 1894 г. "Приамурские ведомости" проинформировали своих читателей о благополучном прибытии начальника Анадырской округи к месту назначения. При высадке же на землю прибывшим крупно не повезло: река Анадырь показала свой норов и перевернула баркас, на котором плыл Н. Л. Гондатти. Многие его вещи — различные научные инструменты, фотографические принадлежности, деньги — погибли. Погибли и его заметки о путешествиях на Новую Землю, в устье Оби, на остров Цейлон, в Индию, Китай, Японию и Америку, которые он собирался подготовить к изданию. Пробыв несколько дней в мокрой одежде, сменить которую было нечем, Николай Львович сильно заболел и, как он потом рассказывал, был готов "отправиться за доктором Гриневецким". Но судьба была милостива к нему, и он выздоровел.

Опыт общения и изучения аборигенов, живших на севере Урала и Сибири, во многом помог Гондатти быстро

адаптироваться к суровым условиям жизни в приполярье среди чукчей. Ученый рассматривал аборигенные общества как полигон для изучения ранних стадий развития человечества, как опыт организации жизни людей в единстве и гармонии с природой. Ему было чуждо высокомерное отношение к чукчам, он не воспринимал их как дикарей, достойных сожаления за свою отсталость. Наоборот, он видел в них сильный, смелый, свободолюбивый народ, хранящий славу предков. Чукчи производили прекрасное впечатление. Это был "красивый народ, высокий, стройный, с умными, выразительными глазами, с гордо поднятой головой, прекрасно развитый физически. Среди женщин было немало красавиц"[3].

Буквально с самых первых шагов по анадырской земле Н. Л. Гондатти начал изучать язык аборигенов и делал это с присущими ему настойчивостью и педантичностью. Вскоре к знанию английского, французского, немецкого он присоединил и чукотский язык, что помогло ему завоевать признание жителей тундры. Этому же в немалой степени содействовал и демократизм поведения начальника округа, его цивилизованное отношение к аборигенам или, как тогда говорили, инородцам. По распоряжению Гондатти всякого чукчу, по какому-либо случаю прибывшего к нему, следовало непременно накормить, напоить чаем, дать какой-либо подарок. Как правило, все связанные с этим расходы записывались на личный счет начальника. Превыше всего ценившие ласку и оказываемое уважение, чукчи тем же платили начальнику. Мариинский пост и село Марково стали популярными. Оленные (т. е. кочевые) чукчи во время своих зимних перекочевок хоть на несколько дней разбивали близ них свой лагерь. Все, от мала до велика, наведывались в казарму, где жил Гондатти. Сколько бы их ни приходило, здесь заваривался в котле чай, каждый гость получал по юколе, куску хлеба и кружке чая.

Одно из первых распоряжений начальника касалось торговли, которая играла в жизни чукчей огромную роль. Он увидел изъяны в сложившейся торговой практике, когда торговец приезжал в становище с товаром и диктовал свою цену. Гондатти под страхом строжайшей ответственности запретил торговцам выезжать для торга в одиночку. Для торговли назначалось место и время, приуроченное к обычному становищу чукчей. Первый торжок, на который съехались торговцы, был проведен в ближайшем от с. Марково становище. Поднявшись на нарты, Н. Л.

Гондатти объявил по-чукотски, что с этого дня торговцы будут приезжать не в одиночку, а все сразу и выставлять все привезенные ими товары, что чукчи могут торговаться о цене, но если торговец и покупатель обменялись товарами, то дело кончено, и назад брать отданную за товар пушнину нельзя. Был поднят российский флаг, сделаны три ружейных выстрела, и торг начался. От обилия товаров, от возможности их все видеть, чукчи пришли в восторг, нововведение пришлось им по сердцу, и известие о торжках быстро распространилось по тундре. Всю зиму 1894 г. Гондатти провел в разъездах по торжкам, наблюдая за торговлей. Усилия начальника по достоинству были оценены, по всей тундре о нем пошла добрая молва. Ключом к установлению фактической власти России на северо-восточной территории Гондатти считал снабжение ее товарами. С этой целью он предложил губернским властям устроить на Анадыре склад российских товаров по типу американского, который мог бы дать хорошую прибыль и стать надежным средством распространения среди аборигенов русского влияния.

Начальник края, территория которого равнялась среднему европейскому государству, изъездил его из конца в конец, преодолев свыше восьми тысяч верст, в основном на нартах. Как естественник, Гондатти ознакомился с чукотской медициной. Многие лекарственные средства он признал вполне рациональными и принял их для применения, дополнив своими ученьми познаниями и средствами, выработанными медицинской наукой и практикой. Так, свято соблюдая все чукотские обряды при лечении, Николай Львович стал главным лекарем тундры. А началась эта деятельность с такого случая. В одном становище собирались убить безнадежно больного старика, что было в обычае чукчей. Хорошо изучив их верования и представления, согласно которым все болезни происходили от действия рассердившихся на чукчу злых богов, Гондатти убедил чукчей в том, что бог, который обычно покровительствовал душе убиваемого, в данный момент находился в отлучке и что убить больного следует через четыре дня. Доводы его показались родственникам основательными. Гондатти же, пользуясь своей аптекой и дорожной фляжкой коньяка, начал лечить старика. К его величайшей радости, больной почувствовал облегчение, и уже на третий день родственникам было заявлено, что больной не может быть убитым. Старик выздоровел и с этого вре-

мени "слава Гондатти окрепла и его сверхъестественная сила была признана чукчами"[4].

Среди чукчей было введено празднование царского дня, который отмечался с торжественностью насколько это было возможно, с угощением всех приходивших чукчей рыбой, хлебом, кашей, чаем, с устройством атлетических игр, награждением победителей, которыми были не только мужчины, но и женщины.

После двух лет пребывания Н. Л. Гондатти на Чукотке его посетил действительный член Приамурского отдела ИРГО А. П. Сильницкий, совершивший поездку из Владивостока в Анадырь на корабле, доставившем почту, продукты и товары. Личные его впечатления от поездки и знакомства с Н. Л. Гондатти были опубликованы в Записках Приамурского отдела[5], благодаря которым имеется возможность и сто лет спустя объемно представить личность начальника Чукотки, условия жизни и характер его деятельности. Не будучи знакомым с Гондатти, А. П. Сильницкий слышал, что он человек молодой, полный сил и здоровья, поэтому был немало удивлен, когда увидел перед собою человека с сильною проседью в голове, с морщинистым, землистого цвета лицом. Его поразило, что, пройдя несколько ступенек трапа, Гондатти так запыхался, что почти не мог говорить. Общаясь с ним в течение 12 дней стоянки корабля, Сильницкий обратил внимание на его выдержанность, неприхотливость, приветливость, даже ласковость, веселость, способность в трудную минуту пошутить. Работая день и ночь, Гондатти успел за это время прочитать многочисленные бумаги, адресованные ему из разных учреждений края, а также письма и телеграммы из Москвы, Петербурга, Парижа, Нью-Йорка, и написать ответы, принять с парохода большой груз, снарядить отправку товаров в с. Марково. Под руководством начальника команда казаков работала дружно и эффективно. Она поразила А. П. Сильницкого, бывшего военного, своей подтянутостью и дисциплинированностью. "...Никогда и нигде не видел столь образцового порядка, столь дисциплинированной и проникнутой сознанием долга команды, каковою я видел маленькую команду анадырских казаков,— писал он.— Думаю, что много труда, таланта и глубокого знания человеческой природы положил Гондатти в дело воспитания своих казаков"[6].

В целом личность Николая Львовича произвела на А. П. Сильницкого "неизгладимое впечатление"[7]. Обстановка,

в которой жил начальник округи, не отвечала "самым скромным требованиям самого скромного человека"[8]. Претерпевая чрезвычайные лишения, он никогда не утрудил губернское начальство никакою просьбой об улучшении его личного существования. "Это обстоятельство показывает,— писал Сильницкий,— что во имя идеи человек может мириться с реальнейшими бедствиями живого существа: холодом, голодом..., что в великой России, во всех случаях, где требуются люди долга, способные на самозабвение, таковые находились повсюду исстари и теперь"[9]. Жилище, в котором жил и работал Н. Л. Гондатти вместе со своей казачьей командой, называемое казармой, представляло собой деревянный барак, крыша которого была обмазана глиной, а стены обложены дерном. Зимой в 60-градусный мороз, сопровождаемый сильными ветрами, это жилище не могло спасти его обитателей. "Наша пурга в какие-нибудь 6—10 часов заносит всю казарму до окон,— рассказывал Н. Л. Гондатти гостю... — Так мы пургу и сидим, не видя света, не дыша свежим воздухом, в течение 3—4 недель"[10].

А какой восторг вызвала у Гондатти и его помощника Анкудинова картошка, которой их угостили на приеме у капитана корабля. "Не ели, батенька, мы картошки вот уже год, а если бы вы знали, как другой раз хочется растительной пищи"[11],— признавался Николай Львович.

Пробыв на Чукотке положенных два года, успев за это время немало сделать, Н. Л. Гондатти решил остаться еще на один год. Реакция А. П. Сильницкого за это решение Гондатти была мрачной и одновременно приподнято-торжественной. "...Возвратится ли когда-нибудь Гондатти, хватит ли его пошатнувшегося здоровья, чтобы провести в Чукотской земле еще третью суровую полярную зиму, сказать трудно,— писал он.— Я же со своей стороны могу по этому поводу высказать искреннее и глубокое убеждение: останется ли Гондатти жив, сложит ли он свои кости в Чукотской земле, но его имя, его самоотверженная деятельность, очевидцем которой я был, составит гордость не только Приамурского отдела Императорского Русского географического общества..., но оно составит гордость всех истинно русских людей, любящих своего Царя и Отечество". "Начальник Анадырского округа господин Гондатти остался еще на один год в своем округе для окончания своих научных исследований"[12],— писали "Приамурские ведомости".

Современный среднестатистический российский обыватель навряд ли поймет своего соотечественника Н. Л. Гондатти, более ста лет назад принявшего решение остаться еще на год в тундре. Ради чего лишать себя комфортных условий московской жизни, размеренной и уважаемой научно-педагогической работы, более того — терять здоровье и рисковать жизнью? Может быть, ради престижной должности или больших денег? Но какая такая престижность — начальник богом забытой окраины России, половина которой находилась за полярным кругом. Да и жалованье за эту государственную службу не выходило за рамки общепринятых норм. В таком случае, может Гондатти был чудаком, романтиком, идеалистом, не знавшим жизни? Но эти свойства совершенно были чужды его натуре. Современники Н. Л. Гондатти, его родные и коллеги тоже далеко не все понимали его. Многочисленные письма друзей и родных "были полны упреков, что он, оставаясь так долго в Чукотской земле, губит свое здоровье, губит свою жизнь"[13]. Некоторые члены Императорского Антропологического общества при Московском университете звали Николая Львовича в Москву, к его прежней деятельности, они уведомляли его, что даже та казенная квартира при Политехническом музее, которая полагалась ученому секретарю общества, была не занята и ждала его.

Что же составляло главный мотив непонятного для многих, нестандартного поведения Н. Л. Гондатти? Дело в том, что он принадлежал к такой доблестной когорте россиян, как подвижники, всегда составлявшие в генетическом фонде России особую ценность. Подвижники — люди, славные великими делами, доблестные делатели, храбрые, удачливые воители. Именно им во многом обязана Россия своей славой, могуществом и богатством. Подвижник Гондатти считал своим долгом и честью сделать власть России в Анадырском округе фактической, поставить надежный заслон проникновению американцев в российские владения. И он добивался этой масштабной цели отнюдь не насилием, а в первую очередь, "силою нравственного влияния своей личности"[14], решительным содействием развитию в округе торговли российскими товарами.

В последний год своего пребывания на Чукотке Гондатти предпринял долго готовившуюся поездку к Берингову проливу, на крайнюю северо-восточную оконечность материка, или, как он называл, на Нос. Стоит посмотреть

на карту северо-востока России, чтобы убедиться в грандиозности предпринятой Н. Л. Гондатти поездки из села Марково на реке Анадырь в бухту Провидения Берингова пролива. За три с лишним месяца рискованного для жизни путешествия он проехал на нартах около 2600 верст, посетил 38 лагерей кочевых и 42 поселения оседлых чукчей. Всего он посетил 437 жилищ с населением, состоящим из 1244 мужчин и 1319 женщин[15]. Иной раз Николаю Львовичу со своими спутниками приходилось проводить ночи на открытом воздухе, т. к. стоянки чукчей отстояли друг от друга на большом расстоянии, которое за день езды собаки не успевали пробегать. Юрты, которые встречались на пути и непременно посещались начальником округи, часто имели стены из дерна, а крышу из моржовых или иных шкур, иногда заменяемых старыми парусами со шхун, а вместо деревянных шестов и подпор использовались кости китов, белух и других крупных животных. Гостеприимные хозяева угощали путешественников большей частью сырым или полувареным мясом. Детальное знакомство с жизнью оседлых чукчей позволило Н. Л. Гондатти сделать вывод о том, что почти все поселения как на берегу Великого, так и Ледовитого океанов, стали гораздо малолюднее, чем они были тридцать лет назад. Иные поселки совершенно исчезли, и только остовы жилищ да ямы, бывшие погребами, указывали на то, что здесь когда-то жили люди. Главная причина сокращения оседлых чукчей была связана с уменьшением морского зверя, а во многих местах и с совершенным исчезновением кита и моржа. Виновниками в этом собеседники Н. Л. Гондатти считали американцев, которые в течение нескольких десятков лет совершенно бесконтрольно хозяйничали у российских берегов, массу китов и моржей истребили, остальных — напугали, что сильно затруднило охоту на крупных животных.

По свидетельству аборигенов, живших как на Анадыре, так и по берегам океанов, климат за последние 20—30 лет существенно изменился: зимы стали гораздо суровее, со свирепыми ветрами. 14—12 лет назад жители многих поселков пережили подряд две сильные голодовки, когда "немало народу вымерло". В остальные же годы в зимнее время, в особенности ранней весной, во многих поселках чукчи живут почти всегда впроголодь.

Одну из целей поездки начальник Чукотки видел в том, чтобы показать местному населению, что они "со-

ставляют часть российского государства и что над ними есть также власть"[16]. В каждом большом поселке Гондатти распоряжался о выборах населением трех старших, которые разбирали бы разные споры и ссоры, следили бы за промыслом, докладывали бы обо всем случившемся проезжающим представителям местной администрации. Он собрал на сходку самую авторитетную и колоритную часть местного населения — шаманов, заговорщиков (колдунов) и эркаляольтэ (мужчин, ходивших в женской одежде, исполнявших большей частью женские обязанности, которых боялись гораздо сильнее, чем шаманов и колдунов). На сходке начальник сказал, что они по-прежнему при полной свободе будут отправлять свои религиозные обряды. Однако "не будут только допускаемы убиение больных и престарелых", за что виновные будут подвергаться строгой ответственности[17].

Ввиду огромного значения оленеводства для края, Гондатти счел необходимым подкрепить своим авторитетом желание большинства чукчей и запретил продавать живых оленей на американские суда. А также он запретил ввоз спирта, предупредив, что если кто-нибудь его приобретет, у того он будет вылит, а если это будет торгующий, у него закроется склад. Это распоряжение было направлено против экипажей американских китобойных судов, промышлявших у российских берегов и занимавшихся обширной торговлей спиртом. С его помощью они за бесценок приобретали у чукчей оленей, шкуры белых медведей, мамонтовую кость, моржовые зубы и т. д. По словам чукчей, американским китобоям было строго запрещено продавать спиртные напитки на своем берегу. Начальник пришел к выводу о необходимости устроить в Уэлене казенный склад, на базе которого можно было организовать обмен товарами с местными жителями, а также построить дом и баню для служащих.

Решение переписать все оседлое население преследовало как научную цель, так и фискальную (подготовить материалы для обложения инородцев ясаком). С этой целью Н. Л. Гондатти составил специальные опросные листы. По существу, он одним из первых в России осуществил, выражаясь современным языком, социологический опрос значительной массы населения Анадырского края. Объектами переписи оказалось все без исключения оседлое население побережья Великого океана к северу от Анадырского лимана, а также самый восточный поселок

побережья Ледовитого океана Уэлен — значительное поселение на берегу Ледовитого океана, место торговли оседлых чукчей и Уныын — самое населенное место в округе, насчитывавшее около 500 человек и являвшееся сосредоточением американской торговли.

Переписывание нигде не встретило препятствий. Для того чтобы сведения были как можно точнее, Гондатти объехал, по существу, все поселки, для чего уклонялся часто в ту или иную сторону от прямого пути. Большинство из местных жителей никогда не видело русских, т. к. кроме нескольких русских судов, пристававших к очень немногим поселкам, здесь из русских больше никого не было. Гондатти обнаружил наличие в чукотском языке двух разных слов для обозначения немногих местных русских из потомков казаков-первопроходцев и пришлых русских. Свое внимание начальник обратил на факты, по существу, мародерства со стороны русских, приходивших на судах: они забирали у инородцев ружья, патроны, порох, на глазах у жителей одного поселка была захвачена шхуна, принадлежавшая чукче. Такие факты огорчали Н. Л. Гондатти, он считал, что подобное беззаконие должно быть исключено из жизни населения округа. В письме своему университетскому однокашнику Д. Н. Анучину[18] Гондатти откровенно высказал горестные размышления по этому поводу. В частности, он писал: "...чукчи меня спрашивали, друзья ли им русские или враги, и когда я отвечал им, что друзья, то они сомнительно качали головой и говорили: зачем же русские отбирают от нас ружья, порох, свинец, чем мы добываем средства к существованию, зачем отнимают вельботы, забирают наши склады. Когда у нас голод,— продолжали чукчи,— нам помогают не русские, а американцы, они дают нам в обмен на китовый ус и моржовую кость — муку и солонину"[19].

Две гармонично сочетавшиеся ипостаси Н. Л. Гондатти — администратора и исследователя — помогли ему принимать адекватные управленческие решения и проникать в тайны миросозерцания жителей. Предпринятые им административные меры впервые были направлены против хозяйничания в районе Уэлена американцев, в защиту интересов местного населения и России. Предложения начальника округа, направленные губернским властям Приморской области, содержали долговременную программу развития на Чукотке российской торговли, кото-

рая была способна приносить большие дивиденды и закрепить здесь российскую власть.

Демократичность, цивилизованность, гуманистичность политики Н. Л. Гондатти как представителя власти России, обеспечили мирный, безболезненный перевод аборигенов Чукотки в российских подданных.

Вопреки мрачным прогнозам Н. Л. Гондатти успешно проначальствовал третий год и летом 1897 г. благополучно вернулся на большую землю, в Хабаровск. Ему — члену-основателю Приамурского отдела Императорского географического общества предстояло выступить на общем собрании отдела о результатах своей научной деятельности в течение трехлетнего пребывания в Анадырском крае. В то время Приамурский отдел ИРГО был единственным научным учреждением, объединявшим исследователей, занимавшихся изучением природы, населения и экономики обширной малоизученной территории дальневосточной окраины России. Каждое новое свидетельство о крае, приобретенное в ходе путешествия, а тем более экспедиции, становилось предметом внимательного рассмотрения на собрании отдела, публиковалось в его Записках. Приамурский отдел, возглавляемый генерал-губернатором С. М. Духовским и его заместителем Н. И. Гродековым, по существу, объединил всю дальневосточную интеллигенцию и в большой мере содействовал деловому, не формальному общению ее с высокой краевой администрацией, что приносило немало пользы культуре и просвещению. Этот характер Приамурского отдела в полной мере проявился вновь во время выступлений Н. Л. Гондатти. Общее собрание как никогда было многолюдно и волнующе. На эстраде были выставлены коллекции, собранные Н. Л. Гондатти. Особое внимание присутствовавших привлекли останки мамонта. Открыв собрание, Н. И. Гродеков пригласил присутствовавших приветствовать Николая Львовича Гондатти с прибытием в Хабаровск и поблагодарить за его полезную деятельность на благо отдела. При неумолкающих рукоплесканиях публики, подойдя к Гондатти, С. М. Духовской подал ему руку и "от имени Приамурья благодарил его за самоотверженную деятельность в Анадырском крае". Очевидно, при этом генерал-губернатор испытывал и личное удовлетворение, поскольку не ошибся, когда четыре года назад, едва познакомившись с Гондатти в Москве, предложил ему стать администратором Чукотки.

В своем докладе, длившемся целый час, бывший начальник Чукотки "с приемами истого оратора" рассказал публике об Анадырском крае, его топографии, климате, флоре и фауне, о его жителях и их нравах. Затем он демонстрировал свои коллекции. Объяснения давались так просто и ясно, так занимательно, что публика слушала их с неослабевающим вниманием около полутора часов. Через день состоялось продолжение собрания, и на этот раз в зале яблоку было негде упасть. Лекция Н. Л. Гондатти была прослушана с захватывающим интересом, а сам талантливый лектор был награжден настоящей овацией. Стоявший близ лектора С. М. Духовской обратился к собранию с краткой речью, в которой он в частности сказал: "Николай Львович Гондатти ...поднял выше знамя именно того направления, которое ныне наиболее желанно и наиболее полезно для Приамурского края. Наш край — молодой, каждый день все более убеждает нас, что мы его еще знаем мало, и, чтобы узнать, требуется, подчас, необычайная борьба с местною природою и трудностями. Между тем, без основательного изучения местных условий, никакая административная, ни иная деятельность не могут быть правильными... Да множатся в нашем крае деятели именно те, кои теперь наиболее нужны, и да укрепляется и развивается их трудовая сила, мощь и слава России на Дальнем Востоке"[20]. Слова главного начальника края вызвали единодушное и громкое "ура" присутствовавших. Под гром аплодисментов, под неумолкаемые, мощные крики "ура", С. М. Духовской, подойдя к Гондатти, обнял его. Благодаря журналистам газеты "Приамурские ведомости" и через сто лет мы можем представить необыкновенную атмосферу встречи Н. Л. Гондатти, устроенной администрацией края и хабаровской интеллигенцией. Сколько в ней было оптимизма, энтузиазма, восхищения подвигом. Да, Н. Л. Гондатти приветствовали как первопроходца, как человека, совершившего подвиг. И это было вполне заслуженно. В связи с этим газета писала, что в России далеко не всегда многочисленные примеры высокого самопожертвования, делаются известными. К счастью, труды и служба Гондатти на пользу Отечества не остались безвестными. "Надежды, которые возлагал на Гондатти Приамурский отдел и его покровитель, Гондатти оправдал в полной мере, и чествование его, публичное воздаяние ему должного за его самоотверженные и полезные труды, укрепляет сознание, что каждый ра-

ботник Приамурья, при всех невзгодах и лишениях, неизбежных в нашем суровом крае, найдет себе должную оценку в Приамурском отделе Императорского Русского географического общества"[21].

Одним из главных результатов трехлетнего пребывания администратора Н. Л. Гондатти в Чукотской земле явилась просьба к администрации Приамурского края принять чукчей под покровительство и защиту русского царя с обязательством вносить в государеву казну то количество ясака, какое будет указано. Оказалась весьма результативной и научная деятельность Гондатти: им были собраны обширные материалы для всестороннего описания Анадырского края. Свои научные наблюдения Николай Львович обобщил в четырех статьях, которые были опубликованы в "Записках" Приамурского отдела ИРГО, с приложениями: анкетой переписи чукчей, краткой характеристикой населения Уэлена, его составе, занятиях, быте, сведениями о движении судов в Уныыне весной и летом 1895 г., списком проданных американскими судами в 1895 г. товаров, образцами предметов торговых сделок[22]. Например, из приложения можно узнать, что в конце прошлого века на берегу Берингова пролива за 20 пар средних пластин китового уса, 2 шкуры белого медведя, 20 шкур белых песцов, 5 шкур взрослых пыжиков и 1 кухлянку было получено: 2 пуда байхового чая, 8 пудов сахара, 2 ящика табака, 1 винчестер, 1 ящик патронов, 40 прутов свинца и 6 саженей ситца[23]. Заметим, что научные работы Н. Л. Гондатти и сегодня сохраняют свою ценность для этнографов, историков, краеведов, изучающих историю северо-востока России.

Н. Л. Гондатти стал одним из основателей хабаровского музея, возникшего вместе с Приамурском отделением ИРГО. Его дарения составили значительную часть первоначальной музейной экспозиции. Перед отъездом на Анадырь летом 1894 г. он, как писали тогда, "пожертвовал" в библиотеку музея 20 книг[24]. После первого года управления Чукоткой с пароходом во Владивосток Гондатти отправил обширную коллекцию, полный перечень которой сохранился в фондах музея. Это, в первую очередь, разнообразная одежда: кухлянка, какие носили русские торговцы на реке Анадырь, дорожный костюм чукчи, одежда новорожденного и костюм чукчаненка, начавшего ходить, костюм чукчанки, одежда чукчи во время охоты на морского зверя, кухлянка, изготовленная из моржовых ки-

шок, кожаные чулки, перчатки и т. д. В коллекцию вошли нарта, в которой ездили женщины, инструмент для вязания сетей, корыто для скота, лыжи, ловушка для ловли лис, 14 образцов изделий из бересты. Представление о фауне тундры давали такие предметы, как голова, бивни, зуб и кость мамонта, шкуры медведя, волка, песца, зайцев, 144 шкурки различных птиц, а также изготовленные Гондатти спиртовые препараты морских животных Берингова моря: морских ежей, звезд, раков и т. д. Новое пополнение музею из Анадыря привез с собой А. П. Сильницкий в 1896 г. По возвращении с Чукотки во Владивосток Николай Львович послал письмо Н. И. Гродекову с предложением направить музею предметы в "дополнение к ранее присланному". В январе 1898 г. Гондатти сообщил Гродекову о том, что передал М. Т. Шевелеву для хабаровского музея 8 ящиков с книгами (большей частью по естествознанию, как на русском, так и иностранных языках), разными предметами, в том числе фотографический аппарат со всеми принадлежностями и микроскоп[25]. К слову сказать, некоторые из гондатьевских экспонатов сохранились в музее до наших дней. Большую часть собранной на Чукотке коллекции Н. Л. Гондатти за свой счет отвез в Москву и подарил Этнографическому музею Академии наук. Современников поражала богатством и огромным объемом собранная Гондатти естественно-историческая коллекция, содержавшая данные о природе и населении, его одежде, жилищах, промыслах. На основе этой коллекции В. Г. Богораз-Тан написал очерк о материальном быте оленных чукчей. Другой столичный ученый В. Ф. Миллер использовал материалы Гондатти для написания статьи об эскимосских наречиях Анадырского округа.

За научные труды по антропологии, статистике и этнографии на Чукотке Академия наук присудила Н. Л. Гондатти большую золотую медаль имени академика Бера. Русское географическое общество удостоило его тоже золотой медали. Признанием заслуг бывшего начальника Чукотки перед Отечеством явилось награждение его орденом св. Владимира IV степени.

3. Выбор, сделанный вторично. Сибириада

С чувством выполненного долга Н. Л. Гондатти отправился в Москву: необходимо было поправить сильно пошатнувшееся здоровье, решить проблемы будущей службы и личной жизни. Перед его отъездом генерал-губернатор С. М. Духовской, пожелав благотворного отдыха, предложил Гондатти вернуться в край. "Вам, человеку высокообразованному, здесь уготовано отличное будущее"[1],— предсказал генерал. Разумеется, эти слова С. М. Духовского льстили самолюбию Гондатти и глубоко запали в его душу.

В Москве в кругу родных и друзей Николай Львович быстро восстановил свое здоровье. Многих интересовала его одиссея. Выступления о трехлетнем пребывании на крайнем северо-востоке России собирали полные аудитории, был проявлен большой интерес и к привезенной им коллекции. В это время в личной жизни Николая Львовича произошло знаменательное событие — он обвенчался со своей невестой — Маргаритой Мечиславовной Стравинской — потомственной дворянкой, которая стала верной супругой Гондатти, сполна разделившей с ним его подъемы и спуски, радости и горести, победы и поражения.

Получив несколько интересных предложений, в том числе занять кафедру в Московском университете и продолжить нравившуюся ему научно-педагогическую деятельность, Н. Л. Гондатти тем не менее медлил с принятием решения. Он понял, что "заболел" Дальним Востоком. В телеграмме, направленной на имя генерал-губернатора Приамурского края Духовского, было всего два слова: "Согласен. Гондатти". Вновь Н. Л. Гондатти делает выбор в пользу Дальнего Востока. Но если раньше его выбор во многом был основан на любознательности, интуиции, научном интересе, то выбор, сделанный на этот раз, определялся вполне осознанно и прагматично.

Когда Гондатти приехал в Хабаровск, то застал здесь нового генерал-губернатора, которым стал генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков. Гондатти был назначен старшим чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Служба предполагала постоянное общение с генерал-губернатором, пользовав-

шимся большим авторитетом благодаря неустанным заботам о развитии края, о его культуре. Многим импонировали его добросердечность и отзывчивость. Несмотря на существенную разницу в возрасте (Гондатти был моложе Гродекова почти на двадцать лет), в жизненном опыте и социальном статусе, боевого военного генерала Н. И. Гродекова привлекли в штатском чиновнике Н. Л. Гондатти широкая образованность, энергичность, деловитость, аккуратность. При этом обнаружилась и общность их интересов в научной сфере — Николай Иванович тоже был увлечен этнографией и являлся автором нескольких интересных работ, посвященных народам Средней Азии, где ему довелось ранее служить. Думается, Гродеков и Гондатти во многом были единомышленниками, людьми долга и чести, как говорится, одной группы крови.

К исполнявшемуся в 1899 г. 15-летию административного образования Приамурского края генерал-губернатор Н. И. Гродеков решил приурочить организацию выставки. За разрешением он обратился в столицу, в Министерство земледелия и государственных имуществ. В его телеграмме, в частности, говорилось: "Признавая ознакомление с условиями культуры, естественными богатствами края и его производительными силами в целях всестороннего развития вопросом первостепенной важности, полагал бы устроить выставку продуктов сельского хозяйства, рыболовства, кустарной, ремесленной и фабрично-заводской промышленности, которая явилась бы наиболее верным средством для изучения края, изучения столь необходимого ввиду вступления этого края с проведением сибирской железной дороги в новую эру его экономической жизни"[2]. Получив разрешение на проведение выставки, главный начальник края образовал комитет под председательством своего помощника генерал-лейтенанта А. С. Беневского. В состав комитета вошли: управляющий государственными имуществами края М. С. Веденский, окружной инспектор училищ В. П. Маргаритов, старший чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Н. Л. Гондатти и другие. Обширные знания, деловитость, исполнительность Гондатти объясняли решение членов комитета об избрании его наряду с Е. Т. Смирновым, А. В. Плюсниным и другими в исполнительное бюро, на которое комитет возложил обязанности заниматься непосредственным устройством выставки.

Из-за недостатка денежных средств Амурско-Примор-

скую выставку решено было устроить в казармах десятого восточно-сибирского линейного батальона, которые были отремонтированы и неплохо приспособлены к размещению экспозиции. Большая часть экспонатов естественно-исторического отдела, предназначаемых на Парижскую всемирную выставку 1900 года, была помещена в музее Приамурского отдела ИРГО. Исходя из социально-экономических реалий, организаторы выставки определили следующие ее отделы: полеводство; садоводство; огородничество и цветоводство; лесоводство; животноводство; пчеловодство; охота и рыбная ловля; горное дело; учебное и книжное дело; переселенческое дело; кустарная, ремесленная, фабрично-заводская промышленность; водные пути сообщений в Приамурском крае. Организаторы выставки ограничили ее участников наиболее развитыми территориями края — Приморской и Амурской областями и островом Сахалин. Несмотря на это, выставка получилась довольно представительной: число экспонатов на ней составило 1100, представленных предметов — свыше 10 тысяч[3].

Торжественное открытие выставки при большом стечении гостей произошло 1 сентября 1899 года. Был совершен церковный обряд, выслушаны речи. Генерал-губернатор Н. И. Гродеков открыл выставку и осматривал ее в течение пяти часов. "Располагая скудными средствами,— сказал он, обратившись к устроителям выставки,— вы достигли хороших результатов, что указывает на ваше сердечное отношение к порученному вам делу. Благодарю вас, господа"[4]. Действительно, для многих выставка явилась приятной неожиданностью, она показала то, чего не предполагали увидеть: в концентрированном виде были представлены несметные природные богатства края, усилия населения по его освоению и обустройству жизни. Выставка в течение двух недель работы довольно активно посещалась как местным городским, так и прибывшим из разных мест населением. Билет на выставку стоил 10 копеек, за исключением дня открытия, когда за него нужно было заплатить 1 рубль. По инициативе генерал-губернатора выставка сопровождалась заседаниями съездов учителей, сельских хозяев и врачей. Всего выставку посетило 11 550 человек[5].

На заключительном заседании выставочного комитета была присуждена и выдана 351 награда, в том числе 3 золотых медали, 53 серебряных, 70 бронзовых, 2 серебря-

ных кубка и 222 похвальных листа и отзыва[6]. Удавшаяся выставка, продемонстрировавшая плоды усилий населения по освоению богатейшего края, настраивала предприимчивых людей на поиск новых возможностей развития сельского хозяйства, промыслов, промышленности, торговли, позволяла оптимистически рисовать будущее Приамурского края.

Усилившийся поток переселенцев в южные районы Приморской области, возникшие в связи с этим технические и организационные трудности заставили генерал-губернатора укрепить переселенческую службу новыми назначениями. Заведующим переселением в Южно-Уссурийский край был назначен Н. Л. Гондатти. Это была должность штатского генерала[7]. Помимо этого Гродеков распорядился назначить заведующего переселением по совместительству вице-губернатором Приморской области с правом исполнять обязанности по управлению во время отсутствия губернатора во Владивостоке. Н. Л. Гондатти сравнительно быстро освоился с новыми обязанностями, вник в существо организационно-технических проблем, связанных с вселением тысяч крестьян на новые земли, наладил четкую работу своего аппарата. За время с 1898 по 1902 год в край переселилось свыше 60 тыс. крестьян и казаков. Ежегодный прилив новоселов составил до 14 тыс. человек[8]. Более половины их приходилось на уссурийские земли. Генерал-губернатор был доволен службой Гондатти, свидетельством чего служит следующая характеристика: "Коллежский советник Гондатти несмотря на то, что не был избавлен от несения многочисленных прямых своих обязанностей по службе, участвовал в обсуждении всех серьезных вопросов, касающихся благоустройства области, нередко исправляя должность губернатора в мое отсутствие, выказал благодаря приметной энергии, высокому своему образованию, способностям, такту, высокие качества администратора и принес делу упорядочения управления области необыкновенную пользу"[9]. Авторитетная оценка личностных качеств и администраторских способностей стала своего рода благословением Николаю Львовичу на будущее служение Приамурскому краю. Безусловно, Николай Иванович Гродеков оказал сильное влияние на Н. Л. Гондатти, которому посчастливилось пройти гродековскую школу административного управления.

Причины, заставившие Н. Л. Гондатти весной 1902 г. уехать из Хабаровска, чтобы занять место правителя дел

Иркутского генерал-губернаторства, ныне трудно установить. Возможно, инициатива исходила сверху, из МВД, может быть, сказалась протекция старых друзей. Нельзя сбрасывать со счетов и личные мотивы. Но в любом случае — новый генерал-губернатор "грубый и заносчивый" Д. И. Субботич, сменивший Н. И. Гродекова, был не причастен к принятию этого решения[10].

Так случилось, что вслед за Гондатти дальневосточный край покинул и Гродеков. Осенью 1902 г., прослужив на Дальнем Востоке восемь с половиной лет, он был отозван в Петербург с назначением на почетную должность члена Государственного Совета. Перед отъездом Николай Иванович сердечно попрощался с хабаровчанами, которые выражали генерал-губернатору искреннюю признательность и сердечную благодарность. Приамурский отдел ИРГО — выпестованное им детище, посвятил специальное заседание чествованию Н. И. Гродекова, которое прошло в военном собрании при большом стечении хабаровчан. Выступавшие подчеркивали, что Н. И. Гродеков — первый председатель отдела, был "истинным руководителем и вдохновителем его деятельности и в то же время первым самым ревностным его работником". На заседании было решено возбудить ходатайство о присвоении музею наименования "Гродековский" в память "об отеческих заботах и созидательных трудах Гродекова, посвященных этому учреждению"[11]. Позднее ходатайство было удовлетворено, и музей стал носить имя Н. И. Гродекова[12].

Перед отъездом генерал-губернатор издал приказ, в котором подвел краткие итоги своей деятельности, напомнил события, "внесшие существенные изменения в жизнь края". "Считаю своей обязанностью,— говорилось в приказе,— свидетельствовать, что подведомственные мне чины, начиная с помощника моего, губернаторов и кончая служащими низших степеней, свято исполнили свой долг. Да ниспошлет Всевышний благословение на преуспеяние всего населения, оставляемого мною дорогого мне края". Другой приказ был адресован войскам Приамурского военного округа. Вспоминая недавние военные события в Китае, генерал счел возможным в приказе подчеркнуть: "Грозные в бою, вы, как истинно русские воины, были милосердны к побежденному врагу и под защитой вашей скоро успокоилась и восстановилась прежняя жизнь в занятой вами стране. Я видел китайцев, призреваемых в госпиталях ваших, бездомных сирот, взятых на

воспитание, и русских солдат учителями в китайских школах. Сила и мощь ваша создала на Дальнем Востоке обаяние русского имени"[13]. В день отъезда 7 октября Н. И. Гродеков посетил хабаровский кадетский корпус, заехал в женскую гимназию, где собрались все учащиеся и преподаватели хабаровских учебных заведений. В адресе, прочитанном городским головой И. Н. Фоминым при прощании на станции Хабаровск, были такие слова, обращенные к Н. И. Гродекову: "Ваша общедоступность и сердечное отношение к нуждам городского обывателя навсегда запечатлели в сердцах городских жителей чувство глубокой искренней признательности к вам". Они не носили ритуальный характер, а полно выражали отношение хабаровчан к уважаемому генерал-губернатору, много сделавшему для укрепления обороны края, обустройства жизни и развития культуры. При прощании с друзьями и сослуживцами Николай Иванович сказал: "Где бы я ни был, мои взоры, как магнит, будут обращены на край"[14]. И всей последующей жизнью он подтвердил правоту этих слов. Так две славные личности — Н. И. Гродеков и Н. Л. Гондатти в 1902 г. покинули Приамурский край. Но к пользе дальневосточников, оказалось,— не навсегда.

Началась сибириада Гондатти, которая включила его административную службу в Иркутской, Тобольской и Томской губерниях. Когда Н. Л. Гондатти прибыл в Иркутск, здесь еще витал свободолюбивый дух ссыльных аристократов-декабристов, жила благодарная память о доблестном Н. Н. Муравьеве-Амурском — генерал-губернаторе Восточной Сибири, возвратившем России Приамурье, положившем начало освоению и заселению амурских земель. Являясь правителем канцелярии Иркутского военного генерал-губернатора, Н. Л. Гондатти осваивал обязанности провинциального чиновника высокого ранга. Очевидно, осваивал успешно, потому что взошел на самую верхнюю ступень лестницы провинциального чиновничества. В декабре 1905 г. по высочайшему повелению он вступил в управление Иркутской губернией. Гондатти умело лавировал между различными конфликтующими силами общества, превентивными мерами гасил социальные конфликты, предотвращал волнения и беспорядки. Эти действия генерал-губернатора по достоинству были оценены в центре. Н. Л. Гондатти направляется начальником одной из крупнейших и беспокойных сибирских губерний — Тобольской. Губернаторство Н. Л. Гондатти в Сибири,

совпавшее по времени со сложным революционным и послереволюционным периодом в истории Российской империи, — тема особая, которая ждет своего исследователя. Можно наметить лишь некоторые вехи его губернаторства в Сибири. Известен такой эпизод из биографии тобольского губернатора. В 1908 г. "подавлением крамолы" в Тобольске руководил военный генерал-губернатор Шмидт. Военно-полевой суд приговорил семерых революционеров к повешению. Казнь должна была свершиться в тобольской тюрьме на страстной неделе. Казалось бы, гражданского губернатора Гондатти не должны были тревожить действия военных властей. Однако он поступает неординарно: телеграфирует Шмидту в Омск и Столыпину в Петербург с целью добиться отмены казни. Не получив ответа, он телеграфировал вторично и напряженно ждал ответа. Вечером в страстной четверг Гондатти пошел на телеграф, где вместе с начальником почтово-телеграфной конторы просидел всю ночь, так и не дождавшись разрешения остановить казнь. Этнограф В. Г. Гартсвельд, собиравший фольклор сибирских заключенных, познакомившись с тобольским губернатором, оставил следующее свидетельство: "Это человек чрезвычайно любезный и обходительный,— писал он,— и, кажется, единственный губернатор России, променявший кафедру ученого профессора на карьеру администратора. Он сумел снискать себе расположение бесчисленного количества ссыльных Тобольской губернии, а это задача нелегкая, они даже шутливо называли его "товарищем Гондатти"[15]. Тобольский губернатор энергично помогал Алексеевскому главному комитету по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, за что получил Высочайшую благодарность. Он был избран председателем Тобольского местного управления российского общества Красного Креста. Судя по всему, император и правительство вполне были удовлетворены службой Н. Л. Гондатти на посту Тобольского губернатора, поскольку он был удостоен ордена святого равноапостольского князя Владимира 3-й степени (1907 г.) и ему был пожалован французский орден Почетного легиона — Кавалерский крест. Общественным признанием заслуг Н. Л. Гондатти явилось присуждение ему звания "Почетный гражданин" городов Березова, Сургута и Тюмени[16]. Следует заметить, что решение об этом принималось городскими думами, а утверждалось императором. 15 сентября 1908 г. именным указом, данным Правительству-

ющему сенату, Н. Л. Гондатти был назначен Томским губернатором.

В Томске Николай Львович в первую очередь обратил внимание на больницу и богадельню приказа общественного призрения. Эти необходимые для города учреждения находились в ужасающем положении. Он направил письмо городскому голове Томска, в котором писал: "мною замечено, что помощь старым и больным людям крайне мала, ею едва пользуется треть таких бедняков". Процитируем письмо дальше, оно красноречиво: "Современные условия городской жизни требуют все больших сил на борьбу за существование, и число людей, физически и духовно надломленных такой борьбой, все умножается. Много таких бедных тружеников после долгих лет лишений и тяжелого труда, утратив трудоспособность, находят одинокую и больную старость. Их бесприютная, полуголодная жизнь, полная страданий, тягостна как для окружающих, так и для них самих"[17]. В письме с состраданием говорилось о большом количестве людей, нуждавшихся в призрении: в богадельне приказа общественного призрения содержалось 40 человек, а желавших оказаться в ней — 70 человек; в богадельне общества защиты женщин "Пчельник" призревалось 33 человека, а кандидатов насчитывалось 37 человек. Губернатор просил городскую думу в ближайшее время внести на обсуждение вопрос "о расширении городских богаделен или устройстве новой, соответствующей действительной потребности"[18]. Как следует из письма, Н. Л. Гондатти при этом руководствовался не только филантропическими соображениями — старики и старухи заполняли городскую больницу, лишая возможности воспользоваться лечением людей с острыми заболеваниями. К тому же содержание в богадельнях было вдвое дешевле, чем в больнице. Сооружение больницы и богадельни, "устройство их согласно указаний науки"[19], значительно понизило градус социальной напряженности в городе, а начальник области обрел репутацию радетеля за больных и бедных. Гондатти удалось решить жизненно важную проблему — проведение через Томск железной дороги, а также железнодорожной ветки на г. Каинск.

Выпускника Московского университета и его преподавателя Н. Л. Гондатти особо заботило состояние в губернии народного образования. При его энергичном содействии были открыты агрономический и ветеринарный

факультеты в университете и высшие женские курсы, был составлен и утвержден план всеобщего обучения и школьного строительства в г. Томске, учрежден Дом трудолюбия[20]. Получив информацию о студенческих волнениях в университете, которые городские власти готовы были подавить вооруженной силой, Н. Л. Гондатти принял превентивные меры. В скромном штатском пальто он появился среди студентов во время их сходки и попросил слова. Неизвестный оратор говорил страстно и убедительно, настоятельно советовал студентам воздержаться от эксцессов. И когда резолюция о мирном решении конфликта была принята, он распахнул полы пальто и позволил в себе узнать "ненавистного губернатора". Долгие годы в стенах Томского университета помнили песенку, кончавшуюся припевом:

Ай-да, ай-да, ай-да-ти
Славный парень Гондатти[21].

Узнав о назначении Н. Л. Гондатти генерал-губернатором Приамурского края, городская дума Томска решила "возбудить вопрос о присвоении ему звания "Почетного гражданина" за все то, что он успел сделать на пользу города"[22]. Характерно, что на заседании городской думы были перечислены не только конкретные заслуги бывшего губернатора, но и подчеркивались положительные черты его личности как администратора: "...Со вступлением в должность начальника Томской губернии Николая Львовича, городское областное управление видело в нем не только власть надзирающую, но и власть руководящую и содействующую"[23]. Гласный А. В. Дуров указал на такую его заслугу, "которую трудно точно формулировать, но которая будет понятна всем, если сказать, что с приездом в Томск Николая Львовича всем стало легче дышать"[24]. В Сибири в полной мере проявились такие качества Н. Л. Гондатти-администратора, как гуманизм, демократизм, доступность. На заседании думы было высказано единодушное мнение о том, что Н. Л. Гондатти окажет огромное влияние на торгово-промышленное единение Приамурья с Томским краем.

Известие о присвоении звания "Почетного гражданина" городов Томска и Каинска Гондатти получил, уже будучи начальником Приамурского края.

4. Во главе Амурской экспедиции

Позорное поражение в войне в Японией, утрата южного Сахалина с богатыми морскими промыслами, получение японскими рыбопромышленниками права лова и ведения морского промысла вдоль побережья Японского, Охотского и Берингова морей и другие льготы — заставили российское правительство пересмотреть свою дальневосточную политику. Созданный в 1909 г. Комитет по заселению и переселению Дальнего Востока (далее — Комитет Дальнего Востока) под руководством П. А. Столыпина подготовил целую программу первоочередных мер, направленных на укрепление позиций России на Дальнем Востоке, которая была утверждена императором. В качестве главнейших она предусматривала поощрение переселенческого движения на дальневосточную окраину и строительство Амурской железной дороги. Начатое строительство магистрали выявило множество проблем, требовавших глубокого изучения и обоснованных рекомендаций для их решения. Именно в недрах столыпинского Комитета и родилась идея экспедиционного исследования дальневосточных земель. По предложению П. А. Столыпина руководство экспедицией поручалось Н. Л. Гондатти. Почему проницательный П. А. Столыпин остановил свой выбор на Гондатти? Император и Столыпин знали Н. Л. Гондатти как умелого, дельного сибирского губернатора, который несколько лет служил на российском Дальнем Востоке, во многом был знаком с его природными, социально-экономическими и политическими особенностями. В пользу сделанного выбора был и авторитет Гондатти в научной среде, где его знали как серьезного исследователя жизни аборигенов Сибири и Дальнего Востока. К тому же такие личностные качества Гондатти, как энергичность, настойчивость, деловитость, внушали надежду на успешность задуманного грандиозного дела. Не раздумывая, Томский губернатор Н. Л. Гондатти дал согласие возглавить научную экспедицию на Дальний Восток.

На традиционном приеме в разговоре с Николаем II о дальнейших планах Гондатти выразил желание организовать разностороннюю экспедицию в Амурскую область по изучению природно-климатических и других возможностей для переселения крестьян. Сибирский губернатор убежденно говорил царю, что изрядная сумма, необходимая

на организацию экспедиции, окупится, так как экспедиция сможет определить переселенческую политику России на дальневосточной окраине, по меньшей мере, на 20—30 лет[1]. Монаршую поддержку Гондатти получил, а экспедиция стала официально называться "Амурская экспедиция, командированная по Высочайшему повелению". Выделенные Министерством финансов 200 тыс. рублей позволили приступить к формированию состава экспедиции, начать работу по выработке ее программы. 27 октября 1909 г. постановлением Совета министров на Амурскую экспедицию были возложены следующие задачи: 1) изучить местность, прилегающую к линии постройки Амурской железной дороги с целью определения пригодности ее для заселения и выяснения находящихся в ней естественных богатств; 2) разработать предложения об устройстве новых и улучшении существующих на этой территории путей сообщения; 3) выяснить возможности развития станций Амурской магистрали и других поселений, имеющих естественные преимущества и экономическое значение, — в поселки городского типа; 4) составить предложения о дальнейших мерах по колонизации территории в районе прохождения Амурской железной дороги и развитию здесь промышленно-экономической жизни[2].

Для реализации этих задач были сформированы партии специалистов, работавших по следующим направлениям: почвенно-ботаническому, агрономическому, статистическому, гидротехническому, лесному, дорожному и геологическому. Кроме этого, в состав экспедиции вошли уполномоченные всех ведомств, которые соприкасались с колонизационным делом на Дальнем Востоке (МВД, Министерство иностранных дел и т. д.). Всего экспедиция насчитывала около 100 специалистов, ученых и практиков, объединенных одной целью — на основе всестороннего обследования дать обстоятельные рекомендации по развитию российского Дальнего Востока. Земледельческий отряд включал шесть партий: геоботаническую (руководители П. И. Прохоров и В. Н. Сукачев), лесную (А. Ф. Горн), переселенческую (С. П. Шликевич), гидротехническую (П. П. Стакле), зооветеринарную (А. Я. Лемперг). Дорожным отрядом руководил М. М. Долгоруков, затем — П. П. Чубинский. Горнопромышленные исследования проводили Э. Э. Анерт и А. И. Хлапонин, П. К. Яворский и другие специалисты. Изучение социальных проблем вел представитель МВД В. А. Закревский.

С самого начала работы экспедиции стало ясно, что такие общие колонизационные проблемы, как содействие торгово-промышленному и культурному развитию края, борьба с наплывом населения соседних стран и с экономической зависимостью от иностранной торговли и промышленности, не могут изучаться и рассматриваться только в отношении территории Амурской магистрали. Необходимо было распространить деятельность экспедиции на другие области Дальнего Востока. На совместном совещании участников экспедиции под председательством Н. Л. Гондатти была выработана особая программа по изучению различных отраслей колонизационного дела в Забайкальской, Амурской и Приморской областях и Маньчжурии. Несмотря на хорошую экипировку, исследователям пришлось преодолеть множество организационных и бытовых трудностей на Дальнем Востоке. Но это не помешало им собрать богатейший материал по всем вопросам колонизации края. В результате полевых обследований, а также привлеченная данных, полученных в ходе прежних экспедиций, удалось дать квалифицированные ответы на вопросы, поставленные Комитетом Дальнего Востока о колонизационной ценности района Амурской железной дороги. Оказалось, что земельного запаса в Амурской области вполне достаточно для ежегодного вселения 40 тыс. человек на протяжении нескольких лет[3]. Экспедицией были определены районы, нуждавшиеся в мелиорации, внесены предложения об использовании свободных казенных земель, непригодных для земледелия, об отношении к местностям, обладавшим ценными недрами и лесами. Обследование перспективных в колонизационном плане районов всего Приамурского края, а не только территории Амурской магистрали, позволило специалистам выйти на крупные обобщения. В отчете экспедиции содержалось описание всех главнейших естественных ресурсов края: лесов, недр, водных богатств, земель, пригодных для сельского хозяйства, использование которых должно способствовать культурно-экономическому развитию края.

Особо было обращено внимание на выяснение условий и нужд земледельческой колонизации, сельского хозяйства, обрабатывающей и добывающей промышленности, дан предварительный план развития средств сообщения в крае, а также были высказаны соображения о мерах борьбы с наплывом населения соседних азиатских стран,

о совершенствовании административного устройства и ведения земского хозяйства.

В общем отчете экспедиции ее начальник Н. Л. Гондатти отметил ряд существенных недостатков, присущих колонизационной политике правительства. Один из них — ее односторонность. Внимание правительства обращалось исключительно на военную защиту края и переселение крестьян-землепашцев. Расходы на прочие нужды края, особенно на средства сообщения, общую врачебную часть, агрономическую, ветеринарную помощь населению, полицию, суд и т. д. были ничтожны по сравнению с расходами на военное и переселенческое дело. Население было оставлено "почти без всякого содействия со стороны правительства". Односторонность политики правительства проявлялась и в том, что оставались без надлежащего внимания торгово-промышленные интересы края. В подтверждение этого говорилось, что ни одной грунтовой дороги специально в торгово-промышленных интересах населения в Приамурье не проведено, что находящийся на великом транзитном пути Николаевский порт не устроен и бар Амура не доступен глубоко сидящим морским судам, нет правильных карт Амура с притоками Уссури, Амурского лимана, морского побережья, что богатые приисковые районы и рыбная ловля оставлены почти совершенно без правильных путей сообщения, причем русской рыбопромышленности не оказано пока никакой существенной помощи к освобождению ее от монопольной зависимости от японцев, что местная промышленность и торговля до последнего времени лишены в большинстве случаев доступного кредита и возможности обосноваться на собственной земле. По мнению начальника экспедиции, колонизационное дело страдало и такими недостатками, как разрозненность правительственных мер и несогласованность, разобщенность в действиях отдельных ведомств. В итоге меры по освоению Приамурья были поставлены "в зависимость от мнения и усмотрения данного состава центральной и местной власти"[4].

Тормозом в колонизационном деле, считал Н. Л. Гондатти, служили нерешенные насущные вопросы, практически сталкиваясь с которыми, местная власть не имела возможности опереться на какие-либо точные правительственные директивы. К числу их принадлежал вопрос об отношении центральной власти к привлечению в край, бедный людьми и капиталом, иностранных предприни-

мателей. Не ясен был вопрос о будущем такого ценного района, как Николаевский. Не решено, можно ли предоставить русским людям поселяться не только там, где правительственные организации находят возможным и нужным их селить, но и в таких местностях, которые сами засельщики признают для себя наиболее подходящими. Открытым оставался вопрос о взаимном отношении задач военной обороны и колонизации края. Например, до последнего времени неизвестно, будет ли Владивосток коммерческим или исключительно военным портом, можно ли проводить необходимые для заселения приморской окраины пути сообщения от моря вглубь материка, возможно ли заселение территории Амурского лимана и др.

Неопределенность во внутренней политике осложнилась колебаниями и неустойчивостью внешнеполитического поведения правительства по отношению к восточным соседям — Японии и Китаю. "Жизнь и развитие Приамурья находятся под все тормозящим кошмаром ожидаемой войны прежде с Японией, теперь — с Китаем, в то время как задачи прочной и успешной колонизации края требуют твердых мирных соглашений с нашими обоими соседями и вполне определенного окончательного разграничения взаимных отношений"[5], — делал вывод начальник Амурской экспедиции.

По всем направлениям колонизации края Амурская экспедиция сделала взвешенные выводы и практические рекомендации, содержавшие организационные, законодательные, финансовые и другие меры.

Для развития торгово-промышленного дела в крае, в первую очередь, рекомендовалось улучшить средства сообщения, для чего углубить бар Амура, упорядочить Николаевский порт, оборудовать затоны и гавани, чтобы сделать реку действительно великим транзитным путем, соединяющим Амурскую железную дорогу с Тихим океаном. Что касается железнодорожного строительства, то экспедиция предлагала соединить Амурскую железную дорогу с северной базой Приамурья — Якутской областью и с городом Николаевском — промышленным центром Охотского побережья и низовьев Амура.

Нуждался в скорейшем решении вопрос о Владивостокском порте. В случае обращения его в чисто военный — предлагалось изыскать удобное близ Владивостока место для устройства коммерческого порта. Для координации всех действий, связанных с транспортом, было предложено в

составе управления водных путей Амурского бассейна учредить дорожный отдел и образовать постоянное дорожное совещание под председательством Приамурского генерал-губернатора.

Поскольку в горной и лесной промышленности не хватало предпринимателей с капиталами и знаниями, преобладали хищнические приемы эксплуатации богатств, предлагалось привлечь в край русские и иностранные капиталы. Для этого было необходимо изменить правила горного и лесного уставов, а также узаконения акционерных компаний. Также рекомендовалось развить в крае операции государственного кредита, учредить самостоятельное горное управление, а равно расширить права и улучшить положение окружных горных инженеров и др.

В числе мер, направленных на развитие рыбной промышленности, предлагалось освободить ее от монопольной зависимости японского рынка. С этой целью надо было улучшить и удешевить перевозки рыбных продуктов, облегчить доставку на Дальний Восток русской соли, открыть в Николаевске отделение Государственного банка, устроить регулярное сообщение в устье и лимане Амура.

По мнению исследователей, для промышленного развития необходимо было содействовать доставке в край русских рабочих, всемерно ограничивая область применения труда китайцев.

Экспедиция сделала вывод, что для развития горного дела, рыбопромышленности и лесопромышленности, сельского хозяйства при надлежащем содействии со стороны правительства "имеются достаточные в общем источники естественных запасов края"[6]. То же, чего ему не достает, он должен получать не из чужих стран, а из Сибири и Европейской России; при иных условиях положение и развитие дальневосточной окраины не могло быть прочным, обеспеченным от случайностей и выгодным империи. Естественно, что большое место в исследованиях Амурской экспедиции было отведено переселенческому делу, правильному использованию земель Приамурского края. Этому была посвящена целая программа, которая содержала меры законодательного, организационного и финансового характера. Так, предлагалось сосредоточить поземельное устройство крестьянского и казачьего населения в введении общих землеустроительных органов и распространить на казаков общие с крестьянами условия землепользования. Было признано необходимым разрешить

в северных районах края вольное (без образования переселенческих участков) заселение и отвод земель корейцам с льготным принятием их в русское подданство, а также льготную сдачу в аренду и продажу казенных и кабинетных земель для сельскохозяйственных и торгово-промышленных предприятий. Особо предусматривалось усиление правительственной помощи новоселам: повышение размера денежных ссуд, широкая организация казенной продажи сельскохозяйственного и промыслового инвентаря, предметов домоводства и продовольствия, заблаговременная расчистка и раскорчевка части надельной земли, ведение дорожного строительства, создание гидротехнической организации, ветеринарной помощи, содействие развитию животноводства и т. д. По мнению участников экспедиции, правильному использованию земель должна содействовать передача гражданского управления казачьим населением в общеадминистративные учреждения края.

Следует сказать, что участники экспедиции обратили серьезное внимание на обследование состояния земских дел в крае. В центре их обследования находились поселения вдоль Амурской железной дороги. Отсутствие управления в них создавало массу неудобств "в личной жизни засельщиков" и являлось препятствием в организации благоустройства и в удовлетворении местных нужд. Согласно действовавшим тогда законам, население поселков могло выбрать сельское или городское общественное управление. В отчете экспедиции доказывалась неприемлемость для новообразованных поселений применения существовавших положений об общественном управлении ввиду их требования имущественного и оседлого ценза для его участников. Поэтому предлагалось предоставить право участия на сходе всем жителям, избравшим данный поселок местом постоянной оседлости, вне зависимости от времени поселения и характера имущества[7].

У участников обследования вызвала обеспокоенность степень удовлетворения религиозных, просветительских и врачебно-санитарных нужд засельщиков. Чтобы поселковые жители в получении врачебной помощи не зависели от случайных услуг железнодорожного медицинского персонала, предлагалось дать средства управлению железной дороги для организации врачебной помощи и приема больных из поселков в железнодорожных больничных пунктах. Поскольку часть поселков располагалась в заболоченных местах, где отсутствовала хорошая питьевая вода,

в отчете предлагалось правительственной гидротехнике и железнодорожному управлению позаботиться о санитарном состоянии поселков. "...Расход же казенных средств на такую потребность окупится упрочением населенных пунктов в полосе железной дороги. При этом гидротехнические изыскания для осушения этих мест экспедиция брала на себя"[8].

Помимо железнодорожных поселков вдоль Амурской железной дороги в общественном и земельном устройстве нуждались другие подобные поселки края — на Уссурийской железной дороге, на землях, находившихся в распоряжении казачьих войск и близ приисковых резиденций. Некоторые из них по населенности и экономическому значению (например, Сретенск, Иман, Спасское, Ново-Киевское и др.) представляли, в буквальном смысле слова, города, развитие которых искусственно задерживалось ненормальными земельными отношениями, основанными на арендных началах. Особенно тяжелыми они оказывались для поселков, возникших на войсковой земле. "В колонизуемом крае упускать легкую возможность создания в нем прочных крупных экономических центров совершенно недопустимо. Вопрос о поселках городского типа нуждается в скором и государственном разрешении; считаться при этом с частными, железнодорожными и войсковыми интересами не приходится: земля под поселки должна быть отчуждена в казну, хотя бы принудительным порядком, ввиду государственного колонизационного назначения ее, и жители поселков должны быть освобождены от случайностей аренды, путем продажи им усадебных участков и полевых угодий..., вместе с тем, этому населению необходимо дать и соответственное поселковое или городское управление"[9],— к такому выводу пришел Н. Л. Гондатти.

Во многом благодаря присущим Н. Л. Гондатти чувству высокой ответственности, неутомимой энергии, способности организовать людей на дружную работу, задачи, поставленные перед Амурской экспедицией, были выполнены качественно и со значительным превышением. Начальнику экспедиции предоставилась возможность доложить о главных результатах работы самому императору Николаю II. В конце января 1911 г. Н. Л. Гондатти получил новое служебное назначение — генерал-губернатором Приамурского края. При этом он смог убедить столичных чиновников в необходимости продолжения деятельности

Амурской экспедиции. Конечно, уже в скромных масштабах экспедиция продолжала свои изыскания под руководством Гондатти и в 1911 г. В конце его управляющий делами экспедиции В. Романов представил справку по вопросам работы экспедиции, в которой содержались предложения о налаживании систематической и практической работы созданных вдоль Амурской железной дороги агрономических станций, об обследовании лесов и звериных промыслов, о необходимости скорейшего удовлетворения церковно-школьных нужд по линии строившейся дороги и др. вопросы[10]. Внимательнейшим образом изучив этот документ, Гондатти сделал необходимые распоряжения, находившиеся в его компетенции.

Комитет Дальнего Востока в 1912 г. фактически начал свертывать Амурскую экспедицию, о чем поставил в известность Приамурского генерал-губернатора. Возможно, это было связано с переменами в руководстве Совета Министров и Комитета Дальнего Востока по причине смерти П. А. Столыпина, поддерживавшего Н. Л. Гондатти. В телеграмме на его имя говорилось, что решено в текущем году собирание экспедицией новых материалов "временно приостановить и подвести итоги сделанному". При этом Комитет руководствовался тем, что изучение края будет продолжаться в широких размерах по всем ведомствам согласно программе, выработанной экспедицией, и будет объединено на месте — руководством Н. Л. Гондатти[11]. Однако вскоре начавшаяся первая мировая война заставила свернуть все работы экспедиции.

К сожалению, в научной и популярной литературе нельзя найти конкретное описание трудов Амурской экспедиции, тем более их анализ, оценку вклада, внесенного ее участниками в изучение и освоение дальневосточного края. В лучшем случае можно встретить только упоминание об экспедиции или утверждение, что она занималась изучением природно-климатических условий и возможностей дальнейшего переселения крестьян[12]. А между тем командированная экспедиция под просвещенным и опытным руководством Н. Л. Гондатти произвела всестороннее и обстоятельное обследование края. Работа экспедиции может служить примером организации крупномасштабного и всестороннего обследования огромного региона. Особо следует подчеркнуть такую сторону деятельности экспедиции, как ее тесное взаимодействие с местными правительственными и общественными учреждения-

ми. Личное наблюдение и исследования дополнялись собранными в различных местных учреждениях материалами. Кроме того, многие вопросы обсуждались на созывавшихся начальником экспедиции совещаниях, которые были проведены в Благовещенске, Зее-Пристани, Хабаровске, Николаевске, Никольск-Уссурийском, Владивостоке и Харбине с участием местных чиновников ведомств, промышленников и торговцев.

Успех работы почти ста ученых и специалистов экспедиции во многом был обеспечен ее руководителем — Н. Л. Гондатти, во всем блеске проявившем свой административный талант, а также профессионализмом и самоотверженностью всех ее участников. Они не ограничились территорией Амурской железной дороги, как предусмотрено было правительством, а охватили обследованием, по существу, весь Приамурский край. Можно утверждать, что Амурская экспедиция провела первое и, очевидно, единственное широкомасштабное комплексное исследование дальневосточного края, научно определившее первоочередные и перспективные задачи социально-экономического и культурного развития молодого края, превращение его не только в военный оплот, но и экономически развитый регион России.

Вместе с тем, из объекта экспедиционного обследования были исключены коренные народы Приамурья — ульчи, нивхи, нанайцы и др. Их проблемы, а они носили острый характер, по существу, были проигнорированы. Это тем более странно, что начальник экспедиции был известен как исследователь аборигенных народов Севера. Спустя несколько лет Н. Л. Гондатти исправит это упущение.

В общем отчете экспедиции, подготовленном Н. Л. Гондатти, была всесторонне проанализирована дальневосточная внутренняя и внешняя политика российского правительства и был сделан вывод, что внутренняя политика носит односторонний, ограниченный, разобщенный характер, а в проведении внешней политики допускаются колебания и неопределенность в отношениях с Японией и Китаем, что отрицательно сказывается на колонизационном деле в крае. Взвешенность и корректность критики правительственного курса дополнялась конструктивными идеями и конкретными предложениями, направленными на превращение дальневосточной окраины в развитый край, надежный оплот России на тихоокеанском побере-

жье. Центральным властям была предложена не только обоснованная программа переселения крестьян. Была выдвинута новаторская идея о разработке на основе материалов экспедиции "колонизационного плана", который бы придал освоению дальневосточного края планомерный устойчивый, комплексный характер, не зависящий от личностного состава центральной и местной власти. Подобный план мог в значительной мере обогатить правительственную политику на Дальнем Востоке и открыть широкие перспективы для его промышленного развития.

Настаивая на принятии правительством плана колонизации края, Гондатти предложил в его основу положить обеспечение прочного внешнеполитического положения на Дальнем Востоке, достижимого при определенном и ясном разграничении взаимных интересов России, Китая и Японии. Это во-первых. И, во-вторых, при использовании богатых естественных ресурсов края, установление такой связи его с центральными районами империи, которая способствовала бы уплотнению населения в Приамурье, освобождение его от чужеземного труда и ежегодной уплаты заграницe десятков миллионов русских денег за хлеб, мясо, соль и т. д. К идее разработки "колонизационного плана", ставшей главной для Н. Л. Гондатти, он безуспешно пытался привлечь внимание Комитета Дальнего Востока, найти поддержку ей в министерствах и ведомствах.

Труды Амурской экспедиции, изданные более чем в 30 томах с картами, схемами, диаграммами, содержали богатые материалы по всем вопросам колонизации края и представляли собой ценный вклад в изучение российского Дальнего Востока. Ряд идей и выводов и по сию пору сохраняет свою актуальность. Никак нельзя согласиться с утверждением, что экспедиция "почти не повлияла на переселенческую политику царского правительства"[13]. Напротив, она существенно повлияла не только на переселенческую, но и в целом на правительственную колонизационную политику на Дальнем Востоке. Выводы и рекомендации, сделанные Амурской экспедицией, легли в основу деятельности Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти.

5. Начальник края

Высочайшим указом Николая II 29 января 1911 г. Н. Л. Гондатти был назначен на пост генерал-губернатора Приамурского края. К этому времени Николай Львович успешно прошел важнейшие ступени лестницы российского провинциального администратора: начальник округа, старший чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе, заведующий отделом, начальник канцелярии генерал-губернатора, губернатор с семилетним стажем и, наконец, руководитель крупной научной экспедиции. Обширная образованность, большой, успешный административный опыт выдвинули Н. Л. Гондатти на положение видного российского администратора, который бы сделал честь не только российскому императорскому, но и любому европейскому монаршему двору. Поэтому назначение Н. Л. Гондатти генерал-губернатором в необжитый, самый удаленный от столицы край навряд ли можно расценить как большую честь для него. Скорее всего сказалась примитивная логика или синдром начальника: раз подчиненный критикует, пусть сам и исправляет увиденные недостатки. Назначение было подслащено присвоением Гондатти архаичного, экзотического придворного чина III класса — шталмейстер Двора Его Императорского Величества (в старину заведующий царскими конюшнями).

С точки зрения Приамурского края лучшей кандидатуры на пост генерал-губернатора, как Н. Л. Гондатти, просто нельзя было найти. В условиях ослабления позиций России на Дальнем Востоке, вызванного ее поражением в русско-японской войне, приграничный край испытывал сильную экономическую экспансию сопредельных государств. Важно было укрепить российские позиции в азиатско-тихоокеанском регионе. Эта задача была вполне по плечу Н. Л. Гондатти.

Следует сказать, что к моменту начала управления Н. Л. Гондатти Приамурским краем история губернаторства в России насчитывала уже более двухсот лет. Как основная административно-территориальная единица губерния существовала с петровских времен, с 1708 года. В начале XX века в России насчитывалось 78 губерний (25 из них приходились на Польшу, Финляндию и прибалтийские государства). Несколько губерний или областей, пре-

имущественно пограничных, объединялись в генерал-губернаторства. Их насчитывалось 8, в их число входило и Приамурское генерал-губернаторство.

Вопрос об учреждении Приамурского генерал-губернаторства был рассмотрен на заседании Государственного Совета в июне 1884 г. Резолюция императора Александра III гласила: "Его Императорское Величество воспоследовавшее мнение в Общем Собрании Государственного Совета об учреждении Приамурского генерал-губернаторства, Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить"[1]. В начале века оно являлось одним из молодых и обширных по территории и включало Амурскую и Приморскую области, северную часть Сахалина, Камчатку, Чукотку, район КВЖД в Маньчжурии. Назначаемый царем генерал-губернатор подчинялся непосредственно Министерству внутренних дел (МВД), обладал широкими полномочиями: командовал всеми вооруженными силами края, возглавлял гражданскую администрацию, осуществлял дипломатические функции при сношении с соседними государствами, т. е. являлся высшей должностью местной администрации в России. С назначением Н. Л. Гондатти генерал-губернатором было нарушено правило направлять на высшую должность в Приамурский край военного генерала. Впервые генерал-губернатором стал штатский человек, и произошло разделение гражданской и военной власти. Правда, предшественник Гондатти, генерал-инженер П. Ф. Унтербергер считал, что хотя должность генерал-губернатора по существу гражданская, однако в условиях края назначение военного "придает лицу большую авторитетность и престиж власти в среде народа. Соединение власти в одних руках имеет помимо отрицательных и ряд положительных качеств в деле согласования интересов гражданских и военных"[2]. Тем не менее происшедшее разделение власти в крае на гражданскую и военную, безусловно, было позитивным явлением.

По дороге из столицы в Хабаровск Гондатти остановился в Иркутске, где выполнил поручение, возложенное на него императором, — организовал заслон против заноса в Забайкалье и Приамурье чумной эпидемии из Китая. Вместе с семьей — женой Маргаритой Мечиславовной и дочерьми — шестилетней Татьяной и двухлетней Ольгой — Н. Л. Гондатти поселился в резиденции генерал-губернатора, в просторном доме на Алексеевской, построенном в конце XIX века[3]. С балкона дома хорошо

был виден могучий Амур. Любивший земледельческий труд, Николай Львович радовался большому ухоженному саду с красивым цветником. Кстати, когда в саду зацветал дикий абрикос, любоваться им приходили многие хабаровчане.

Новому генерал-губернатору не требовалось много времени для адаптации и изучения положения дел в крае. Он вполне владел ситуацией. Что же касается генерал-губернаторских обязанностей, он знал их, находясь еще на службе в Сибири. Что же это были за обязанности? В изданной в 1853 г. общей инструкции генерал-губернаторам, носившей скорее характер наставления, чем обязательного предписания, и сохранившей силу до 1917 г., были определены основные направления их деятельности. В частности, в инструкции говорилось, что при чрезвычайных народных бедствиях "генерал-губернатор вникает со всею подробностью в нужды пострадавших для немедленного облегчения их положения"[4]. "Он пользуется всяким случаем для указания истинных и прямых способов к разрешению и улучшению сельского хозяйства, он не оставляет без внимания фабричную, заводскую и ремесленную промышленность, направляя ее к предметам необходимых нужд и потребностей и к выгодам, как производителей, так и потребителей"[5]. И еще превосходное наставление генерал-губернатору — "он прилагает попечение к правильной разработке и пользованию естественными богатствами природы, без напрасного и несвоевременного их истощения". В целом инструкция довольно полно обрисовывала круг того, чем должен заниматься генерал-губернатор.

Что же касалось взаимоотношений центра и края, то их определяла исключительно вертикальная связь — центр — генерал-губернатор и наоборот. Распоряжения министров и главных управляющих по всем предметам губернского управления передавались к исполнению в губернии не иначе, как через генерал-губернатора. Предложения и просьбы края в центр мог представить исключительно генерал-губернатор. При этом уточнялось: "Имея право представлять непосредственно на Высочайшее усмотрение о всем, что признает нужным и необходимым, генерал-губернатор обязан пользоваться этим правом с должною осмотрительностью, делая представления только о делах особенной важности и в чрезвычайных ситуациях". Одним словом, местные администраторы не должны были докучать власти своими просьбами.

В 1876 г. генерал-губернаторам было предоставлено право издавать обязательные постановления "в видах правильного и успешного исполнения, сообразно с местными условиями, узаконений об общественном благочинии, порядке и безопасности". Они получили также право изменять и отменять постановления, изданные подчиненными им губернаторами. Озабоченная распространением революционного народнического движения, опасаясь массовых беспорядков, царская власть предоставила генерал-губернаторам, с утверждения министра внутренних дел, право объявления какой-либо местности в положении усиленной охраны, т. е. объявления военного положения, которое, в частности, предусматривало запрещение всяких народных общественных и даже частных собраний. Одним словом, генерал-губернатор являлся блюстителем "неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном ему крае"[6].

На Приамурского генерал-губернатора распространялся Наказ управлению Иркутского генерал-губернаторства (1888 г.), в котором в самом общем виде постулировались такие положения, как: 1) "существо власти вообще и пределы ее", 2) существо власти, вверяемой в особенности разным степеням управления, и пределы ее, 3) порядок сношений, 4) ответственность, 5) обязанности разных чинов"[7]. О характере этого наказа можно судить по следующим его статьям: "Каждое управление исполняет предписание высшего начальства с точностью и беспрекословно"[8]. "Один генерал-губернатор может постановлять новые правила и то не иначе, как с высшего разрешения или в случаях, наказом определенных". "Власть каждого высшего управления состоит: 1) в надзоре, 2) в разрешении". "Надзор состоит в наблюдении, чтоб порядок законами установленный, в подчиненных местах был сохраняем"[9]. "Разрешение состоит в постановлении или указании правила, на такое обстоятельство, которое подчиненному месту представляется затруднительным или пределы власти его превышающим"[10]. Взаимоотношения региона и центра, а также власть генерал-губернатора строились на строго централизованной основе.

Своеобразие Приамурского края, быстро менявшаяся здесь социально-экономическая, внешнеполитическая ситуация обнаруживали ограниченность полномочий ге-

Герб г. Хабаровска— административного центра Приамурского края, утвержденный в 1912 году

нерал-губернатора и вынуждали правительство раз за разом предоставлять ему дополнительные полномочия, носившие, как правило, временный характер. Уже первый Приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф на свою просьбу получил разрешение Государственного Совета в течение десяти лет облагать иностранный каботаж особыми сборами и устанавливать размер оброчной подати с

состоящего в русском подданстве китайского и корейского населения.

Отказываясь от принятия специального закона об управлении Приамурским краем, правительство ограничивалось временным продлением дополнительных полномочий генерал-губернатора. Письмо начальника края П. Ф. Унтербергера "Об укреплении в крае русской государственности и ограждении его от захвата иностранцами" инициировало обсуждение этих проблем на закрытом заседании III Государственной Думы (декабрь 1909 г.). Принятый закон "О присвоении Приамурскому генерал-губернатору постоянных полномочий по изданию обязательных постановлений, ограждающих вверенный ему край от иноземного шпионства" предоставил начальнику края "исключительные полномочия". Суть их заключалась в праве издавать обязательные постановления о запрещении доступа иностранцев в районы, в которых располагались сооружения военного и морского ведомств; о запрещении съемок, снимков, измерений и описаний местности; право устанавливать за нарушения постановлений взысканий и т. д. К выполнению роли блюстителя прав самодержавия, интересов российского государства на ее дальневосточной окраине Н. Л. Гондатти был вполне готов.

Какое-то время заняло подробное знакомство с чиновниками, служащими генерал-губернаторского управления. Оно состояло как бы из двух частей. Первую составляло собственно управление генерал-губернатора, которое включало старшего чиновника особых поручений, двух младших чиновников, окружного инспектора школ Министерства народного просвещения, чиновника по дипломатической части, горного инженера, инженера Министерства путей сообщения, межевого инженера, двух архитекторов, инспектора по тюремной части. При генерал-губернаторе числилась и редакция краевой газеты "Приамурские ведомости", которую финансировало МВД. Вторую часть краевой администрации составляла канцелярия генерал-губернатора, которая, по существу, представляла собой исполнительный орган, наделенный контролирующими функциями. Помимо правителя канцелярии главными лицами являлись делопроизводители, которые возглавляли отдельные направления деятельности канцелярии. Функции между делопроизводителями были четко распределены. К ведению первого делопроизводства

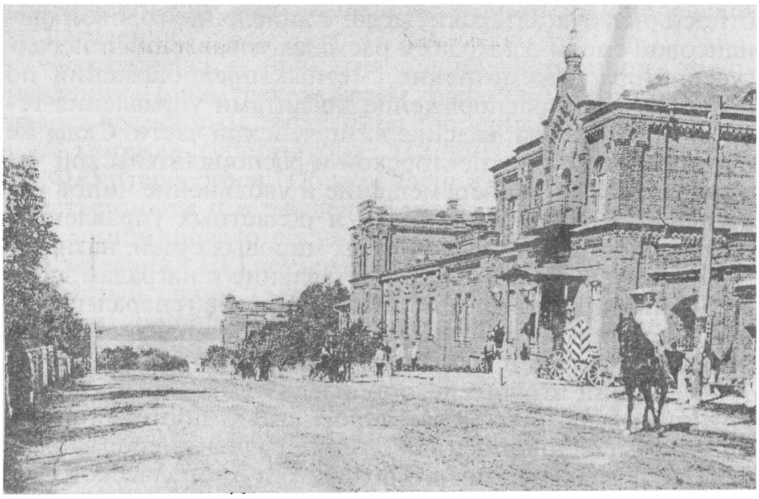
относились бухгалтерские дела: составление годовой финансовой сметы о доходах и расходах управления генерал-губернатора, рассмотрение сметных предположений по областям края, распоряжение кредитами управления генерал-губернатора, ведение казначейской части. Сюда же входили дела по инспекторской и распорядительской частям: определение, перемещение и увольнение чинов управления генерал-губернатора и областных управлений, утверждение в званиях почетных мировых судей, назначение пенсий чиновникам, представление к наградам, сбор сведений, подготовка и печатание отчетов генерал-губернатора, принятие иностранцев в русское подданство, переписка по делам и сборам пожертвований и т. п.

В ведении второго делопроизводства состояли хозяйственные дела: устройство дорог, связи, портов, торговли, промышленности и обложения разными сборами.

Третье ведало делами городского и инородческого управлений, снабжения продовольствием населения, врачебно-ветеринарной и карантинной службами, делами общественного призрения и духовного ведомства.

В функции четвертого входило рассмотрение дел по судебной, полицейской и тюремным частям. Кроме того, существовали межевое и учебное делопроизводства. Межевое контролировало переписку по земельному устройству населения областей и переселению, а учебное ведало учебными заведениями и осуществляло контроль за деятельностью педагогического персонала[11].

Канцелярия генерал-губернатора размещалась в доме, который сохранился до наших дней, — это дом № 28 по улице Муравьева-Амурского[12]. Правителем канцелярии стал профессиональный канцелярист В. А. Закревский, участник Амурской экспедиции. В написанной им книге из серии "Труды Амурской экспедиции" содержались любопытные наблюдения о состоянии земского хозяйства в Амурской и Приморской областях и предложения, свидетельствующие о том, что ее автор был самостоятельно мыслящим человеком и знатоком земских дел. Обратив внимание на разобщенность населения дальневосточных областей, отсутствие у него интереса к общественному делу и исключительную погоню за личными выгодами, В. А. Закревский пришел к такому выводу: "нужно помочь населению сплотиться, создать общественное дело и слиться в общих для развития края интересах"[13]. С этой целью он считал целесообразным ввести уездные съезды из упол-



Дом (резиденция) Приамурского генерал-губернатора в г. Хабаровске

номоченных населения для рассмотрения дорожной и подводной повинностей, их распределения, обсуждения проектов и принятия смет расходов. Съезды, по его мнению, явились бы начальной формой общественного воспитания населения. В. А. Закревский прослужил правителем канцелярии все годы генерал-губернаторства Н. Л. Гондатти, являясь его достойным помощником.

Состав управленческого аппарата Приамурского генерал-губернатора неоднократно корректировался: создавались новые службы, постепенно увеличивались и его штаты. С 1912 года Н. Л. Гондатти начал разрабатывать проект преобразований административно-территориального устройства края и возбуждать в МВД вопрос о желательности этих переустройств. Главная идея проекта заключалась в образовании новой, третьей области в крае — Романовской, которая бы объединила северный Сахалин и Удский уезд Приморской области[14]. Необходимость этих изменений обосновывалась потребностями экономического развития, ростом рыбопромышленности, золотого и лесного дела, прибавлением населения и перспективами этой территории. В проекте переустройства предусматривалось расширение состава областного управления и повышения его компетентности. Как известно, местное управление в

областях находилось в руках военных губернаторов Амурской и Приморской областей, острова Сахалин и губернатора Камчатки. Командующий округа управлял войсками через посредство окружного штаба и окружных управлений. Должности наказных атаманов Амурского и Уссурийского казачьих войск были соединены с должностями военных губернаторов Амурской и Приморской областей.

Областное управление предлагалось образовать из двух частей. Первая часть состояла из губернатора и подчиненных ему непосредственно чиновников. В проекте Гондатти предлагалось довести их состав до 26 человек, иметь вице-губернатора, советников, врача, фармацевта, ветеринара, инженера, архитектора, чиновников по крестьянским делам, землемера, тюремного инспектора. Вторую часть областного управления должна была составить канцелярия, объединившая делопроизводителей, бухгалтера, журналиста, экзекутора (чиновника, ведавшего хозяйственной частью), архивариуса — всего 28 человек. Следовательно, весь управленческий штат области в увеличенном составе не превышал 54 человека.

Изменения должны были коснуться и управления генерал-губернатора. Н. Л. Гондатти был настойчив в доказательстве необходимости создать при окружном инспекторе училищ особую канцелярию, а также ввести в состав чиновников, находившихся в непосредственном подчинении генерал-губернатора, представителя Министерства торговли и промышленности. Исходя из того, что задачи управления Приамурского генерал-губернаторства с каждым годом становились все более сложными и разнообразными, для решения которых требовались сотрудники с большим служебным опытом и знаниями, Н. Л. Гондатти высказался за увеличение окладов его служащих. При этом подчеркивалось, что чины управления находились несравненно в худших условиях, чем чины центральных ведомств, служивших в крае. Канцелярские средства генерал-губернаторства предполагалось увеличить с 12 до 15 тыс. рублей в год. Кстати, годовая заработная плата Приамурского генерал-губернатора составляла 12 тысяч рублей[15]. Все эти предложения Н. Л. Гондатти в конце концов получили удовлетворительное решение в Совете министров, но события 1917 года не оставили шанса для их реализации.

С управленческой точки зрения положение генерал-губернатора края было крайне противоречивым. С одной

стороны, он был представителем, доверенным лицом императора в крае, где никто не имел права контролировать, критиковать и ревизовать его действия, тем более что общественные силы, могущие стать оппонентами краевого начальника, находились в эмбрионном состоянии. С другой стороны, компетенция генерал-губернатора была в значительной мере ограничена центральной властью: он не только назначался ею, был ей полностью подотчетен, обязан был постоянно информировать о проводимой политике и согласовывать свои действия. Особым инструментом зависимости генерал-губернатора от центральной власти являлись выделяемые ею в личное распоряжение начальника края ресурсы.

Огромный край, находившийся в экстремальных условиях, преподносил администрации края немало сюрпризов, требовавших незамедлительных инвестиций. Возможности же ее были весьма ограничены. Генерал-губернатору был положен ежегодный кредит в сумме 24 575 рублей. Из них собственно на экстраординарные расходы предназначалась сумма в 14875 рублей (а остальные расходы имели определенное назначение). За эту сумму представлялась в центр установленная отчетность. В то время как в крае шла большая организаторская работа, эта небольшая сумма на непредвиденные надобности, конечно, не могла удовлетворить потребности. П. Ф. Унтербергер считал, что Приамурский генерал-губернатор "должен иметь в своем распоряжении крупную сумму..."[16]. Испрашивание же в каждом неординарном случае сверхсметного отпуска денег неминуемо тормозило дело. Положение не изменилось и при Н. Л. Гондатти. Любая его инициатива, связанная даже с небольшими ассигнованиями, требовала обращения в ведомство, Министерство, Совет министров, а по сравнительно крупными ассигнованиями необходима была санкция Государственной Думы. О степени несвободы начальника края можно судить хотя бы по тому, что он вынужден был испрашивать в МВД 2 тыс. рублей на проведение краевого съезда ветеринарных врачей и издание его материалов. Если начальник края был вынужден постоянно ходить с протянутой рукой и просить центр даже о самых незначительных денежных суммах, то это как-то не соотносится с утвердившимся в литературе представлением о неограниченности власти генерал-губернатора. В действительности она была ограничена и, в первую очередь, в финансовой сфере. Косвенно

об этом же свидетельствует характер некоторых вопросов, касавшихся Приамурского края, рассмотренных Государственной Думой: "Об отпуске средств на содержание психиатрического отделения при Хабаровском местном лазарете" (23 октября 1912 г.), "Об отпуске средств на содержание врачебной части Амурского казачьего войска" (10 ноября 1912 г.), "Об учреждении штата для колонии прокаженных в Николаевске-на-Амуре" (31 января 1913 г.)[17]. Конечно, наряду с этим Думой принимались решения, имевшие принципиально важное значение для социально-экономического развития Приамурского края. Так, в 1914 г. ею был принят законопроект "Об усилении надзора за рыбными промыслами на Дальнем Востоке и о продлении срока действия Закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке"[18]. Законопроект был утвержден Государственным Советом и императором и сыграл заметную роль в развитии рыбного дела.

Немало неудобств генерал-губернатору доставляли представители министерств и ведомств. Наряду с органами МВД и военного Министерства в крае действовали учреждения святого Синода, министерств морского, финансов, юстиции, торговли, управления земледелия и землепашества и госконтроля[19]. Они функционировали самостоятельно, в прямой зависимости от своих центральных управлений и только косвенно находились в большей или меньшей зависимости от генерал-губернатора. Время от времени между ними возникали разные трения, что вело к несогласованности их действий и отрицательно сказывалось на управлении краем. А главное, при таком порядке решение жизненно важных и неотложных вопросов растягивалось на годы: предложение генерал-губернатора направлялось в соответствующее министерство или ведомство, которое, в свою очередь, запрашивало мнение своего представителя в крае. При тогдашних средствах связи на это уходили месяцы. В случае положительного решения министерство обращалось в Совет министров. Если предложение касалось изменения законодательных положений или было связано с финансированием, то оно выносилось на обсуждение Государственной Думы. Вникший в эту проблему П. А. Столыпин установил особый порядок рассмотрения всех возбуждаемых главным начальником края (тогда им был П. Ф. Унтербергер) вопросов по управлению, требующих законодательного разрешения или согласованных действий двух или большего числа мини-

стерств. При генерал-губернаторе создавалось особое междуведомственное совещание, в состав которого входили представители министерств и ведомств, которым они давали указания, какого мнения держаться при обсуждении. Результаты совещания направлялись затем непосредственно в Совет министров и обычно им утверждались, если у представителей не возникало разногласий. При наличии их Совет выносил свое окончательное решение, которое затем представлялось на санкцию высшей, т. е. императорской власти или направлялось установленным порядком на решение законодательных учреждений. Таким образом, с помощью междуведомственного совещания сокращалось время окончательного решения краевых проблем, а главное, обеспечивалось квалифицированное, взвешенное их обсуждение и велась подготовка предварительных вариантов решения.

После смены руководства Совета министров новый генерал-губернатор Приамурского края смог доказать в столичных коридорах власти необходимость сохранения междуведомственного совещания. При Гондатти совещание, которое стало действовать регулярно, превратилось в важный механизм решения задач развития края. Так, в 1913 г. состоялось три заседания междуведомственного совещания. В первую очередь, на них рассматривались вопросы дорожного строительства: о постройке железнодорожной ветки от г. Хабаровска до Осиновского затона (базы Амурской речной флотилии); об охране Амурской железной дороги; о достройке и содержании грунтовой дороги между городами Благовещенском и Хабаровском; об образовании междуведомственного дорожного совещания при Приамурском генерал-губернаторе.

На примере истории вопроса о постройке железнодорожной ветки от г. Хабаровска до базы Амурской речной флотилии можно увидеть довольно сложную процедуру решения тогда местных проблем. Впервые вопрос о постройке этой железнодорожной ветки был возбужден военным министром в 1911 г. в его докладе о поездке на Дальний Восток. В следующем году императору был представлен доклад морского министра с донесением начальника Амурской речной флотилии, и императору благоугодно было собственноручно начертать: "Следует провести железнодорожную ветку к базе флотилии и ускорить окончание построек для личного состава"[20]. Итак, монаршее разрешение на возведение железнодорожной ветки в не-

сколько верст было получено. Осталось решить: кто будет выполнять эту работу и кто ее будет оплачивать, т. к. здесь сталкивались интересы морского ведомства и Министерства путей сообщения. Междуведомственное совещание под председательством Приамурского генерал-губернатора с участием представителей обоих ведомств решило просить морского министра отпустить из средств комитета береговой обороны в распоряжение ведомства путей сообщения 6500 рублей на произведение изысканий, а министра путей сообщения в общеустановленном законодательством порядке испросить кредит на постройку этой ветки[21]. Теперь дело черепашьими шажками стало двигаться по ступеням бюрократической лестницы. В конце концов удовлетворительное решение правительством этого вопроса сделало возможным строительство ветки.

Одно из заседаний совещания было целиком посвящено предложениям ведомства землеустройства и земледелия. Это: усиление надзора за рыбными промыслами на Дальнем Востоке, устройство на Амуре завода искусственного рыборазведения, условия образования переселенческих участков и оброчных статей в границах отвода генерала Духовского, передача лесов этого отвода в ведение главного управления землеустройства и земледелия, упорядочение лесопользования на крестьянских землях, организация в колонизационных целях казенного лесопромышленного предприятия в Приморской области, установление продажи леса по долгосрочным договорам из лесных пространств Приамурского края, обложение пошлиной дров, ввозимых из Маньчжурии в Приморский край[22].

На специальном заседании совещания рассматривались проблемы, находившиеся в компетенции МВД и Министерства иностранных дел, в том числе вопрос о воспрещении иностранцам пребывания в районе Амурской железной дороги, об издании общего иммиграционного закона для областей Дальнего Востока, записка о мерах вытеснения с нашего северо-востока американской торговли, об административном переустройстве управления Приамурского генерал-губернатора Амурской, Приморской и Сахалинской областей[23]. Наиболее значимым был вопрос об административном переустройстве управления Приамурского генерал-губернатора. Для Гондатти важно было заручиться поддержкой на месте для отстаивания проекта в центре. Кроме того, совещание высказало свои рекомендации и предложения по таким вопросам, как урегу-

лирование земельных отношений между городом Владивостоком и ведомствами — военным и морским, возмещение городу Владивостоку военным ведомством убытков, причиненных вырубкой лесов в период русско-японской войны, преобразование в города поста Александровский на Сахалине, поста Святой Ольги и поселения Иман (Приморская область). Крупным вопросом, имевшим большое значение для общественного развития и местного управления, являлось решение об учреждении должностей непременных членов по земским делам в Амурской и Приморской областях. При этом совещание исходило из того, что земское хозяйство Приамурья нуждалось в неотложном упорядочении, что неоспоримо было доказано в материалах Амурской экспедиции. Действительно, земский бюджет края не отвечал местным нуждам, что отрицательным образом сказалось на постановке земских дел, приобретших черты хаотичности и спонтанности. По мнению участников совещания, местное старожилое население настолько материально обеспечено и обжилось в крае, что могло бы принять участие в земском управлении. В пользу этого суждения были приведены следующие данные. Среднее подесятинное обложение земель крестьянского пользования за последние четверть века мало повысилось: в Приморской области с 2,8 коп. до 2,9 коп. В Амурской области оно равнялось 3,4 копейки. Исключение составляли лишь три волости, в которых плата равнялась 88 коп. Приводились сравнения с Европейской Россией — где средняя плата составляла 6 копеек с десятины, а максимальное обложение превышало средний уровень обложения в Приамурском крае в 18 раз[24].

Было внесено предложение поднять обложение с десятины земли до 10 копеек, направив денежные средства на учреждение в Амурской и Приморской областях присутствий по земским делам с должностями непременных членов, которые могли бы упорядочить местные дела. Считалось целесообразным привлечение уполномоченных местного населения путем созыва уездных съездов к составлению проектов земских смет и раскладов, распределения повинностей и т. д. При этом Министерство внутренних дел должно было дополнить проект штатов областных управлений в Приамурском генерал-губернаторстве учреждением присутствий и должностей непременных членов по земским делам в Амурской и Приморской областях.

Краткий анализ работы междуведомственного совеща-

ния при Приамурском генерал-губернаторе свидетельствует, что все обсуждаемые вопросы в той или иной степени были связаны с материалами и рекомендациями Амурской экспедиции. Генерал-губернатор с необыкновенной настойчивостью стремился перевести их из плоскости предложений и прогнозов в факт политики и практики. Вместе с тем, невозможность решения многих частных вопросов местной жизни без обращения в правительственные инстанции как нельзя наглядно доказывали ограниченность компетенции начальника края.

Тем не менее междуведомственное совещание значительно расширяло властные возможности генерал-губернатора, снимало ранее возникавшие противоречия с представителями ведомств, ускоряло процесс принятий решений. Эффективность подобной формы обсуждения насущных проблем местной жизни и вынесения по ним рекомендаций для столичных властей подтверждается созданием междуведомственного дорожного совещания, а во время войны — совещания по продовольствию.

Благодаря председателю Совета министров П. А. Столыпину в вертикали центр — Приамурский край появилось такое ответвление, как Комитет по заселению Дальнего Востока, созданный в 1909 году. Тот факт, что Комитет возглавил сам председатель Совета министров,показал высокую степень важности дальневосточной политики. Комитет с предложениями мог входить непосредственно в Совет министров и в Государственную Думу, что ускоряло процесс принятия решений. Правда, компетенция Комитета ограничивалась проблемами переселения и заселения края.

При отсутствии в России правовой основы во взаимоотношениях центра и регионов, политика и действия генерал-губернатора во многом, если не во всем, определялись его компетентностью, широтой политических взглядов, практическим опытом, нравственными устоями, а также в значительной мере зависели от понимания региональных проблем в центре, прежде всего, на уровне председателя Совета министров. Стремясь этим взаимоотношениям придать стабильный, в некотором роде правовой статус, снизить зависимость судьбы края от личных качеств его начальника и администраторов в центре, Н. Л. Гондатти твердо настаивал на принятии так называемого "колонизационного плана", своего рода перспективной комплексной программы развития дальневосточ-

ного края. Он правомерно считал, что материалы Амурской экспедиции позволяли разработать такой проект. В своем отчете о первом годе губернаторства, направленном Николаю II, Н. Л. Гондатти убеждал его в необходимости разработать и принять план освоения российского Дальнего Востока. Однако смерть П. А. Столыпина, а затем начавшаяся первая мировая война окончательно похоронили новаторскую идею Н. Л. Гондатти. Несмотря на это, он считал своим долгом и делом чести добиваться реализации выводов и предложений экспедиции. Если коротко сформулировать главные направления освоения края, которые легли в основу деятельности генерал-губернатора, то они сводились к следующему: развитие переселенческого управления по заселению края землепашцами; широкое участие переселенческого ведомства в доставке на Дальний Восток русских рабочих, промыслового люда; устройство сети водных, грунтовых и почтово-телеграфных путей сообщения, строительство Амурской железной дороги; широкая организация доступного торгово-промышленного кредита, направленного к насаждению и поощрению в крае наиболее культурных и выгодных для государства видов обрабатывающей и добывающей промышленности; привлечение в край иностранных капиталов для культурного использования богатств края при посредстве русских служащих и рабочих. Именно промышленное развитие края, создание здесь добывающей и обрабатывающей промышленности по переработке леса, рыбы, внедрение механизмов в добычу золота и других ценных металлов, по мнению Н. Л. Гондатти, были способны обезопасить дальневосточную территорию России от экономической экспансии соседних государств и создать фундамент его благосостояния.

Расширение масштабов освоения дальневосточного края, на чем энергично настаивал Н. Л. Гондатти, требовало наращивания размеров финансирования, которое шло централизованным путем. П. Ф. Унтербергер привел в своей книге доходы и расходы государственного казначейства по Приамурскому краю за 1906—1910 годы. Согласно им доход, полученный в крае за эти годы, составил почти 66,5 миллиона рублей, расход же выразился в сумме 285 миллионов рублей[25], т. е. в четыре с лишним раза больше. При этом в состав расходов входила сумма в размере 208,4 миллиона рублей, отпущенных по финансовым сметам военного и морского министерств и на строительство

Амурской железной дороги, т. е. эти затраты были связаны с общегосударственными военно-стратегическими задачами и интересами и поэтому должны были распределяться на всю империю. За вычетом этой суммы, разница между доходом и расходом в крае тогда выразится в сумму 10,2 миллиона рублей. П. Ф. Унтербергер опровергал сложившееся мнение, что Приамурский край живет исключительно за счет центра России, истощая его ресурсы, и оптимистично оценивал будущее края... "С увеличением населения, — считал он, — разовьется торговля и промыслы, поднимется эксплуатация громадных естественных богатств края, находящаяся ныне в начальной стадии развития. Тогда баланс расходов и доходов страны изменится к лучшему не только в отношении местных, но и общих интересов государства"[26]. Объективно оценивал финансовые возможности края новый его начальник. Дальневосточные области,— писал он императору, — нельзя оценивать "по признаку государственной их доходности: пока они находятся в состоянии устройства, а также и в силу их особого стратегического положения, придется, без сомнения мириться в течение многих десятков лет с превышением местных расходов над доходами. Но эти условия не исключают, очевидно, необходимости принять все зависящие меры к тому, чтобы бремя государственных затрат на дальневосточную окраину по возможности было смягчено расширением местных источников дохода..."[27] Гондатти внушал императору мысль о необходимости смириться с превышением местных расходов над доходами на "многие десятки лет". Но он вовсе не считал край "черной дырой" России, поскольку речь шла о стратегических интересах Российской империи и об освоении ее богатейшей территории.

Постоянную тревогу у начальника края вызывало состояние охраны границы и обеспечение безопасности населения, хотя военные вопросы и не входили в его компетенцию. Край имел протяженную сухопутную и морскую границу с Китаем, Японией, Кореей, США. Все воинские части были сосредоточены в Приморской области. Охрана границы в Амурской области и на Камчатке возлагалась на казачество, которое несло службу, в основном, в районах своих немногочисленных поселений. Что же касается полицейских сил, то они были в крае весьма ограниченны. В своем первом отчете о работе Н. Л. Гондатти поставил перед императором важные вопросы укреп-

ления обороноспособности Приамурского края. Он писал: "Ваше Величество не поставит мне в вину суждение о предметах, выходящих за пределы ведения Высочайше вверенного мне гражданского управления, так как только тесная и совершенно неизбежная зависимость нужд последнего от направления деятельности Военного ведомства побуждает меня всеподданейше докладывать о задачах последнего"[28]. Далее он продолжал: "Быть может, стратегические условия допускают оставить целую область края (Амурскую.— *Н. Д.*) без войсковых частей, в расчете, в случае надобности, сосредоточить здесь необходимые силы в кратчайший срок, однако на обывателя, незнакомого с подробностями плана обороны и ясно сознающего оторванность области вследствие плохих сообщений от мест расквартирования войск, отсутствие их на месте производит впечатление полной беззащитности..." — писал он императору[29]. Гондатти настойчиво обращал внимание на "почти совершенную беззащитность некоторых частей дальневосточной окраины". Он предложил упразднить Камчатскую и Удскую казачьи команды, поскольку они не способны были поддерживать безопасность территории в силу низкой дисциплины, в частности, вызванной почти поголовным алкоголизмом. "При таких условиях местное окраинное казачество является обузою для казны, которая в общем несет большие затраты по содержанию казаков". Единственным выходом из такого положения, считал генерал-губернатор, могло служить упразднение Камчатской и Удской казачьих команд и предоставление им полной свободы заниматься своим хозяйством. На те же затраты, которые казна несла на казаков, набрать полицейских стражников из запасных нижних чинов. "Только к ним вполне возможно было бы предъявлять строгие требования по исполнению полицейских обязанностей и только тогда вопрос об охране населения в полицейском смысле можно было бы считать поставленным на твердую почву",— считал начальник края.

В отчете Н. Л. Гондатти высказал смелую идею о необходимости дополнить будущий колонизационный план системой военной защиты края, разработанной военным ведомством и утвержденной Советом министров. Он писал: "Материалы Амурской экспедиции, как я имел счастье доложить Вашему Величеству, содержат необходимые данные для выработки колонизационного плана; остается, следовательно, чтобы и военное ведомство со своей

стороны, наметило окончательно, в связи с насущными гражданскими задачами систему военной защиты края и внесло бы свои предположения в Совет министров..."[30]. Но и эта гондатьевская идея пополнила архив российского бюрократического аппарата.

В апреле 1912 года Приамурский генерал-губернатор издал обязательное постановление на основании правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении. По существу, Н. Л. Гондатти объявил военное положение в крае. Согласно ему воспрещалось иметь в качестве жильцов и постояльцев находившихся в услужении или на каких-либо работах и занятиях иностранных подданных, не снабженных установленными или просроченными видами на жительство. Дворники и ночные сторожа, обязанность которых состояла в надзоре за внешним порядком и общественной безопасностью, переводились в полное подчинение местной полиции, приказания которой "должны ими исполняться беспрекословно". Дополнительные меры вводились по охране границы, по предотвращению незаконного пересечения ее китайскими гражданами. Воспрещались "всякого рода сходбища и собрания для совещаний и действий, противных государственному порядку и общественному спокойствию, а также всякого рода уличных демонстраций и манифестаций"[31]. Воспрещалось пение революционных песен и подстрекательство ко всякого рода беспорядкам, клонящимся к нарушению государственного порядка и общественного спокойствия.

Были предусмотрены запретительные меры для печати (публичное распространение каких-либо статей, возбуждающих враждебное отношение к правительству), воспрещалась тайная торговля крепкими напитками и спиртоношество (доставка спирта из Маньчжурии), содержание тайных домов терпимости, опиекурилен и игорных домов и т. д. За нарушение обязательного постановления были предусмотрены денежный штраф в размере до 3000 рублей или тюремное заключение сроком до 3 месяцев[32].

С введением военного положения в крае на Гондатти обрушилась критика либеральных, демократических элементов. Так, депутат IV Государственной Думы — "дальневосточный Керенский", А. Русанов в петербургской газете "День" писал: "Закон отсутствует (в Приамурском крае.— *Н. Д.*) уже много лет и заменен военным положением, призванным, по-видимому, более удобным, и

шталмейстером Гондатти, на которого вначале в этом отношении по недоразумению население возлагало некоторые надежды"[33]. Демократические силы не без основания увидели открывшиеся возможности для жестокой расправы с малейшими проявлениями оппозиционных революционных настроений, а также возможности для злоупотреблений и самодурства со стороны генерал-губернатора и его аппарата. Может, действительно, введение военного положения в Приамурском крае было обусловлено возросшей здесь опасностью со стороны "неблагонадежных элементов"? Сторонник превентивных мер, недопущения социального недовольства до конфликта, до взрыва, Гондатти не мог не считаться с тем, что рабочий вопрос стал реальностью для края. Так им было обращено внимание на неудовлетворительное материальное положение средних и низших чинов почтово-телеграфного ведомства. По его просьбе начальник почтово-телеграфного округа Н. И. Рейх представил свои соображения по вопросу о повышении вознаграждения труженикам почт и телеграфа[34].

По распоряжению начальника края В. К. Арсеньев в 1912 году предпринял 10-дневную поездку в район р. Биры до станции Надеждинской с целью выяснения состояния работ на бирских угольных копях и условий быта рабочих. По возвращении им был подготовлен доклад, в котором отмечалось, что рабочие получают 15—18 рублей в месяц, живут в бараках, спят на двухъярусных нарах. От полуразвалившихся домишек и нищеты в деревнях Волочаева (50 дворов) и Русская Поляна (13 дворов) у него осталось тягостное впечатление[35]. Конечно, начальнику края далеко не всегда удавалось предотвратить выплескивавшееся наружу недовольство рабочих. То мошенничество и воровство подрядчиков доведут рабочих-строителей Амурской железной дороги до бунта, то поднимутся рабочие, возмущенные жесткими порядками на горных разработках в районе Тетюхе. Но в целом в 1911—1916 годы в Приамурском крае не было значительных социальных протестов в виде рабочих забастовок или крестьянских волнений. Очевидно, это связано не только с военным положением в крае и усилившимися патриотическими чувствами населения в годы первой мировой войны, но и особенностями формировавшегося дальневосточного отряда рабочих. С одной стороны, сезонный характер труда — он преобладал в рыбном и горном промыслах,— значительно снижал социальные претензии работавших. С другой сторо-

ны, постоянные рабочие свои низкие заработки, как правило, компенсировали занятием промыслами — охотой и рыбной ловлей. Оппозиционные же политические силы в лице эсеров, социал-демократов — малочисленные и разрозненные — еще не были в состоянии возбудить и поддержать социальные выступления. Все это в общем и целом может объяснить, почему в предреволюционные годы в Приамурском крае социально-политическая обстановка была стабильной и сравнительно спокойной, чего нельзя было сказать о внешнеполитической ситуации.

Начавшаяся в 1911 году революция в Китае, свергнувшая существовавший более двух тысячелетий монархический строй и провозгласившая республику, грозила выплеснуть на территорию края массу китайского населения, создавала возможность для появления в приграничных провинциях воинственных диктаторов и других непредвиденных обстоятельств. Не имея возможности обезопасить население края от враждебных действий со стороны Китая, генерал-губернатор ввел военное положение, с которым край вошел в первую мировую войну. Другими словами, военное положение на Дальнем Востоке просуществовало почти все годы губернаторства Гондатти. Кстати, комиссар Временного правительства А. Русанов тоже был вынужден ввести на российском Дальнем Востоке в 1917 году военное положение. Что же касается намеков на злоупотребления Н. Л. Гондатти, то взявшие тогда власть в крае радикально настроенные люди, несмотря на большое старание, не смогли предъявить генерал-губернатору эти обвинения.

Наряду с талантом стратегического мышления Н. Л. Гондатти были присущи инициативность, воля и настойчивость в достижении цели. Он любил приговаривать: "каждый сверчок знай свой шесток". Но сам он не был сверчком, который знал только свой шесток. Гондатти был энергичным человеком, знавшим цену новаторской идее и первопроходческому делу. По своему положению он стал как бы мощным аккумулятором предложений, которые выдвигала сама жизнь. Пожалуй, никогда ранее на головы столичных правительственных чиновников не обрушивалось такого мощного потока всевозможных ходатайств, прошений, предложений и проектов, как в годы губернаторства Гондатти. Многие из них касались решения назревших социально-экономических проблем, были обусловлены необходимостью учета местных условий, защиты

государственных интересов и т. п. К примеру, генерал-губернатор ходатайствовал о желательности сооружения порта в Александровской гавани на Сахалине, о создании местного срочного почтового, пассажирского и грузового пароходства вдоль берегов Камчатки, об отпуске средств для проведения исследований Анненских и Шмаковских минеральных вод с целью их широкого использования, об учреждении в крае суда присяжных заседателей, об увеличении состава судебных следователей, об учреждении тюремной инспекции, об увеличении казенного содержания священнослужителей ввиду дороговизны жизни и т. д. Большая часть этих и других ходатайств, получившая поддержку в центре, обернулась пользой для края, его населения.

Н. Л. Гондатти стоял у истоков начинаний, которые получили распространение и развитие в последующие годы. Им была поддержана инициатива создания первого на Дальнем Востоке дачного района. 2 мая 1916 г. в присутствии генерал-губернатора была проведена закладка Анютинского дачного района в Приморье (район современного Садгорода). В центре поселка была заложена часовня на том месте, до которого 25 лет тому назад горожане провожали уезжавшего из Владивостока наследника престола Николая. В фундамент часовни заложили медную доску с надписью о закладке дачного района[36]. Просвещенный начальник края содействовал учреждению первого в Приамурье и третьего по счету государственного заповедника в России. Несмотря на военное время, он смог убедить правительство в необходимости открытия в 1916 г. заповедника "Кедровая падь" с целью сохранения уникального растительного и животного мира Приморья.

Среди приамурских генерал-губернаторов Н. Л. Гондатти был самым динамичным и подвижным человеком. Он был легок на подъем, много ездил по краю — в поезде, на пароходе, а то и верхом на лошади, легко переносся в дороге неудобства и дискомфорт. Газета "Приамурские ведомости" в разделе хроники подробно освещала поездки губернатора, демократический характер его общения с населением. Н. Л. Гондатти посещал такие глухие места края, где до него не ступала нога ни одного Приамурского генерал-губернатора. Так, летом 1914 года он совершил большую поездку на север Приморской области в район границы с Кореей и морского побережья, где знакомился с состоянием рыбных промыслов. В од-

ном из писем председателю Совета министров Н. Л. Гондатти так изложил методику своей деятельности: "...Поставив одной из своих неуклонных задач — не упускать из поля наблюдения ни малейшего, даже самого незначительного, на первый взгляд, явления политической и общественной жизни края, держа в своих руках нити местного управления, имея, наконец, возможность, благодаря моим частым объездам края, лично знакомиться с положением дела на местах, я располагаю в силу этого"[37] всесторонним представлением о положении в крае. Эти слова как нельзя лучше раскрывают механизм деятельности начальника края. К работе в администрации он привлекал по возможности профессионалов. Одним из них был авторитетный исследователь, знаток Уссурийской тайги В. К. Арсеньев, который находился на должности чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. На этой службе Владимир Клавдиевич выполнял важные задания. Так, им было подготовлено два доклада с изложением конкретных мероприятий по борьбе в Уссурийском крае с хунхузами и браконьерами. В 1911 и 1912 гг. В. К. Арсеньев совершил продолжительные поездки, одновременно являвшиеся научными экспедициями и проводившиеся под крышей Приамурского отдела ИРГО. Пришлось Арсеньеву участвовать и в небезопасном для жизни выдворении с территории России китайцев, корейцев, незаконно промышлявших в тайге. На Приамурской выставке 1913 г. в Хабаровске подполковник В. К. Арсеньев за труды, посвященные изучению Приамурского края, был награжден золотой медалью. Начавшаяся война, финансовые затруднения в значительной мере сузили возможности для проведения им экспедиционных исследований. Следует развеять существующий в литературе миф о якобы напряженных, чуть ли не конфликтных отношениях генерал-губернатора и чиновника по особым поручениям Арсеньева. Поводом для подобных суждений явились такие высказывания Арсеньева в письмах друзьям, как "административная деятельность мне не по душе", "Гондатти... хочет пристегнуть меня к администрации, а я брыкаюсь"[38] и т. д. Конечно, административная работа не привлекала заядлого путешественника, который рвался в тайгу, но она позволяла сочетать служебные обязанности с экспедициями. Субъективно интерпретируя отношение Н. Л. Гондатти к В. К. Арсеньеву, А. И. Тарасова в обстоятельной

монографии, посвященной дальневосточному исследователю и писателю, утверждала: Гондатти "всячески старался затормозить научно-исследовательские работы Арсеньева, возлагал на него обязанности, исполнение которых не только задерживало обработку экспедиционных материалов, но и было связано с большим риском для жизни". Он "считал себя высшим авторитетом по вопросам изучения края и очень ревниво относился к успехам других исследователей"[39]. Подобные суждения автора во многом объяснялись приверженностью идеологическим схемам (Гондатти — "царский сатрап" — строил козни и мешал талантливому исследователю В. К. Арсеньеву). Следует особо подчеркнуть, что эти суждения находятся в противоречии с нравственным обликом Н. Л. Гондатти и его твердыми убеждениями о необходимости всестороннего изучения Дальнего Востока. В пользу того, что между Гондатти и Арсеньевым существовали нормальные деловые отношения, говорит факт службы Владимира Клавдиевича в качестве чиновника по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе в течение шести лет. В эти годы Арсеньев добросовестно и квалифицированно выполнял поручения Гондатти и сделал немало полезного для края, в том числе и в его изучении.

По своим взглядам, мировоззрению Н. Л. Гондатти был монархистом, он исповедовал идеологию самодержавия, православия, народности. Его воспитание, жизненный опыт, карьера во многом объясняли эти идеологические пристрастия. Он считал, что служить императору — значит служить России: усердно выполнять обязанности начальника края, радеть о его освоении и преуспевании. В тогдашней России существовали свои формы взаимоотношения высших провинциальных должностных лиц с императором. Генерал-губернатор ежегодно отчитывался перед Николаем II — на его имя посылался отчет о работе генерал-губернатора, в котором помимо констатации и информации о сделанном содержались просьбы или предложения, носившие крупномасштабный характер. Как правило, в связи в каким-либо приятным событием (открытие выставки, окончание строительства моста, железной дороги) на имя Николая II посылалась телеграмма с выражением верноподданнических чувств. Н. Л. Гондатти инициировал присвоение Амурскому мосту имени наследника Алексея, предлагал создаваемой новой области — богом забытой территории края, неблагоустроенной, заб-

рошенной — присвоить имя Романовской. По крупным православным праздникам — рождество Христово, Пасха — Н. Л. Гондатти слал поздравительные телеграммы императору и его семье, а также поздравительные телеграммы по случаю дня рождения и именин императора и т. д. В ответ генерал-губернатор получал телеграммы с благодарностью и пожеланиями. Император не забывал награждать провинциального администратора орденами. В окружении Н. Л. Гондатти считалось, что он являлся если не любимчиком Николая II, то, по крайней мере, был ценимым им человеком. Однако царский сановник, монархист Н. Л. Гондатти имел и другую ипостась, которая была связана с его образованностью, обширными знаниями, культурой и, конечно, личностными качествами. Он был демократичен, открыт для общения с людьми, принадлежавшими к различным социальным слоям общества, был справедлив, отзывчив на просьбы и обращения. Такие черты, как вельможный снобизм, высокомерие, алчность, свойственные части российской чиновничьей аристократии, вызывавшие у низших слоев общества осуждение, ему не были присущи. Можно сказать, что Н. Л. Гондатти был монархистом с "либеральным лицом".

Следует подчеркнуть, что в силу специфики Приамурского края — широкой колонизации, пограничного положения, угрозы экономической экспансии сопредельных стран и др. — генерал-губернаторская власть, имевшая тенденцию к укреплению, в известной степени была эффективной во многом благодаря компетентности и профессионализму Н. Л. Гондатти. Вместе с тем в начале XX века в вертикали центральная власть — Приамурский край появились ответвления: в центре — Комитет по заселению и переселению Дальнего Востока, в крае — междуведомственное совещание под председательством генерал-губернатора, которые свидетельствовали о начавшейся эволюции взаимоотношений центра и региона. Сложилось и противоречие, которое заключалось в том, что управление краем, представлявшее собой неотъемлемую часть самодержавной административной системы, все в большей степени становилось в зависимость от центрального представительного органа, каким являлась Государственная Дума.

6. Приамурская выставка в честь 300-летия царствования Дома Романовых

В беспокойном, наполненном социальными взрывами царствовании Николая II 1913 год был сравнительно спокойным и благополучным. К тому времени в российском обществе несколько утихла боль, причиненная позорным поражением в русско-японской войне, померкла горестная память о кровавых событиях первой российской революции 1905—1907 годов, набирали силу промышленное и сельскохозяйственное производство. В этом году исполнялось 300-летие правления в России династии Романовых, которое решено было отпраздновать широко, с размахом, чтобы продемонстрировать неувядающую привлекательность монархизма в глазах масс, сплотить народ вокруг царского престола. Событию этому была посвящена книга "Царствование Государя Императора Николая Александровича"[1] (сначала она появилась в газетных приложениях), в которой впервые описывалась жизнь правящего царя. Николай II был изображен в ней "венценосным тружеником". "Государь является истинным отцом своего народа, не покладающим рук в своих трудах, и в будни и в праздники отдыхающим разве только во время своего краткого сна и неизменно служащим, в самых даже мельчайших вещах, высоким примером твердой верности в исполнении собственного долга"[2],— утверждалось в ней. "Я работаю за троих,— сказал однажды государь.— Пусть каждый научится работать хотя бы за двоих"[3]. Автор книги стремился создать образ благочестивого московского царя, богомольца, труженика, простолюдина. Выпуск этой книги — беспрецедентный случай в 300-летней истории династии Романовых, как и выпуск почтовых марок с изображением царей, в том числе Николая II. Но далеко не все одобрительно отнеслись к этому новшеству. Так, епископ Никон крайне резко осудил подобную коммерциализацию и рекламу. В ценах, представленных на марках — три копейки за Александра III, одна копейка за Петра Великого, — от усмотрел унижение благочестивых царей, почитаемых народом. Поэтому правительство было вынуждено вскоре прекратить выпуск новых марок.

Чтобы придать празднованию общероссийский масштаб, в Петербург были приглашены делегации всех российских губерний. В первой половине января 1913 года из

Хабаровска в столицу выехал Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти с супругой. 17 января "Приамурские ведомости" сообщили жителям края его столичный адрес: "С-Петербург, Его Высокопревосходительству Николаю Львовичу Гондатти Приамурскому генерал-губернатору". Затем для выражения верноподданнических чувств на столичные торжества отправилась депутация Приамурского края, в которую вошли городские головы Владивостока, Хабаровска, Никольск-Уссурийска, представители разных обществ, церкви и крестьянства.

Первая часть праздничных церемоний, посвященных избранию в 1613 году Земским собором царем Михаила Федоровича Романова, происходила в Петербурге и включала многочисленные и многолюдные, с участием сановников, вельмож, бюрократии, думских депутатов, губернских представителей, приемы, торжественное богослужение в Казанском соборе, балы, представления в Мариинском театре оперы М. Глинки "Жизнь за царя" и т. п.

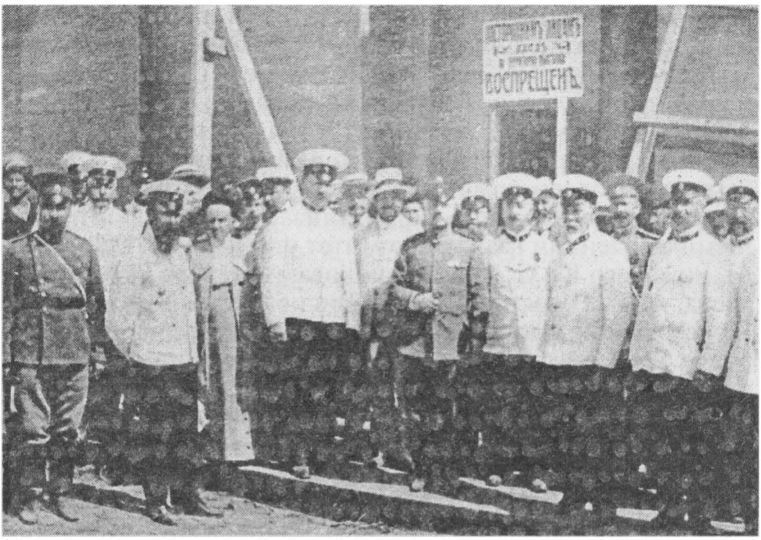
Основная же часть торжеств состоялась в Костроме. В Ипатьевском монастыре Николай II был благословлен Федоровской иконой Божией Матери. Тем самым была повторена церемония благословения на царствование Михаила Федоровича, состоявшаяся 300 лет назад. Собравшаяся у стен монастыря огромная масса крестьян с одобрением восприняла церемонию, полагая, что царь спустился с вершин власти для того, чтобы предстать смиренным богомольцем. В этот год император и императрица получили множество приветствий и поздравлений со всех территорий огромной страны, в том числе и с Дальнего Востока. Достойно прошедшие торжества, многочисленные поздравления укрепляли их уверенность в том, что народ — вместе с царем, убеждали в благочестивом почитании народом царя-батюшки.

Празднества не ограничились столицей. В губерниях 300-летию династии Романовых посвящались торжественные богослужения, приемы, балы, собрания, а в Хабаровске в честь этого события была организована грандиозная выставка Приамурского края. Она готовилась в течение продолжительного времени и потребовала от его устроителей немало усилий. Справедливости ради следует отметить, что замысел ее организации принадлежал предшественнику Н. Л. Гондатти — П. Ф. Унтербергеру, который получил разрешение главноуправляющего Министерством

землеустройства и землепашества на проведение второй Амурско-Приморской сельскохозяйственной выставки осенью 1910 года[4]. Но в силу ряда причин в намеченные сроки она не состоялась, и новому начальнику края, по существу, пришлось начинать сначала. Будучи активным участником устройства в Хабаровске первой выставочной экспозиции в 1899 году, Н. Л. Гондатти придал организации выставки большое значение. В июне 1911 года был создан специальный выставочный комитет, в который вошли архитектор А. Н. Аристов, полковник в отставке А. М. Бодиско, председатель Приамурского отдела ИРГО полковник С. Н. Ванков, заместитель председателя Хабаровского Биржевого комитета С. Ф. Висневский, представитель Министерства финансов при генерал-губернаторе, действительный статский советник Н. В. Слюнин и другие уважаемые и достойные люди. Кстати, А. М. Бодиско получил разрешение генерал-губернатора на пользование архивными материалами для написания книги о Хабаровске, издание которой было приурочено к открытию выставки. Ныне эта книга является важнейшим источником для изучения жизни Хабаровска начала XX века.

Комитет решил придать выставочной экспозиции краевое значение, определить ее как научно-учебную, сельскохозяйственную, торгово-промышленную и художественную и посвятить 300-летию царствования Дома Романовых. Цель выставки, по мысли начальника края, состояла в том, чтобы "представить возможно полную картину современного состояния края, показать его естественные богатства и достигнутые результаты работы его населения, а также привлечь внимание промышленных сил России к богатому краю и выяснить экономические интересы русских и иностранных предпринимателей по вывозу из него предметов и по ввозу фабрикатов"[5]. Экспонентами могли стать не только жители Приамурского края и других краев и областей России, но и иностранные фирмы.

На переданном городской думой в распоряжение главного комитета участке земли, размером более 26 га, в районе нынешнего стадиона "Динамо"[6], в короткий срок вырос дивный город, состоявший из 44 павильонов и более 20 небольших построек — киосков-навесов, беседок, площадок[7]. Центром всей выставочной композиции являлся ее главный павильон, в котором размещались 9 основных отделов: научно-учебный, этнографический, медицины и ветеринарии, художественный и фотографии, архитектур-



Устроители Приамурской выставки в 1913 г. В центре — Н. Л. Гондатти, слева — М. М. Гондатти

ный, городского дела, общества Красного Креста, путей сообщения и телеграфа, горного дела. К нему примыкал второй по величине павильон фабрично-заводской промышленности и торговли. Для показа достижений рыболовства и охоты, кустарно-ремесленных промыслов, лесоводства и продуктов земледелия предназначалось специальное выставочное сооружение.

Другую группу составляли павильоны отдельных управлений,— государственных имуществ, переселенческого дела, водных путей Амурского бассейна, городского самоуправления, Китайско-Восточной железной дороги и др.

Третью группу составили выставочные сооружения, принадлежавшие отдельным фирмам или предпринимателям. Это были павильоны дома Кунста и Альберса, торговца И. Ф. Чистякова, Амурской низовой рыбопромышленности, братьев Синкевич и др.

Главному комитету пришлось решать множество финансовых, технических и организационных вопросов. Он разработал концепцию выставки, программу ее подготов-

ки, проработал вопрос награждения экспонентов. Было решено понизить расценки за места для сельскохозяйственных экспонатов. Для иногородних экскурсантов предусматривалось отведение бесплатных помещений в одном из городских учебных заведений, а также устройство недорогой столовой. С декабря 1911 года стала издаваться специальная газета "Выставка Приамурского края 1913 г.", был подготовлен памятный буклет и памятный знак. За активную деятельность по организации выставки почетными ее членами главный комитет утвердил В. А. Леваше-ва, инженера Ю. С. Пороховщикова, инженера В. А. Пожидаева, А. В. Плюснина, С. Ф. Висневского. Участниками Приамурской выставки стали предприниматели всех городов и селяне многих деревень и поселков края. Были представлены экспонаты не только из Сибири (Тобольск, Томск, Иркутск, Чита), но и центральных губерний России — из городов Петербург, Серпухов, Тула, Вологда, а также из сопредельных азиатских стран — Японии, Китая, так и из США, Австралии, Германии, Франции и Англии. Широкий географический диапазон экспонатов придал выставочной экспозиции особую представительность и значимость.

Торжественное открытие выставки состоялось, как и планировалось, 15 июля 1913 года. Закончив молебствование, настоятель Успенского собора Геннадий Евсеев отметил: "Нельзя не сказать того, что эта выставка является лучшим показателем, что наша далекая окраина усиленными темпами идет по пути прогресса"[8]. В своей речи председатель выставочного комитета Н. В. Слюнин обратил внимание присутствующих на то, как в короткий срок изменился облик пустыря, где прежде были огороды китайцев и корейцев. Теперь же "руками русских рабочих возник целый городок, со всеми культурными удобствами, как водопровод, электрическое освещение, телефон, выстроился ряд величественных и красиво-архитектурных павильонов, которые могли бы служить гордостью любого губернского города Европейской России"[9].

Честь разрезать ленточку и открыть выставку была предоставлена супруге генерал-губернатора М. М. Гондатти. В тот же день главным начальником края была отправлена императору Николаю II телеграмма, которая может служить образцом принятого в те времена верноподданнического ритуально-церемониального послания. В ней, в частности, говорилось, что все собравшиеся на торже-

ство "повергают вместе со мной подданнические чувства своей беспредельной преданности, любви и глубокой благодарности за все те милости, которыми так щедро, по указаниям Вашего Величества, наделяется теперь Приамурский край. Мы же готовы все силы свои положить на развитие здесь мощи и русского дела во славу и честь Вашу, Великий наш государь, и на благо дорогой Родины"[10]. Размах, представительность, благоустроенность, декоративность и культура выставочной экспозиции не могли не вызвать у ее посетителей, всех жителей дальневосточной окраины чувства гордости и удовлетворения, будили в людях самодеятельность и инициативу.

В павильоне Амурской низовой рыбопромышленности, который под своей крышей объединил четырех крупных рыбопромышленников — Лаврова, Вейнермана, Зубарева и Рубинштейна, посетители с интересом рассматривали прекрасные художественные панно с изображениями рыбных промыслов, модели рыборазводного завода и садков для разведения рыбы, модели ледника, рефрижератора, лесопильного завода, обслуживавшего рыбный промысел и даже модели казарм для рабочих. В центре павильона размещался бассейн с плескавшейся в нем амурской рыбой. В выставочной экспозиции управления водных путей Амурского бассейна внимание многих привлекала искусно выполненная модель реки Шилки, ценные научные коллекции.

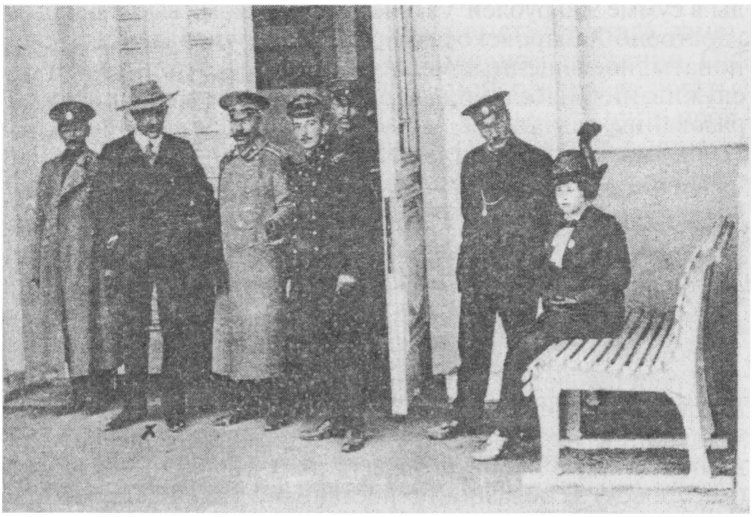
Доминирующее место среди экспонатов занимали добывающая промышленность, сельское хозяйство, лесное, рыбное и горное дело. Витрину краевой торговли составляли крупные фирмы, такие как И. Я. Чурин и К°, Кунст и Альберс. Незначительно была представлена обрабатывающая промышленность ввиду ее слабого развития в крае.

Выставленный международной компанией жатвенных машин в Америке трактор "Могул" вызвал всеобщий интерес посетителей, им заинтересовался и начальник края, который после ознакомления с его работой создал комиссию из членов агрономической организации для всестороннего испытания диковинной машины. Для выяснения им были поставлены следующие вопросы: пригоден ли трактор для работы на дальневосточных мокрых плотных почвах, достаточно ли он силен для подъема целины, во сколько обходится его покупка. Машина прошла полевые испытания в Амурской области, в ходе которых была установлена ее полная пригодность для использования в

Зейско-Буреинском районе. Несколько старожилов-земледельцев высказали намерение приобрести тракторы, для чего предполагали образовать товарищество. Были выставлены и другие сельскохозяйственные машины, например, молотилка (Мангейм, Германия), сепараторы (А. Нобель, Петербург). Большое число селян, занимавшихся пчеловодством, представили свою продукцию, раскрыли секреты технологии. В отличие от первой выставочной экспозиции Приамурская выставка, разместившаяся в специально сооруженных павильонах, представляла собой смотр архитектурных достижений, поисков и находок в области строительного искусства. Преобладающее большинство выставочных сооружений было построено в характерном для того времени русском стиле. Авторами их являлись А. Н. Аристов, А. К. Левтев, Б. А. Малиновский, М. М. Осколков, Ю. С. Пороховщиков и др. Знаток архитектурных памятников г. Хабаровска Н. П. Крадин пришел к выводу, что хабаровская выставка "продолжала традиции русской архитектуры в смысле поисков новых решений, форм и композиционных приемов..."[11]

Выставочная территория стала излюбленным местом отдыха хабаровчан, для чего устроители немало сделали: были построены закрытый театр на 300 мест, эстрада, буфеты на 300 и 100 посадочных мест, на территории посажены деревья высотой около 4 метров, декоративный кустарник, разбиты цветочные клумбы, сделан великолепный пруд на Плюснинке. Вот одно из ее описаний: "Особо красиво выставочная территория выглядит вечером, когда всюду светят электрические лампочки, слышатся стройные аккорды музыки, по аллеям взад и вперед движется человеческая волна. Все точно погружается в тихую ласку летнего вечера..." Особым интересом у посетителей пользовался, как тогда говорили, иллюзион. Местные кинематографисты сняли фильм о красотах дальневосточной природы и запечатлели на пленке закладку моста через Амур. Демонстрация этих фильмов привлекала множество людей и вызывала настоящий восторг у присутствующих.

Выставка сопровождалась проведением на ее территории учительских курсов, краевых съездов деятелей по мелкому кредиту, врачей и ветеринаров. Все эти съезды прошли под руководством и при личном участии генерал-губернатора. Посетителями выставки в первую очередь были хабаровчане и многочисленные гости города. Кста-



Путешественник Фритьоф Нансен в Хабаровске. Слева от него — В. К. Арсеньев

ти, среди почетных гостей был известный путешественник Фритьоф Нансен, недавно вернувшийся из экспедиции по Северному Ледовитому океану и устью Енисея. В сопровождении В. К. Арсеньева он внимательно осмотрел выставочную экспозицию. Со всех концов края приезжали на выставку предприниматели. Нередко встречались среди посетителей и крестьяне, для которых организовывались специальные экскурсии. Так, "Приамурские ведомости" сообщили, что среди посетителей находились три партии крестьян, численностью в 40 человек — из Иманского, Никольск-Уссурийского и Ольгинского уездов. Сопровождаемые инструкторами, они подробно осмотрели павильоны. Всего же выставочную экспозицию посетило 110550 человек[12] (при численности населения г. Хабаровска 53,5 тыс. чел.). Несомненно, она стала событием общекраевого масштаба. Главный комитет под председательством Н. Л. Гондатти удостоил многих ее участников наград. Всего их было 710, что свидетельствовало о масштабах выставки. В числе наград были почетные дипломы, большие и малые золотые медали, большие и малые серебряные и бронзовые медали, похвальные отзывы, денежные награ-

ды в сумме 900 рублей[13]. Почетного диплома выставки было удостоено Хабаровское городское самоуправление за экспонаты, посвященные медицинскому и ветеринарному обслуживанию населения, за постановку дела народного образования, за издание "Известий Городской думы" и материалов по истории города. За широкую и рациональную постановку торгового дела в крае почетные дипломы были вручены торговым домам И. Я. Чурин и Ко, Кунст и Альберс. Среди награжденных почетными дипломами были Восточный институт (Владивосток), товарищество мануфактур Н. Н. Коншина (Серпухов), завод Адлер (Германия) за пишущие машинки "Адлер" и другие.

Большая доля селян, удостоенных наград, приходилась на пчеловодов. Например, К. Е. Федосеев (ст. Гродековская) был отмечен большой золотой медалью за промышленное пчеловодство, за содействие его распространению. Малую золотую медаль получила О. Т. Савицкая (Хабаровск) за образцовую постановку дела. Всего же было награждено 65 пчеловодов края. Золотых и серебряных медалей было удостоено значительное число экспонентов — учебных заведений края: Никольск-Уссурийское и Благовещенское ремесленные училища за постановку специального образования, Владивостокская и Харбинские (мужское и женское) коммерческие училища, Никольск-Уссурийская женская учительская семинария и еще несколько училищ — за образцовую постановку учебной работы. А также Ольгинский детский приют (Хабаровск) за работы по рукоделию. Детский сад Шарыгиной (Благовещенск) был награжден бронзовой медалью. Среди медалистов выставки были товарищество М. Я. Алексеева и Ко (Хабаровск) за изготовление кинематографических лент, издатель И. С. Кларк (Владивосток) за издание "Спутника по Дальнему Востоку", горный инженер Э. Э. Анерт (Петербург) за гипсометрическую карту Амурской области, Н. П. Далматов (Хабаровск) за экспонаты цветной фотографии, Приамурское отделение ИРГО за культурную и научную работу и др.

В речи Н. Л. Гондатти подчеркнул, что для молодого края, насчитывавшего только 50 лет своего существования, выставка — явление незаурядное, она имеет громадное значение. Приамурский край всегда имел и имеет таких работников, которые верят в пользу своего дела для края и в светлое его будущее. Поэтому он имеет все данные для своего культурно-экономического развития[14].

Можно сказать, что Приамурская выставка стала заметным явлением в российском выставочном движении. Она в концентрированном виде продемонстрировала богатые природные возможности края, значительность пути, пройденного им в XX веке, раскрыла существенные изменения, происшедшие за эти годы в облике края, во всех областях жизни — транспорте, экономике, торговле, образовании, здравоохранении, показала включение новых территорий в колонизационный процесс, выявила предпринимателей, публично заявивших о серьезных намерениях развивать свое дело на Дальнем Востоке. Одним словом, Приамурская выставка в течение двух месяцев являлась важным культурным центром, убедительным пропагандистом народнохозяйственных, социальных и культурных достижений, новых технологий и производств. Интерес, проявленный к ней заводчиками и торговцами центральных губерний России, а также сопредельных азиатских и многих европейских стран, внушал определенный оптимизм по поводу расширения в будущем экономических и торговых связей Приамурского края.

Не только выставка создала приподнятую атмосферу этого года, но и полившийся на головы значительного числа дальневосточников дождь наград. Император всемилостивейше наградил генерал-губернатора шталмейстера Двора Его Императорского Величества Н. Л. Гондатти орденом святой Анны 1-й степени. Его жене — почетной попечительнице хабаровской женской гимназии М. М. Гондатти — всемилостивейше была пожалована золотая медаль с надписью "За усердие" для ношения на шее на Андреевской ленте. Награждения в крае производились на основе высочайшего повеления приказом Приамурского генерал-губернатора. Помимо правителя канцелярии статского советника В. А. Закревского, чиновников канцелярии, медалями были награждены служащие типографии, курьер и сторож канцелярии. Золотыми медалями шейными с надписью "За усердие" на Александровской ленте были удостоены начальница хабаровской женской гимназии Н. Беляева, начальница хабаровской женской прогимназии Н. Чернявская и др. Серебряной медалью на Владимирской ленте была награждена начальница владивостокской женской гимназии Е. Греченовская. Нагрудные золотые медали на Андреевской ленте получили начальница Николаевской-на-Амуре женской гимназии Е. Архипова, учительница владивостокской женской гимназии

Выпускницы 8-го класса Хабаровской женской гимназии. В центре — ее начальница Н. Н. Беляева. 1915 год

С. Янушкевич, классные надзирательницы женских гимназий Владивостока и Хабаровска — Е. Захарова и Н. Ульянова, В. Аврамова. Один из приказов начальника края гласил: "Инородческий староста стойбища Нижние Халбы Нижне-Тамбовской волости Приморской области, гольд Василий Ганджя-Самар за продолжительную безупречную и полезную службу в должности инородческого старосты, по высочайше представленной мне власти, награждается мною нагрудною золотою медалью с надписью "За усердие" на Аннинской ленте". Такой же награды был удостоен инородческий староста с Камчатки Гавриил Ахайва[15]. Судя по всему, система награждений охватывала многие слои населения и стремилась к демократизму.

Казалось, что на матушку Россию снизошла божья благодать, и теперь навсегда в ней поселились мир, спокойствие и благополучие. Никто не мог предположить, что 1913-й год станет последним мирным годом Российской империи, и она на семь лет будет ввергнута в пучину войн и революций, круто поменявших исторический мар-

шрут огромной страны, унесших миллионы жизней россиян, трагически отразившихся на императорской семье, стране и ее народе.

7. Завершение строительства Амурской железной дороги

К тому времени, как Н. Л. Гондатти стал управлять дальневосточным краем, полным ходом шло сооружение Амурской железнодорожной магистрали. Ему была известна сложная, порой драматичная судьба проекта этого строительства. Начиная с 80-х годов XIX в. вопрос о строительстве последнего звена Транссибирской магистрали неоднократно поднимался и обсуждался в правительственных кругах. Однако в 1896 году правительство отказалось от него, решив начать постройку железной дороги через Китай и часть Маньчжурии в соответствии с русско-китайским договором 1896 года. Со строительством этой дороги, получившей название Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), российское правительство связывало благоприятное влияние на переселенческую политику, на развитие фабрично-заводской промышленности на своей дальневосточной окраине, а также улучшение снабжения маньчжурскими зернопродуктами жителей Приморья и Приамурья. Министру финансов Ю. В. Витте и его единомышленникам виделась предпочтительность данного проекта в дешевизне основных строительных материалов и рабочих рук в Маньчжурии, в высокой прибыльности дороги (окупаемость всех расходов на ее постройку планировалось достичь в течение концессионного 80-летнего срока), предполагалось, что содержание дороги будет осуществляться за счет привлечения местных грузов и пассажиров. Разумеется, при этом российское правительство преследовало политические и военно-стратегические цели. Коротко они сводились к следующему: обезопасить национальную территорию Дальнего Востока от натиска держав-соперниц (Японии, Англии), обеспечить выход к незамерзающему порту на китайской территории, тем самым расширить торговые связи с тихоокеанскими державами, помочь проникновению русского капитала в Китай, в целом усилить русское влияние в Маньчжурии. Одним словом, российское правительство продемонстриро-

вало свою в высшей степени заинтересованность в сооружении КВЖД. В реализации этого проекта не меньше был заинтересован и Китай. Витте и его сторонники настолько были загипнотизированы преимуществами, которые сулила реализация маньчжурского проекта, что совершенно проигнорировали его негативные стороны. А они были весьма существенными, так как российские капиталы вкладывались в развитие чужой территории, на которой железная дорога в любой момент могла подвергнуться воздействию политических осложнений.

Проект сооружения рельсовой дороги в Маньчжурии тогда получил неоднозначную оценку в Приамурском крае. Его поддержал генерал-губернатор Н. И. Гродеков. Предшественник Гродекова — С. М. Духовской считал проект ошибочным. Эту же точку зрения полностью разделял и Н. Л. Гондатти.

Силами российских инженеров и китайских рабочих КВЖД была построена в срок, с июля 1903 г. она перешла в регулярную эксплуатацию. Было построено более 3 тыс. км железнодорожного полотна, множество мостов, тоннелей, в том числе 3-километровый Зинганский, возникли новые города — Маньчжурия, Дальний, Харбин. В крупные процветающие поселки превратились 107 станций. Строительство дороги и ее обслуживание дали работу сотням тысяч китайцев. Вместе с тем оказалось, что эксплуатация дороги требовала значительных российских средств на аренду и содержание охраны и с самого начала была для России убыточной. В ходе русско-японской войны 1904—1905 годов стал очевиден и стратегический просчет сооружения дороги. После того, как по Портсмутскому мирному договору 1905 года южное направление КВЖД отошло Японии, дорога потеряла для России важное значение. Тогда-то с новой силой встал вопрос о сооружении дороги, проходящей по российской территории — об Амурской магистрали. Горячим сторонником этого проекта стал председатель Совета министров П. А. Столыпин, который инициировал начало строительства. Газета "Приамурские ведомости" сообщила 7 июля 1907 года: "Сегодня в Нерчинске состоялась закладка головного конца западного участка Амурской железной дороги". Но теперь, когда в российской системе власти появилось новое звено — Государственная Дума,— необходимо было получить ее согласие на реализацию крупного проекта строительства Амурской железной дороги. В марте 1908 года на рассмот-

рение первой сессии III Государственной Думы Министерством путей сообщения был внесен законопроект "О приступе к сооружению Амурской железной дороги". Докладчики, выражавшие позицию этого Министерства и комиссии по государственной обороне однозначно заявили о необходимости и спешности сооружения дороги в военно-стратегических и экономических интересах России. Они говорили об изменениях в международной ситуации на востоке в связи с поражением России в войне с Японией, о перевооружении Китая, о завершении к 1912 году программы перевооружения Японии, о планах морского перевооружения США. Подчеркивалась важность сооружения дороги для ускорения освоения богатой разнообразными природными ресурсами дальневосточной окраины и для ее заселения. Сторонниками правительственного проекта выступили депутаты-дальневосточники — Ф. Н. Чиликин, Н. А. Маньков, А. И. Шило. Многие же депутаты Государственной Думы негативно отнеслись к правительственному законопроекту. Депутат от Воронежской губернии А. И. Шингерев выступил с его резкой критикой, утверждая, что колонизация на Дальнем Востоке обречена на неудачу, а чтобы защищать Дальний Восток, нужно быть сильным на западе и в центре. Его поддержали граф В. В. Бобринский (Тульская губерния), В. Н. Пуришкевич (Бессарабская губерния), А. Ф. Бабинский (Пермская губерния) и другие. Выступавшие называли правительственный проект случайным, непродуманным, направленным против народной пользы, поскольку он потребует колоссальных средств, акцентировали внимание на убыточности этого строительства, невозможности пойти на такую жертву. В значительной мере подобную позицию можно объяснить недостатком информации о Дальнем Востоке России, о жизни и нуждах местного населения. Стало очевидным, что принятие законопроекта находится под угрозой. Тогда с защитой проекта выступил премьер-министр П. А. Столыпин. "Вопрос о сооружении Амурской железной дороги,— сказал он,— казался мне настолько ясным, обязанность правительства представлялась мне настолько бесспорной и необходимость новых народных жертв на это народное дело настолько настоятельной, что я никак не мог предвидеть прений по этому вопросу..."[1] Петр Аркадьевич оспорил доводы противников постройки Амурской железной дороги, подчеркнув, что "затраты на постройку дороги в будущем окупятся и даже принесут

прибыль", привел аргументы и доказательства в пользу продуманности и обоснованности проекта, необходимости дороги для защиты дальневосточных рубежей России. Он обратил внимание депутатов на реальные угрозы российским землям — мирной экспансии со стороны сопредельных государств. "Если мы будем спать летаргическим сном,— заявил он,— то край этот будет пропитан чужими соками, и, когда мы проснемся, может быть, он останется русским только по названию"[2]. Лишь благодаря активному вмешательству П. А. Столыпина, законопроект получил одобрение Государственной Думы. При постатейном же обсуждении депутаты решительно высказались против предложенного правительством нерчинского варианта, считая его дорогим и малоэффективным. В результате направление строительства было изменено. Был принят куенгинский вариант, признанный экономичным и целесообразным. Законом предусматривалась постройка Амурской железной дороги на всем ее протяжении от станции Куенга Забайкальской железной дороги до г. Хабаровска с ветвями к г. Нерчинску и к р. Амур у г. Благовещенска по берегу р. Зеи, "средствами и распоряжением казны", с приступом к постройке железной дороги в 1908 году. На сооружение Амурской железной дороги из государственной казны отпускалось 16135780 рублей[3].

Жизнь доказала правильность оперативных и настойчивых действий премьер-министра П. А. Столыпина, благодаря которым развернулось строительство Амурской железной дороги, сыгравшей исключительно важную роль в освоении дальневосточных земель, фактическом включении их в состав российского государства.

При сооружении 2-тысячного Амурского участка великого Сибирского пути его строителям пришлось решать сложные инженерно-технические и организационные задачи. Они были связаны с тем, что трасса пролегла по безлюдной местности, частично по марям и топям, приходилось пробиваться через скальные образования, пересекать реки. Строители впервые столкнулись с проблемой укладки железнодорожного полотна в зоне вечной мерзлоты. Более того, впервые в мире в вечной мерзлоте был проложен тоннель. Проливные дожди и наводнения порой вмиг разрушали то, над чем люди трудились в течение продолжительного времени. Безусловно, сложнейшей проблемой строительства являлось обеспечение его рабочей силой. С самого начала П. А. Столыпин твердо заявил,

что Амурская дорога будет строиться русскими руками, без привлечения иностранного наемного труда. Почти по всей Европейской России стал производиться наем рабочих на строительство Амурской магистрали. Для рабочих, отправлявшихся на казенные работы по контрактам, гарантировался бесплатный проезд до места работ вместе с семьями. На этих же условиях было предусмотрено и их возвращение. В случае желания рабочих остаться в Приамурском крае на постоянное жительство, им предоставлялся надел земли по 15 десятин на мужскую душу. Если же остававшийся не собирался заниматься хлебопашеством, то ему нарезалась усадебная земля при дороге. Однако такой возможностью пользовались сравнительно немногие. Большинство привозных рабочих после сравнительно короткого рабочего сезона уезжали на родину. В таких условиях нельзя было рассчитывать на создание профессиональной рабочей силы, которая могла бы успешно вынести на своих плечах труднодающуюся по климатическим и почвенным условиям постройку железной дороги. Не "за туманом и запахом тайги" ехали люди в далекие края на Амурку, а гонимые бедностью и нуждой, с надеждой как-то поправить свои материальные дела. Об условиях, в которых им придется работать, они не имели ни малейшего представления. Оказавшись в цепких руках подрядчиков, рабочие нередко обрекались на голодную жизнь в тайге, подвергались грабежам и насилию. В 1910 году на западном участке строительства измученные невыносимыми условиями жизни тысячи рабочих побежали из тайги, силой брали пароходы и пробирались к железной дороге. И все же под влиянием тяжелых экономических условий в ряде центральных губерний подрядчикам удавалось вербовать тысячи рабочих на Дальний Восток: в 1911 году сюда прибыло 48,8 тыс. рабочих, а в 1912 г.— 80,8 тыс.[4]

Будучи начальником Амурской экспедиции, Н. Л. Гондатти проехал вдоль почти всей строившейся магистрали, глубоко вник в проблемы ее строительства. Именно он в телеграмме на имя председателя Комитета Дальнего Востока предложил привлечь к работам на строительстве железной дороги дешевую рабочую силу — арестантов, доводя их численность до 7—8 тысяч человек. Согласившись с предложением Гондатти, Комитет по этому поводу обратился в Министерство юстиции, которым был подготовлен и представлен на рассмотрение Госдумы специ-

альный законопроект об использовании труда арестантов на строительстве Амурской железной дороги. С принятием его Думой применение труда заключенных получило законное оформление. Доля арестантов среди строителей дороги была невелика, но поскольку они работали и зимой, то успевали выполнить значительный объем работ. В 1911 году на линии их трудилось 4600 человек, в последующие годы численность их увеличивалась. Подрядчик западной части стройки, где трудилось до одной тысячи арестантов, просил оставить их и на будущее время, обещая повысить поденную плату до 1 р. 50 коп., из которых арестанты получали лишь 18 коп.[5] Конвоировали заключенных 12 рот 39-го Сибирского стрелкового полка. Если рабочие, приезжавшие на Амурку по контракту, жили в тяжелейших условиях, то арестанты порой обрекались здесь на нечеловеческое существование. Конечно, случались побеги арестантов. Так, в 1911 году их было 217, задержано 26 человек, 22 человека при этом было убито[6]. Дешевый труд заключенных использовался все годы строительства Амурской магистрали.

За ход строительства трассы ответственность перед императором нес Приамурский генерал-губернатор. Каждый месяц на стол Н. Л. Гондатти ложились копии донесений начальников участков, которые они посылали в столицу — в управление по сооружению дороги, донесения о ходе работ на отдельных участках, специальные доклады, содержавшие постановку текущих и перспективных задач стройки. С начальниками работ он поддерживал систематическую телеграфную связь. О характере ее можно составить некоторое представление на основании следующих фактов. 17 января 1914 года начальник края отправил начальнику работ по постройке средней части Амурской железной дороги инженеру Трегубову телеграмму такого содержания: "Крайне необходимо немедленно приступить к устройству переправы через Бурею, иначе недопустимо задержатся работы на восточной части". В ответ на нее инженер Трегубов в телеграмме на имя Гондатти сообщил: "...исполнение желания Вашего Высокопревосходительства для ускорения сделал распоряжение открыть ночные работы"[7]. А в июне того же года инженер Трегубов сообщил главному начальнику края приятную новость о том, что с 1 июня все паровозы, работавшие на участках линии между Зеей и Буреей, перешли на отопление каменным углем с Кивдинских копей. "Уголь удовлетвори-

тельного качества. Суточная добыча от 4 до 5 тыс. пудов, может быть доведена до 10 тыс. пудов, цена — 6 коп. за пуд, может снижена до 5 коп. Промышленное значение открытых каменноугольных копей является твердо установленным, о чем считаю приятным долгом доложить Вашему Высокопревосходительству"[8],— говорилось в телеграмме. Не ограничиваясь телеграфной связью, Н. Л. Гондатти нередко выезжал на трассу, чтобы ознакомиться с положением дел на месте. Так, в январе 1914 года он в сопровождении начальника восточной части дороги инженера А. В. Ливеровского выезжал на постройку моста через Амур, где подробно осмотрел кессоны и ход работ на сооружении моста через Амур, посетил рабочие казармы и жилища арестантских команд, пробовал пищу, выслушивал заявления и объяснения, ознакомился с жизнью многолюдного поселка, образовавшегося вокруг постройки[9]. На строительство моста генерал-губернатор выезжал неоднократно. Здесь трудились рабочие-клепальщики, профессионалы высокого класса. Клепальщик получал рубль за заклепку, но не мог делать их более 7, чтобы не страдало качество[10]. И сегодня, проезжая по мосту, нельзя не восхититься бесчисленными аккуратными заклепками, которые воспринимаются как затейливый декор.

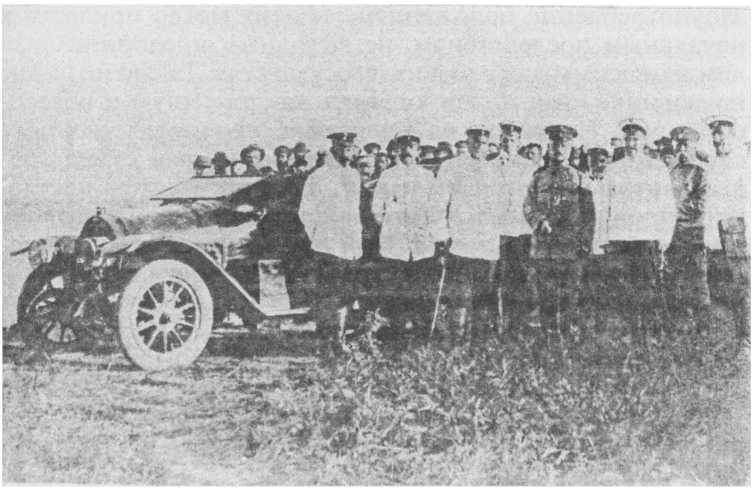
Рабочий сезон 1915 года на трассе сложился крайне неблагополучно. Постоянные дожди и наводнения не только мешали производству новых работ, но во многих местах разрушали прежние земляные сооружения. В результате во многих местах состояние полотна оказалось гораздо хуже, чем при открытии строительного сезона. В этом генерал-губернатор смог убедиться, ознакомившись с положением дел на восточном участке дороги. Поэтому в телеграмме министру путей сообщения, объективно обрисовав сложившуюся ситуацию, он сделал следующее заключение: "...не только Амурский, но и Буреинский мост в этом году, конечно, готовы не будут. Открытие временной эксплуатации как предполагалось с первого ноября, к сожалению, невозможно"[11]. Но главная причина задержки почти на год пуска моста заключалась в том, что корабль, везший стальные пролеты моста из Одессы, был потоплен немецкой подлодкой в Индийском океане. Конечно, потребовалось время, чтобы восполнить эту потерю.

Иногда по представлению генерал-губернатора края Министерство путей сообщения вносило в IV Государ-

ственную Думу законопроекты, связанные с постройкой и вводом в действие Амурской магистрали, ее отдельных участков. В основном, они касались кредитов, введения новых должностей, постройки административных сооружений. Вот некоторые из них: о доассигновании остальной части кредита на содержание администрации и правительственного контроля по постройке восточной части Амурской железной дороги; о разрешении кредита на постройку главных паровозных мастерских общих для Амурской и Уссурийской железных дорог и об увеличении кредита на оборудование малых мастерских Амурской железной дороги; проект правил выдачи служащим на Амурской железной дороге ссуд на постройку жилых домов; о разрешении кредита на постройку зданий управления Амурской железной дороги в г. Алексеевске и Уссурийской — в г. Хабаровске. Эти и подобные вопросы, как правило, не вызывая дебатов, принимались Госдумой, а затем утверждались Государственным Советом и императором. Несмотря на финансовые затруднения, связанные с войной, по запросу генерал-губернатора правительство отпустило 3,5 миллиона рублей на нужды содержания железной дороги, ее ремонт[12]. По ходатайству Н. Л. Гондатти несколько сот квалифицированных рабочих-кессонщиков, сборщиков ферм, клепальщиков были освобождены от мобилизации в действующую армию. Но строительство попрежнему испытывало дефицит в рабочей силе, не хватало средств. После пуска магистрали часть ремонтных мастерских, депо, технических сооружений осталась незавершенной. По этой причине в конце 1916 г. Н. Л. Гондатти обратился к начальнику главного тюремного управления с просьбой выделить на достройку восточной части дороги на 1917 г. до трех тысяч арестантов "ввиду отсутствия русских рабочих и доказанных жизнью преимуществ и выгод арестантского труда в сравнении с трудом военнопленных или китайцев"[13]. Зная о проявлениях бесхозяйственности и бестолковщины, от которых страдали строители дороги, о случаях, когда подрядчики обрекали их на голодную жизнь в тайге, генерал-губернатор стремился влиять на создание нормальных условий жизни рабочих. Так, в 1912 году он категорически заявил, что если линия не будет достаточно обеспечена продовольствием, то он не разрешит отправить туда рабочих [14]. При отсутствии государственных или общественных органов, защищавших права рабочих, при их полной беззащитности,

злоупотребление положением рабочих могло привести к печальным последствиям, не выгодным предпринимателям и опасным для рабочих и государства. Такую позицию начальника края можно оценить как разумную и целесообразную. Несмотря на ухудшение продовольственного снабжения в военные годы, начальник края сумел убедить оптовых торговцев мукой, сахаром, маслом поставлять продукты в магазины, обслуживавшие строителей железной дороги и моста. При прямом содействии генерал-губернатора по линии строящейся дороги стала организовываться врачебная помощь. В 1912 г. западная ее часть обслуживалась шестью больницами, семью врачами и 25 фельдшерами, среднюю часть обслуживало такое же количество медперсонала, а на восточной было 8 больниц, 10 врачей и 49 фельдшеров[15]. Всего на строительстве железной дороги насчитывалось 20 больниц, 24 врача, 99 фельдшеров.

Строительство магистрали потребовало подведения к ней грунтовых дорог, соединения ее с внутренними водными путями. Однако дорожное строительство в крае производилось без должной согласованности и планомерности, осуществлялось несколькими ведомствами, которые преследовали исключительно свои специальные задачи. Для объединения дорожного строительства в крае еще в 1910 г. Министерство путей сообщений, согласно пожеланиям Комитета Дальнего Востока, внесло предложение об образовании постоянного дорожного совещания при Приамурском генерал-губернаторе. Однако оно так и не было рассмотрено. Поэтому междуведомственное совещание при Приамурском генерал-губернаторе в 1913 г. приняло положение об образовании междуведомственного дорожного совещания. В положении говорилось, что оно должно рассматривать выработанные ведомствами предположения по дорожному строительству со стороны финансовых, экономических и общих технических условий, руководствуясь как общими потребностями края, так и интересами ведомств. В компетенцию совещания входило составление плана дорожного строительства, который после одобрения Комитетом Дальнего Востока мог служить основанием "для испрошения надлежащими ведомствами в установленном порядке средств на сооружение дорог в указанной области"[16]. Междуведомственное дорожное совещание, которое стало функционировать при Приамурском генерал-губернаторе, выполняло роль важного меха-



У места постройки Суражевского моста министр путей сообщения С. В. Рухлов и Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти

низма ускоренного планомерного дорожного строительства в крае. Было развернуто сооружение затонов для зимовки судов, разрабатывались проекты шоссейных дорог, полным ходом строилась грунтовая дорога, соединявшая Хабаровск и Благовещенск, десятки дорог строились земскими силами.

Одновременно шло освоение земель, по которым проходила линия железной дороги. Агроному Амурской области В. С. Воротникову было поручено разработать сметы устройства вдоль линии опытных полей, на оказание агрономической помощи населению, желавшему заниматься сельским хозяйством. Строительство железной дороги, словно магнитом, притягивало к себе торговцев и всякого рода авантюристов из числа китайцев. По предложению Н. Л. Гондатти междуведомственное совещание, обсудив вопрос о запрещении иностранцам пребывания в районе Амурской железной дороги, сочло нахождение там иноземцев "недопустимым не только по экономическим основаниям, но и в силу политических причин, так как дорога эта имеет серьезное стратегическое значение"[17].

На последнем этапе строительства все усилия сосредоточились на достройке двух мостов — через реки Бурея

Торжественное открытие моста через Амур 5 октября 1916 г.

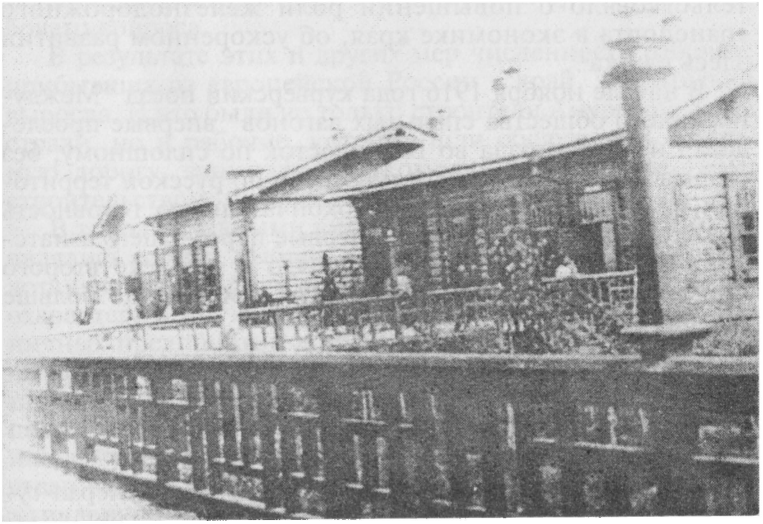
и Амур. 10 марта 1916 года был освящен и открыт Буреинский мост. по случаю чего Н. Л. Гондатти отправил императору телеграмму. В ответ из Ставки Верховного Главнокомандующего была получена телеграмма такого содержания:

"Бурея, шталмейстеру Гондатти.

Поручаю Вам передать строителям, служащим, рабочим и населению края мою сердечную благодарность за молитвы и выраженные чувства верноподданнической любви и преданности. Уверен, что соединение левого берега Амура у Хабаровска с нашей железнодорожной сетью послужит на пользу дорогой моему сердцу окраины. Николай"[18].

Благодаря таланту и целеустремленности инженеров и руководителей, мастерству строителей за три с половиной года на берегах могучей реки Амур был воплощен в жизнь уникальный проект выдающихся русских инженеров профессоров Л. Д. Проскурякова и Г. П. Передерия. Следует заметить, что проект фермы пролетного строения моста в 1908 г. был удостоен золотой медали Всемирной выставки в Париже наряду с проектом башни прославленного мостостроителя Эйфеля. После всесторонних

испытаний взыскательная комиссия приняла мост в эксплуатацию, отметив, что все работы исполнены с особой тщательностью. В то время 3-километровый мост через Амур был самым длинным не только в России, но и в Старом Свете. По предложению генерал-губернатора это красивейшее инженерное сооружение с ажурным кружевом 12 пролетов было названо в честь наследника цесаревича Алексея Николаевича — Алексеевским. Об этом и многом другом говорила следующая надпись, помещенная тогда на одной из мостовых ферм: "Мост наследника Цесаревича Алексея Николаевича через реку Амур, отверстием 1141,41 саж., общей длиною 1217,81 саж., сооружен в царствование Его Императорского Величества Государя Николая II в лето от Р.Х. 1913—1916 при министрах путей сообщения С. В. Рухлове и А. Ф. Трепове, Приамурском генерал-губернаторе Н. Л. Гондатти, начальниках управления по сооружению ж. д. инженерах путей сообщения Э. Д. Вурцеле, Г. О. Паукере и А. В. Ливеровском... Закладка моста совершена 30 июля 1913 г., открытие движения — 5 октября 1916 г."[19]. В торжественный день открытия движения по мосту в час дня от Хабаровского вокзала в сторону Амура отошел специальный поезд с начальствующими лицами во главе с генерал-губернатором, представителями духовенства, инженерами-строителями. На особо устроенном помосте у моста было совершено торжественное молебствование с водоосвящением. Супруга генерал-губернатора М. М. Гондатти по традиции перерезала ленту и поезд двинулся по мосту к восторгу тысяч рабочих-строителей, расположившихся на ближайших сопочках. Это был звездный час Николая Львовича Гондатти. "С окончанием сооружения Амурской дороги,— правомерно считал он,— Россия может быть спокойна за всю свою далекую окраину". Конечно, ему было приятно получить приветствие от управляющего КВЖД из Харбина Д. Л. Хорвата, который в телеграмме писал: "От всей души приветствую с окончанием моста через Амур, этого грандиозного сооружения, являющегося гордостью русской техники. Радуюсь, что на Вашу долю выпала завидная честь закончить великое дело соединения двух океанов железнодорожным путем, пролегающим в пределах России"[20]. Завидную честь, выпавшую на его долю, Н. Л. Гондатти оправдал с лихвой своими волей, энергией и интеллектом. Признанием заслуг Н. Л. Гондатти в деле сооружения Амурской магистрали стало название одной из



Вид на пассажирское здание, служебное помещение и пассажирскую платформу станции Гондатти

станций его именем (в 1920 г. станция Гондатти была переименована в Шимановск). В отчете, посвященном окончанию сооружения Амурской магистрали, А. В. Ливеровский[21] писал, что она во многом обязана "действенному вниманию со стороны главного начальника Приамурского края Н. Л. Гондатти"[22]. И сегодня продолжают служить людям мост-красавец и амурская магистраль, в сооружении которых Н. Л. Гондатти принадлежала далеко не последняя роль.

От Куенги (Забайкалье) до Хабаровска прошедшая через сопки, тайгу, болота, вечную мерзлоту трасса соединила европейский центр с дальневосточной окраиной, обеспечила выход России на тихоокеанское побережье, существенно усилила возможности защиты окраинных российских рубежей, открыла огромные перспективы в освоении края, его промышленно-торговом развитии. В итоге протяженность железных дорог на российском Дальнем Востоке выросла почти в 2,5 раза и в 1916 году (без КВЖД) составила 4580 верст. В эти же годы грузооборот здесь увеличился в 5 раз, что свиде-

тельствовало о повышении роли железнодорожного транспорта в экономике края, об ускоренном развитии здесь рынка[23].

В начале ноября 1916 года курьерский поезд "Международного общества спальных вагонов" впервые проследовал из Петрограда во Владивосток по сплошному, без разрывов рельсовому пути и всецело по русской территории, что знаменовало собой окончательную готовность Великого Сибирского пути, впервые пересекшего азиатский материк. Следует признать, что в XX веке второго широтного рельсового пересечения Азии нигде больше создано не было.

8. "Русское дело" на Дальнем Востоке

В управлении дальневосточными землями генерал-губернатор Н. Л. Гондатти считал своей центральной задачей утверждение, как тогда выражались, "русского дела", т. е. укоренение здесь российского населения, создание необходимых условий для его жизни, занятия земледелием, разнообразными промыслами, торговлей, промышленным производством — в противоположность населению соседних азиатских стран, стихийно стремившемуся обосноваться на российских дальневосточных землях.

Став во главе управления краем, Н. Л. Гондатти изменил направление колонизационной политики: он сделал упор на развитие здесь торговли, промыслов, промышленности, путей сообщения. Этот курс совпал с общим экономическим подъемом, который переживала Россия в эти годы.

В переселенческой политике генерал-губернатор сделал акцент на усиленное привлечение на дальневосточную окраину рабочего и промыслового люда. С этой целью в крае были собраны и изданы канцелярией Комитета Дальнего Востока материалы о спросе на рабочих по различным разрядам работ в казенных ведомствах края. С 1912 года во Владивостоке и Благовещенске были организованы особые справочные бюро переселенческого ведомства по рабочему вопросу. Подобные бюро были открыты и в европейской России. В распоряжение генерал-губернатора были направлены чиновники особых поручений Переселенческого управления специально для руководства дея-

тельностью местных бюро и всестороннему изучению рабочего вопроса.

В результате этих и других мер численность рабочих, прибывших из европейской России в край, значительно выросла. И это были не только строители Амурской магистрали, но и рабочие, которые шли обслуживать железную дорогу, заниматься мукомольным производством, строительством, промыслами и т. д.

В те годы главными видами краевой промышленности являлись горная, рыбная и лесная. Состояние добычи золота — основы горной промышленности — Н. Л. Гондатти охарактеризовал как хищническое. За исключением единичных предприятий добыча золота сводилась к хищническому промыслу, в котором главную роль играли китайские рабочие, беспорядочно, с порчею приисков мывшие золото на владельца прииска за минимальную плату или даже за обязательство покупать у него продукты. Естественно, что никакой государственной пользы такая "промышленность" не давала, а во многих случаях причиняла и вред, т. к. золото зачастую похищалось китайцами, извлекалось его значительно меньше действительного запаса, и весьма часто далеко еще неиспользованный прииск забрасывался по непригодности его для дальнейшей варварской эксплуатации. Н. Л. Гондатти был убежденным сторонником внедрения механических способов добычи золота. Приобретение драг и постановка гидравлического способа добычи золота открывали возможность добыть золото в породах, в которых в 9—12 раз меньше золота, чем при ручной его промывке. Но на приобретение техники требовалось затратить несколько сотен тысяч рублей, что, понятно, не было по силам кустарям-золотодобытчикам. Деятельность генерал-губернатора была отмечена рядом ценных и полезных мер, которые имели целью облегчить экономические условия золотодобычи в крае. Одни из них Н. Л. Гондатти ввел сам в порядке административного управления краем, другие были приняты центральной властью по его ходатайству. В итоге были уменьшены налоги с золотодобытчиков, Амурский золотопромышленный район была уравнен с прочими приисками по размеру поземельной платы, отменено взимание с золотопромышленников сборов и натуральных повинностей в государственное казначейство. Большое экономическое значение имели установление государственного кредита золотопромышленникам, признание за районами прав юри-

дического лица и предоставление права выпуска акций стоимостью от 10 руб., отмена запретных пространств для золотодобычи, проведение дорог в приисковых районах, учреждение Приамурского горного управления и другие. Все они содействовали перестройке добычи золота на технической основе.

Рыбопромышленность на Дальнем Востоке занимала одно из первых мест по привлечению в край как российских, так и иностранных рабочих, имела важное значение, так как поставляла на российский и западноевропейский рынки значительные запасы продуктов питания. Отечественные рыбопромышленники оказались в условиях конкуренции с японцами, получившими по Портсмутскому миру в русском морском рыболовстве Дальнего Востока одинаковые права с русскими подданными. При этом русские рыбопромышленники оказались в худшем положении по сравнению с японскими, которые обладали большим коммерческим флотом, дешевыми тарифами и достаточной рабочей силой. В то же время у русских не было парового и парусного каботажа (использование иностранного было запрещено), существовали высокие железнодорожные тарифы, не хватало рабочей силы, к тому же отсутствовали надлежащие условия для привлечения ее в больших размерах. Еще Амурская экспедиция считала необходимым улучшить положение рабочих на рыбалках, которые "в значительном большинстве случаев не обеспечены ни надлежащими помещениями, ни дешевым и здоровым продовольствием, ни медицинскою помощью; нормальные договорные условия и расчетные книжки дальневосточным промыслам неизвестны..."[1]. Трудность и дороговизна доставки рабочих, отсутствие дешевой соли дополняли те серьезные препятствия, которые существовали в рыбной промышленности и мешали освобождению ее от экономической зависимости японского рынка. Располагавшая обильными запасами рыбы и морепродуктов, местная рыбопромышленность развивалась почти исключительно за счет продажи сырья японцам и при помощи японского кредита. Побывав на рыбных промыслах тихоокеанского побережья, ознакомившись на месте с проблемами рыбодобычи, Н. Л. Гондатти сделал вывод, что главное зло отрасли состоит в распространении приготовления из добытой высококачественной рыбы продуктов низкого качества. Зачастую это стимулировалось японскими торговцами. Так, красная рыба шла в "сухой

засол" для японских рыбопромышленников. Из селедки и трески приготовлялся удобрительный тук для Японии. Гондатти считал необходимым из добытой рыбы изготовлять дорогие качественные продукты, которые находили бы сбыт в России, куда ежегодно ввозилось из-за границы рыбопродуктов на 8 миллионов рублей. Начальником края были приняты меры к тому, чтобы сельдь направлять на рынки Кореи и Китая, где на нее был громадный спрос. Благодаря удешевлению железнодорожного тарифа, облегчению кредита, открытию Николаевского отделения Государственного банка, рыба, выловленная на Дальнем Востоке, стала доступна для центральных районов России. Несомненно, развитию рыбопромышленности должны были содействовать устройство порта в Николаевске, каботажного сообщения по западному и восточному побережьям Камчатки. В интересах отечественных рыбопромышленников начальник края возбудил перед центральной властью следующие вопросы: об учреждении управления рыбными промыслами в крае; о выдаче ссуд под парусные суда; о понижении тарифа на перевозку рыбы и соли; об усилении состава рыболовного надзора; об увеличении состава охранных судов; об изменении условий аренды рыбных промыслов; об организации искусственного рыборазведения и устройстве завозных складов для рыбы. Многие из них получили благоприятное решение и содействовали развитию рыбного дела в крае, освобождению его от японской зависимости.

Следует сказать, что рыбный промысел Амурского бассейна регулировался временными правилами, которые были изданы в разное время Приамурскими генерал-губернаторами. Поэтому большое значение имело принятие IV Государственной Думой в феврале 1914 г. законопроекта "Об усилении надзора за рыбными промыслами на Дальнем Востоке и о продлении срока действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке"[2].

В течение продолжительного времени в крае преобладал хищнический лесной промысел, главным образом, путем сведения леса на переселенческих участках и запасных казачьих землях для местных нужд. Широкое развитие лесного дела в крае находилось в зависимости от завоевания заграничных рынков — Австралии, Китая, Англии. Пока попытки завязать сношения с зарубежными рынками были единичными. По условиям заготовки и транс-

портировки лесных материалов в экспортном лесном деле требовалось приблизительно два года на возвращение затраченного капитала. При таких условиях широкая постановка лесного предприятия была доступна только более или менее крупным предпринимателям. Работы по исследованию и устройству казенных лесов сделали своевременным привлечение к лесному делу частного капитала. В целях выгодного использования казенных лесов по представлениям генерал-губернатора было построено 4 казенных лесопильных завода. Для развития же внешней лесной торговли был возбужден вопрос об установлении долгосрочных договоров на продажу леса. В целом, крупные казенные инвестиции, развитие средств сообщений, приток переселенцев послужили импульсом для ускорения темпов развития промышленности Дальнего Востока.

Одним из главных направлений колонизации Дальнего Востока, как оно определялось в материалах Амурской экспедиции, являлось широкое привлечение к разработке богатств края частных капиталов. Недостаток капиталов сказывался во всех отраслях промышленности, даже наиболее обеспеченных выгодными доходами — горной, рыбной и лесной. Из-за отсутствия достаточного капитала становилось невозможным применять культурные приемы производства, расширять рынки сбыта продуктов и районы эксплуатации, ускорить оборот средств в предприятиях и т. п. Гондатти был убежденным сторонником привлечения в край иностранного капитала. "В привлечении к нам иностранного капитала нельзя, по моему мнению, видеть сколько-нибудь существенного отступления от основного начала намеченного плана — сделать дальневосточные области экономически русскими"[3],— считал он. Условиями допуска в край иностранных предпринимателей являлось обязательное обслуживание предприятий местным населением. В подтверждение правильности такого направления колонизационной политики Гондатти ссылался на пример Западной Сибири, где современная отрасль сельского хозяйства — маслоделие — возникла и развивалась с помощью иностранного капитала. "Из собеседований с некоторыми представителями иностранных финансистов,— писал Н. Л. Гондатти императору,— я вынес убеждение, что даже 4—5 процентов дохода представляются им достаточно привлекательными для работы на Дальнем Востоке, в то время, как русские предприниматели ищут дел с доходностью в 20 и значительно более

процентов"[4]. Помимо благожелательного отношения со стороны правительственных учреждений к поступавшим из-за границы серьезным предложениям, он считал важным организовать информирование торгово-промышленных сфер Франции и Англии об обследованных запасах края, о возможностях их использования.

Закономерным следствием правительственной политики протекционизма отечественному производству и торговли в Приамурском крае являлось закрытие порто-франко. Среди населения края эта мера была крайне непопулярной. К тому же расчеты на пополнение казны за счет пошлины на ввозимые в край иностранные товары оказались слишком завышенными. Слабая таможенная служба не могла обеспечить последовательное проведение в жизнь государственной торговой политики на Дальнем Востоке.

Акцентируя внимание на торгово-промышленном развитии края, генерал-губернатор всемерно содействовал развитию сельского хозяйства, повышению агрономической культуры земледельцев. С этой целью была организована агрономическая помощь населению, назначены агрономы и инструкторы по сельскому хозяйству. Для осушения болотистых районов организуются гидротехнические партии. Настоящим бичом для селян являлись инфекционные болезни животных, часто заносимые из Китая. Налаженная ветеринарная помощь значительно снизила опасность эпизоотий. Для развития кустарных промыслов был учрежден Дальневосточный кустарный комитет, открыто несколько показательных кустарных мастерских. Любивший земледельческий труд, начальник края живо интересовался результатами, которых достигали отдельные энтузиасты. Так он оценил труды местного пионера виноградарства — И. Г. Бухонькова, который в течение нескольких лет энергично, с любовью и настойчивостью занимался разведением винограда близ Владивостока. Начальник края считал, что культура винограда имеет будущее в крае. Желая оказать содействие шелководству, генерал-губернатор, который в молодости был увлечен шелководством — изучал его в Средней Азии и читал специальный спецкурс,— выписал партию грены шелковичного червя для распространения среди населения южной части Приморья. Хотя сельское хозяйство в крае носило рискованный характер, поскольку развивалось в экстремальных природных условиях, нередко выпадали и благоприятные годы. Так, в 1913 году хлебопашцы Амурской

области впервые получили 4 млн пудов товарной пшеницы. Понимая, что сельское население должно иметь гарантию сбыта предмета своего труда, Н. Л. Гондатти настойчиво добивается решения в центре вопроса о введении пошлины на ввозимое в край дешевое маньчжурское зерно и создание тем самым благоприятных условий для местных хлебопроизводителей.

Первая мировая война, естественно, внесла серьезные коррективы в экономическую жизнь края: сократились государственные инвестиции и численность работников, и как следствие — снизилась торгово-промышленная активность. Вместе с тем было завершено сооружение Амурской железной дороги, Владивосток вошел в число пяти крупнейших морских портов России, благодаря созданию крупнейших паровых мельниц Благовещенск стал третьим по значению после Нижнего Новгорода и Саратова мукомольным центром, укреплялись рыбопромышленность и горное дело.

Следует подчеркнуть, что в целом промышленно-транспортное развитие Дальнего Востока отличалось более высокими темпами, чем общероссийское. В 1913 г. удельный вес промышленной продукции в валовой продукции народного хозяйства дальневосточного региона составил 46,0%, в то время как в целом по России — только 38,0%[5]. С 1905 по 1913 год в обрабатывающей промышленности края число предприятий выросло почти на 20%, число рабочих на них — более чем в два раза, сумма же производства возросла более чем в три раза[6]. Наряду с этим заметно ускорился технический прогресс, усилилась концентрация производства и капитала, окрепла банковская и кредитная система. Если в начале 1911 г. в крае функционировало три отделения государственного банка, то на 1 января 1915 г.— четыре и намечалось открытие еще трех. Значительно возросла сеть кредитных товариществ — с 13 до 92[7]. Вместе с тем львиная доля доходов в крае приходилась на добывающие отрасли, отрасли же обрабатывающей промышленности были развиты сравнительно слабо.

Немалая заслуга в экономическом развитии Приамурского края принадлежала генерал-губернатору Н. Л. Гондатти, политика которого, в целом, адекватно отражала дух и требования времени, отвечала государственным интересам России на Дальнем Востоке, а также потребностям населения. Примечательно, что свой курс генерал-губернатор проводил зачастую вопреки сопротивлению

части предпринимателей, которые руководствовались лозунгом "сорвать клок шерсти и уйти вовремя". Они-то и предрекали неизбежный кризис краевой экономики. В связи с этим любопытна оценка генерал-губернатором ее состояния, данная им в интервью газете "Новое время" летом 1914 г.: "...принятые правительством меры по укреплению в экономическом отношении Приамурского края уже начинают сказываться. Ошибок мы не сделали,— говорил Н. Л. Гондатти.— Мероприятия, сулившие будто бы разорение, оказались задуманными правильно и "русское дело" быстрыми шагами продвигается вперед. Вопреки уверениям предпринимателей того типа, что ищут легкой и быстрой наживы и их сторонников, кризиса в крае не оказалось"[8].

Подобно медали, "русское дело" имело и свою оборотную сторону — противодействие экономической экспансии, настойчивому, нараставшему с каждым годом стихийному проникновению в край населения соседних азиатских стран, особенно Китая. Ослабление позиций России на Дальнем Востоке, а главным образом, социально-экономические процессы, происходившие в Китае, в его северо-восточных провинциях и в Приамурском крае — были тому причиной. КВЖД привлекла в Маньчжурию китайское население, которое в начале века стало быстро расти. В поисках работы, средств для существования, пользуясь свободой пересечения границы с Россией, китайцы устремились в пограничные районы Приамурского края. В свою очередь оживление здесь экономической жизни при остром дефиците рабочей силы предоставляло неплохие возможности для непритязательного китайского рабочего найти работу и заработок. Ежегодно в Приамурский край прибывало на заработки свыше 100 тыс. китайцев[9], соглашавшихся на самую низкооплачиваемую, тяжелую и грязную работу. Они стремились устроиться на горные предприятия, особенно на золотые прииски. В 1912 г. рабочие-китайцы составили 80 процентов всего количества рабочих, занятых на золотодобыче[10]. В то время как у русских число рабочих дней в году насчитывалось 290, соперничавшие с ними китайцы работали не менее 355 дней в году[11]. Чтобы повысить конкурентоспособность отечественных рабочих, Комитет Дальнего Востока признал полезным запретить иностранцам работать в русские праздники и обратился к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой об издании необходимых на сей счет обя-

зательных постановлений. Однако Н. Л. Гондатти, сославшись на статью устава о предупреждении и пресечении преступлений, согласно которой добровольное занятие в воскресные, праздничные и торжественные церковные и гражданские дни предоставляется усмотрению каждого,— отказался это сделать. Запрещение иностранным рабочим работать в русские праздники противоречило законам российского государства.

Существовала еще одна сфера, куда устремлялись китайцы — это была торговля. По данным Амурской казенной палаты, в 1911 г. по Амурской и Приморской областям было получено документов на право ведения торговли в крае русскими — 18108, китайцами — 8032, японцами — 595, корейцами — 119, европейскими иностранцами — 440[12]. Другими словами, на долю торговцев сопредельных стран приходилась почти половина численности отечественных торговцев. Но эти данные не давали полной картины. Не поддававшиеся регистрации китайцы скупщики действовали во многих селениях и стойбищах Приамурья. В 1911 г. почти вся пушнина, скупленная китайцами, на сумму около 2 млн рублей по биржевой цене, миновала местные рынки и оказалась в руках китайских фирм Харбина[13].

На основании личных наблюдений за последние восемнадцать лет Гондатти приходил к выводу, что число китайских торговых помещений в Приамурском крае с каждым годом увеличивалось. В городах китайцы стали торговать товарами не только для китайцев, но захватили в свои руки почти всю торговлю. 10—12 лет назад в сельских местностях края китайской торговли, можно сказать, не существовало. Теперь же почти в каждом крестьянском и казачьем селении и инородческом стойбище, каждом приисковом и таежном районе, свидетельствовал Гондатти, китайские торговцы свили прочные гнезда своего дела. В многочисленных заявлениях русских людей, поступивших генерал-губернатору, утверждалось о невозможности конкурировать с китайцами, неудержимо захватывавшими все торговые операции. Причину такого роста китайской торговли следовало искать не только в чрезвычайно пониженных жизненных потребностях китайских торговцев, но и в значительной степени практикуемых ими недобросовестных приемах торговли в виде сбыта плохого товара, обмера и обвешивания малоразвитых покупателей, особенно, инородцев. К тому же китайские купцы являлись

проводниками распространения по краю контрабанды, а их лавки — питательными пунктами для хунхузов и всякого рода бродяг, наводнявших дальневосточную тайгу, беспошлинно истреблявших пушного и всякого другого промыслового зверя и представлявших явную угрозу для общественной безопасности.

Озабоченное проникновением в пограничные районы населения соседних азиатских стран, правительство в 1910 г. приняло специальный закон, согласно которому в пределах Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств были запрещены сдача казенных земель для поселения лицам, состоявшим в иностранном подданстве, а также сдача им в аренду казенных земель; сдача тем же лицам казенных подрядов и поставок; наем иностранных подданных на работы, производимые для надобностей казенных управлений. Опыт применения закона показал его слабую эффективность, что привело к новому обсуждению вопроса о необходимости защиты русского труда в крае.

Проблема проникновения в возраставших размерах населения соседних азиатских стран на территорию Приамурского края оценивалась неоднозначно. На бытовом уровне пришлые китайцы и корейцы, как правило, не встречали враждебного отношения, более того, местное население пыталось с ними взаимодействовать и извлекать для себя из этого определенную выгоду. Были предприниматели, которые проявляли заинтересованность в развитии торговых отношений с Китаем. Предприниматели же, не связанные с китайской стороной, естественно, видели в ней конкурента и их отношение к китайцам было негативным. В обсуждение этой проблемы была вовлечена и столичная общественность. Приехавший в 1912 г. в Петербург из Владивостока известный адвокат С. Д. Меркулов выступал в клубе общественных деятелей, в частном собрании в присутствии "высокопоставленных лиц и выдающихся государственных деятелей", в других местах и неизменно собирал большую аудиторию. Цель, которую поставил перед собой Меркулов — "бороться с петербургским равнодушием", во многом им была достигнута, чему в немалой степени способствовали выступления в печати его единомышленника, журналиста М. О. Меньшикова. Главный лейтмотив выступлений Меркулова и публикаций Меньшикова состоял в том, что дешевый китайский труд и дешевый маньчжурский хлеб представляют боль-

шую опасность для Российского Дальнего Востока и России в целом. Меркулов был сторонником усиления власти Приамурского генерал-губернатора. В газете "Новое время" 19 марта 1912 г. в статье под заголовком "Готовимся к поражению" Меньшиков предложил ввести высокий паспортный сбор с китайских рабочих и обложить ввозимый маньчжурский хлеб "близкой к запретительному пошлиной". Причину того, что эти меры до сих пор не были приняты, он видел в позиции руководства КВЖД, которому они были невыгодны. В опубликованном письме товарища председателя правления КВЖД А. Н. Вентцеля давалось опровержение этим обвинениям, говорилось, что на долю перевозки маньчжурского хлеба в Уссурийский край и Забайкалье приходилось лишь 14% всех перевозок. Свое мнение об обсуждении дальневосточных проблем в столице высказал и хабаровский голова М. И. Еремеев. Он отметил, что "крикливые" выступления Меркулова, поддержанные известным публицистом Меньшиковым, произвели в столичных кругах "сильное впечатление", но с обратным эффектом для края, т. к. они вызвали серьезные раздумья: стоит ли укреплять Дальний Восток, если положение его так безнадежно, как утверждали Меркулов и Меньшиков[14]. Вместе с тем, агитационно-пропагандистский вояж Меркулова в Петербург показал столичной общественности неоднозначность, сложность решения дальневосточных проблем.

Размышляя о том, каким же образом ограничить китайское торговое проникновение в Приамурье и Приморье, Гондатти обратился к статьям русско-китайских договоров, которые регулировали эти отношения. Генерал-губернатор обратил внимание на то, что в статье 1 Правил для сухопутной торговли, приложенных к Санкт-Петербургскому договору 1881 г., было установлено право русских и китайских подданных на производство свободной торговли по границе обоих государств на расстоянии 50 верст в ту и другую сторону. Затем во всех договорах России с Китаем были определены места, открытые для торговли русских в Китае, в отношении же таких мест в России никаких указаний не имелось. По мнению Гондатти, нет никакого основания считать, что китайцы имеют право производить торговлю в пределах России повсеместно. Ведь ни один из договоров не распространил на китайцев права наиболее благоприятствуемой нации. Поэтому он внес предложение на правительственном уровне

определить те местности Приамурского края, которые признаются открытыми для торговли китайцев, отнеся к числу их: 1) города — Благовещенск, Владивосток, Зея-Пристань, Николаевск, Никольск-Уссурийский и Хабаровск; 2) пятидесятиверстную пограничную полосу, а все остальные местности края совершенно закрыть для какой бы то ни было китайской торговли.

По этому вопросу Приамурским генерал-губернатором 30 мая 1912 г. было отправлено письмо на имя председателя Совета министров, в котором содержались и другие предложения по ограничению китайского проникновения. В журнале (письме) Совета министров признавалось "весьма целесообразным" предположение Приамурского генерал-губернатора о допущении торговли китайцев исключительно в точно определенных городских поселениях края и в пятидесятиверстной полосе в пунктах, где имелись полицейские чины или волостные и станичные правления. В то же время отмечалось, что эти меры, касавшиеся договорных отношений России с Китаем, требуют детального рассмотрения[15]. Испытывая серьезную озабоченность нарастающим неконтролируемым движением китайцев на территорию края, генерал-губернатор вновь и вновь обращался в центр с предупреждениями о грозящей опасности. Эта тема была одной из главных при его беседе с императором Николаем II в 1913 году. В 1914 году Н. Л. Гондатти направил председателю Совета министров И. Л. Горемыкину специальное письмо, в котором он, в частности, писал: "...по находящимся в моем распоряжении данным, далеко, конечно, не исчерпывающим всего количества проникающих в наши пределы китайцев, можно предвидеть, что желтая волна, если только не встретит препятствий на своем пути, неминуемо достигнет громадных размеров"[16]. "...Я пришел к твердому убеждению,— продолжал он,— что китайская эмиграция, высасывающая государственные и народные средства, ничего, кроме вреда, не приносит". Гондатти обратил внимание на то, что в пределы России устремляется люд, "которому терять решительно нечего", совершающий тягчайшие преступления, являющийся к тому же источником всевозможных инфекционных болезней. Не говоря уже о том, что благодаря своим минимальным требованиям к условиям жизни, исключительной способности приспосабливаться ко всякой обстановке, китайцы "создают русским людям непосильную конкуренцию во многих видах нашего хо-

зяйства". Автор письма предупреждал об опасности предпринимаемых попыток привлечь дешевую рабочую силу из Китая на Урал и в южную полосу Европейской России.

Взвешенную, во многом выстраданную точку зрения на движение китайцев в край высказал известный и авторитетный исследователь Дальнего Востока В. К. Арсеньев в своем историко-этнографическом очерке "Китайцы в Уссурийском крае", опубликованном в 1914 г. Он справедливо считал, что решение этой проблемы перво-наперво зависело от того, насколько политика правительства на Дальнем Востоке будет устойчивой и последовательно твердой. К сожалению, до сего времени она таковой не была. Принимавшиеся меры против китайского и корейского засилья автор оценил как "бессистемные"[17]. По его мнению, только с 1911 г. они стали приобретать планомерный характер.

В. К. Арсеньев предложил новую методику решения этой сложной проблемы. Считая огульные запреты, направленные против всех китайцев неэффективными, он предложил в основу политики по отношению к ним положить дифференцированный подход. Им были выделены 4 следующие категории китайского населения, находившегося на территории края:

1) охотники и звероловы; 2) арендаторы земель у крестьян и казаков; 3) рабочие (кули) на заводах и в различных промышленных предприятиях; 4) купцы в городах и селах.

По отношению к каждой из этих категорий, считал он, необходимо выработать особые меры. Что касается первой — охотников и звероловов,— то Арсеньев был категоричен: их надо "выселять из тайги как хищников и браконьеров". Он расценил широко практиковавшуюся уссурийскими казаками сдачу своей земли в аренду китайцам, как большое зло, развращающее и приучающее их "к ничегонеделанию". Поэтому Арсеньев считал, что у русских переселенцев и казаков могут быть китайцы только как рабочие, а не как арендаторы. Признавая преимущества китайца рабочего перед отечественным рабочим и понимая невозможность пока обойтись без использования труда китайцев, автор очерка предложил ввести в крае процентную норму как для русских рабочих, так и для китайцев, которую можно было бы с каждым годом или с каждым трехлетием медленно повышать для русских и понижать для китайцев. Такую же меру он предложил и в

отношении китайских торговцев, которых удалить из края сразу нельзя, т. к. крестьяне и аборигены могут остаться без кредита и предметов первой необходимости. Увеличение пошлины не только на предметы роскоши, но и на все предметы китайского обихода, не исключая инструментов, принудило бы китайцев приобретать русские товары, что могло бы в значительной степени сократить переливание русского золота из Приамурья за границу. Арсеньевские предложения по борьбе с китайским засильем в крае, предусматривавшие дифференцированный подход, планомерность и системность мер, были учтены краевой администрацией.

На основе предложений Приамурского генерал-губернатора, а также министров торговли и промышленности и министра внутренних дел Совет министров с согласия императора уполномочил министра торговли и промышленности разработать и внести в Государственную Думу несколько законопроектов: об обложении таможенною пошлиной ввозимых из Китая в пределы России чумизы (проса) и бобов, о повышении пошлины на привозимое из Китая бобовое масло, о допущении найма на частные горные промыслы края "в виде общего правила" только русских подданных и корейцев. Министру торговли и промышленности было предложено принять меры к возможному ограничению использования китайского труда на золотых приисках края.

Приамурскому генерал-губернатору было предложено издать обязательное постановление о санитарном благоустройстве вольных квартир, в которых проживали китайцы. При этом были высказаны пожелания, чтобы он сообщил Совету "о своих по этому поводу предположениях, вместе с проектом таковых постановлений"[18]. Следовательно, Совет министров признавал серьезность проблемы китайского проникновения в Приамурское генерал-губернаторство, целесообразность мер, предлагаемых генерал-губернатором, но в реализации их правительство поступало исключительно осторожно, т. к. они вторгались во внешнеполитические отношения с Китаем, с которым Россия остерегалась портить отношения.

В то же время следует подчеркнуть, что в правительстве существовало понимание того, что одними запретительными мерами (закрытие доступа китайцев, стеснение найма их на казенные работы и т. д.) проблемы этой не решить и нужны меры экономического порядка. "...Ибо

до тех пор, пока в наших дальневосточных областях труд китайца будет доступнее и выгоднее для предпринимателей, нежели труд русских рабочих, последний не будет иметь благоприятных условий для своего развития, какие бы полицейские меры ни принимались против выезда к нам и найма желтолицых"[19].

Поскольку возможности экономического воздействия были слишком ограничены, властям волей неволей приходилось прибегать к запретительным мерам, для реализации которых в свою очередь, не хватало полицейских и других сил.

В порядке административного управления краем генерал-губернатор издал ряд обязательных постановлений с целью ограничения применения труда китайцев и недопущения злоупотреблений с их стороны. Так появившееся в феврале 1914 г. постановление запрещало наем на работы "для надобностей казенных управлений лиц, состоявших в иностранном подданстве без разрешения"[20]. Виновные подвергались штрафу в 3 тыс. рублей или тюремному заключению до 3 месяцев. Приамурским генерал-губернатором был подготовлен проект обязательного постановления о порядке плавания по рр. Амур и Уссури китайских джонок, который был представлен в Совет министров. Совет министров направил проект в Комитет Дальнего Востока, который, переработав его, предоставил министру путей сообщений издать его в виде "правил о порядке плавания по рр. Амуру и Уссури сплавных непаровых судов", которые вводились с навигации 1916 г.[21]

Отсутствие закона или правил, регулировавших допуск в российские пределы иностранных подданных и проживание их среди местного населения, самым негативным образом влияло на ситуацию в Приамурском генерал-губернаторстве. Проект правил, регулировавших допуск иностранных подданных и их проживание в крае, разработанный МВД, был рассмотрен на междуведомственном совещании под председательством Приамурского генерал-губернатора в апреле 1913 года. Согласно этому проекту, допуск иностранных подданных разрешался лишь через определенные пункты сухопутной и морской границы и не иначе, как по предъявлении визированных русским консулом или заменяющим его лицом национальных паспортов. Иностранцам должны выдаваться особые русские билеты на один год с взысканием денежного сбора. Из этих сборов при МВД образуется специальный фонд, пред-

назначенный для административно-полицейских и врачебно-санитарных расходов по обслуживанию иностранцев, прибывших в Приамурский край. Междуведомственное совещание рекомендовало МВД войти в законодательные учреждения со срочным законопроектом об условиях приезда и пребывания иностранных подданных на Дальнем Востоке. При этом было подчеркнуто, что единственным средством борьбы с движением в пределы Приамурского края китайцев и корейцев является предоставление генерал-губернатору права облагать этих иностранцев особыми сборами[22]. Принятый IV Государственной Думой общий иммиграционный закон для областей Дальнего Востока, несомненно, способствовал регулированию приезда и пребывания в крае китайцев и корейцев, установлению элементарного контроля за их движением.

Канцелярией генерал-губернатора была создана специальная комиссия, которая выработала текст и форму новых русских билетов и регистрационных книжек для китайцев и корейцев, налажено их изготовление, а также книжек личного найма китайского подданного. Генерал-губернатор ежемесячно получал ведомости о количестве проживавших в Амурской и Приморской областях китайцев, корейцев и японцев. Если судить по составу населения г. Хабаровска на 1 января 1914 г., численность их была весьма значительна. Из 53,5 тыс. жителей на их долю приходилось 11408 человек[23], т. е. почти одна пятая часть населения города. Однако это соотношение нельзя распространять на край в целом, т. к. оно фиксировало только законно проживавших граждан азиатских стран, которые составляли меньшинство среди находившихся в крае китайцев и корейцев, да и Хабаровск по этому показателю явно уступал Владивостоку и Благовещенску.

К тому времени грабеж китайцами Уссурийской тайги приобрел угрожающие для ее флоры и фауны масштабы. Наносился огромный ущерб краю, страдал и престиж российской власти. Ежегодно в этом уникальном уголке земли хищнически промышляло до 50 тыс. выходцев из Китая[24]. Если украинские и белорусские крестьяне-переселенцы, поселившиеся на благодатных землях Приморья, имели смутное представление о богатстве окружающей тайги, то китайцы прекрасно знали, чем располагала тайга и умели извлечь ее сокровища. Живя в специально сооруженных фанзах, ютясь в шалашах, в юртах у аборигенов, даже в палатках, они захватили всю тайгу в свои

руки, поделив ее на участки между собой. Являясь умелыми, удачливыми и хищными охотниками, китайцы добывали панты, корень женьшеня, высоко ценившиеся в восточной медицине, из таежных рек извлекали жемчуг, на морском побережье вели промысел трепанга, гребешка, морской капусты. Но главным являлась охота на зверя. О размерах хищничества в Уссурийском крае некоторое представление можно составить на основе документа, найденного золотопромышленником Якубовским в районе верхнего течения реки Иман. Согласно ему, за время с 1 ноября 1912 г. по 15 февраля 1913 г., т. е. за 107 дней через руки только одного китайского скупщика (а их насчитывались сотни) прошло: струи кабарги — 637, хорьков — 1783, соболей — 241, тигров — 5, рыси — 10, медведей — 21[25]. По сведениям знатока Уссурийской тайги и ее исследователя В. К. Арсеньева, добычей соболя на русской территории ежегодно занималось не менее 40 тыс. китайцев, которые добывали в сезон 100—150 тыс. соболей[26]. За удачливый сезон охотник мог обеспечить свою семью на многие годы. Китайцы нашли в Уссурийской тайге "многочисленные заработки". Вывод Арсеньева был безапелляционным: "Китайцы хозяйничали в тайге бесконтрольно и совершенно игнорировали русских"[27]. А немногочисленных жителей тайги — орочей и гольдов, пользуясь их доверчивостью и неграмотностью, китайцы обирали, превращали в своих многолетних должников, вселялись в их семьи, заставляли работать на себя, иногда низводя их до положения рабов. "Орочи и гольды начинали промышлять соболей только тогда, когда китайцы уйдут из гор и оставят свои дуй-фанзы"[28].

В распоряжении администрации края находились более чем скромные возможности, не позволявшие не то чтобы создать заслон иностранным хищникам, но и хотя бы организовать серьезное сопротивление разграблению природных богатств российской земли. В 1914 г. генерал-губернатором были изданы постановления о временном запрещении охоты на соболя ввиду истощения его популяции и о запрещении иностранным гражданам охотиться в Уссурийской тайге. Но реализовать эти постановления, по существу, было некому. Разве мог стать настоящим стражем тайги лесничий с четырьмя своими помощниками лесниками, если он имел в своем владении от десяти до двадцати миллионов десятин леса? Что мог сделать один начальник Удского уезда, район которого охва-

тывал значительную часть побережья Охотского моря, все нижнее течение Амура и всю северо-восточную часть Уссурийского края? Что могли сделать два маленьких "крейсера надзора" по охране берегов Великого Океана от Владивостока до пролива Дежнева? Эпизодические экспедиции военных отрядов в тайгу тоже не могли обезопасить ее от разграбления. Охрана Уссурийского края от китайских хищников при индифферентном отношении центральной власти оказывалась не под силу Приамурскому генерал-губернатору.

Существовала еще одна проблема, связанная с Китаем, которая трудно поддавалась решению и доставляла много хлопот генерал-губернатору. Это — контрабандная торговля спиртом, в которую были втянуты жители полосы отчуждения КВЖД и приграничных районов Приамурья и Приморья. В контрабандной торговле спиртом Н. Л. Гондатти видел не столько экономическую опасность, сколько духовно-нравственную — опасность спаивания населения, и как следствие — потерю им жизненных ориентиров. Пытаясь объяснить, почему алкоголизм, этот "порок свил здесь прочное гнездо", он ссылался на суровые условия жизни и работы в тайге, на рыбалках и в глухих приисковых районах. Другую причину он видел в контрабандной торговле спиртом, которая приняла угрожающие размеры. Можно заметить в связи с этим, что каждое время давало свое объяснение распространению в России алкоголизма и предлагало свои меры борьбы с этим злом. Однако оно оказалось живуче. После введения в 1914 г. правительственного запрета на торговлю спиртными напитками в крае, контрабанда спирта, являвшаяся довольно прибыльным делом для всех ее участников, значительно возросла. Секрет состоял в том, что производство спирта в полосе отчуждения КВЖД обходилось гораздо дешевле, чем в России из-за низких цен на пшеницу, отсутствия налогов и дешевизны рабочей силы. Так, в Харбине многочисленные винокуренные заводы произвели в 1910 г. до 700 тыс. ведер спирта и 500 тыс. ведер водки. Около 75% этой продукции, по данным генерального российского консула, нелегальным путем переправлялась в Приамурье и Приморье[29]. В Харбине спирт покупался оптом по 2,5 рубля за ведро, а продавался на границе в 3—4,5 раза дороже.

Обычно спирт в жестяных банках и бочках целыми вагонами доставлялся из Харбина, Хайлара и других круп-

ных пунктов по железной дороге до станции Сясуйфын, а далее на лошадях переправлялся через границу в район Никольск-Уссурийского, села Спасское, станции Евгеньевка. Существовал и другой путь — из Харбина на частных пароходах спирт доставлялся по р. Сунгари на Амур, выгружался на китайском берегу, а затем ночью переправлялся на лодках на русский берег.

Контрабандой были заняты не только китайцы и корейцы, но и русские, жившие в полосе отчуждения КВЖД и не связанные с работой на ней. В приграничных районах Приамурского края контрабандой активно занимались казаки Уссурийского и Амурского войск. Станичные и поселковые казачьи атаманы часто покровительствовали контрабандистам. Нередки были случаи, когда хорошо вооруженные казаки оказывали сопротивление таможенным чиновникам. Согласно анкетированию, проведенному в 1914 г. статистическим отделом Приморского переселенческого района, охватившему 238 поселений Приморской области, на первом месте по участию в контрабанде спирта стоял район Уссурийского казачьего войска, где 99% взрослого населения было в ней занято, в Иманском уезде — 92, в Никольск-Уссурийском — 88, в Хабаровском — 86% взрослого населения[30]. По существу, шло массовое спаивание дешевым зельем населения Приамурского края. Так, в Амурской области в 1912 г. на одного человека приходилось 1,89 ведра водки, в Приморской — 1,24 ведра, в то время как среднее потребление водки по России составляло 0,56 ведра на человека[31]. По отдельным подсчетам ежегодно одна казачья станица потребляла в среднем около 3 тыс. ведер спирта на сумму не менее 2 млн. рублей, а всего в Амурскую, Приморскую, Забайкальскую области в 1915 г. было нелегально ввезено из Китая не менее миллиона ведер спирта[32].

Пограничный комиссар Амурской области докладывал в 1915 г. о невозможности правительственного надзора за контрабандной торговлей спиртом, поскольку посты корчемной стражи (3—5 человек) находятся на расстоянии 50—100 и более верст, а население, начиная от атамана и до последней казачки, покрывают друг друга[33]. Приамурский генерал-губернатор принимал энергичные меры в борьбе против распространения алкоголизма в крае. В целях борьбы с тайным провозом и проносом китайского спирта им были приняты меры к усилению наличных штатов корчемной стражи, к предоставлению в распоря-

жение органов таможенного надзора средств передвижения для преследования контрабандистов и к увеличению числа таможенных постов. Н. Л. Гондатти считал, что самым действенным средством в борьбе с контрабандой было бы соглашение с китайскими властями о запрещении торговли спиртными напитками в пограничной с Россией 50-верстной полосе Маньчжурии. Комитет Дальнего Востока поддержал это предложение и в августе 1915 г. русско-китайское соглашение было подписано. В июне 1916 г. в районе КВЖД была запрещена торговля спиртными напитками. Но проверить эффективность этой меры борьбы с алкоголизмом у Н. Л. Гондатти уже не было времени.

Соседство Китая породило еще и такую проблему, как набеги банд хунхузов на пограничные районы края, от которых страдало население. Хунхузы буквально терроризировали Маньчжурию — уводили заложников, грабили и убивали людей. Этими же методами они действовали и на российской территории, при этом их жертвами становились как соотечественники, так и местное население. Когда на китайскую фанзу хунхузами было совершено разбойное нападение, причем обитатели фанзы были подвергнуты зверским истязаниям и пыткам, главный начальник края не преминул обратить на этот случай самое серьезное внимание и благодаря сношениям с китайскими властями, последними были приняты соответствующие меры. Оказавшиеся виновниками нападения два разбойника были пойманы и преданы суду, который вынес им смертный приговор. Уход на фронт многих воинских частей с Дальнего Востока, беспорядки в Китае, недород в его некоторых пограничных районах, ослабление ограничений в применении китайского труда в крае, вызванного военным временем — все это содействовало усилению преступной деятельности хунхузнических шаек из Китая, дерзкие набеги которых на пограничные селения сопровождались грабежами и убийством мирных жителей. В телеграмме, направленной в МВД в 1915 г., Н. Л. Гондатти настаивает на принятии экстренных мер против китайского насилия. Он предложил в помощь полиции образовать для пограничных районов особые временные конные отряды в количестве 50 человек для Приморской области и 25 человек для Амурской области. Расходы на это предлагалось отнести на счет казны, на счет доходов от поступлений сумм основного и штрафного налога с китайцев. Гондатти напомнил, что в 1914 г. в казну было сдано

825 тыс. рублей, в первой половине 1915 г.— 750 тыс. руб. На создание же конной службы понадобится всего около 80 тыс. руб. в год[34]. Создание такой службы в определенной степени обеспечило безопасность населения пограничных районов края от набегов хунхузов.

Будучи последовательным продолжателем традиционной имперской внешней политики России на Востоке, Н. Л. Гондатти считал необходимым добиться соглашения с Японией о территориальных приобретениях в Китае. Эти идеи он выразил в одном из посланий Николаю II. "Закрепив за собой северную Маньчжурию, мы прежде всего будем в состоянии использовать в полном смысле этого слова государственное и экономическое значение Китайско-Восточной железной дороги"[35],— писал он и обращал внимание на то, что китайские власти чинили обществу КВЖД всевозможные препятствия в деле получения необходимых для эксплуатации дороги лесных, угольных концессий, которые китайское правительство ранее обязалось предоставить. Жизненно важно, считал Приамурский генерал-губернатор, сделать дорогу "чисто русским предприятием, предоставив ей обслуживать только русские интересы и служить только русскому делу"[36]. Н. Л. Гондатти предупреждал, что оставив Маньчжурию в руках китайцев, можно лишь ожидать, что при новом республиканском строе в Китае нам придется встретиться еще с большими затруднениями со стороны настроенного против иностранцев нового правительства.

В противоположность Н. Л. Гондатти дальневосточный депутат IV Государственной Думы А. И. Шило предложил в интересах России "поскорее развязаться с КВЖД и передать ее Китаю"[37]. Эту точку зрения он высказал на заседании Думы при рассмотрении сметы железнодорожного департамента, свидетельствовавшей о значительных финансовых затратах России на содержание дороги, которая для нее потеряла важное значение. Другой дальневосточный депутат Ф. Н. Чиликин осудил заявление Шило как непатриотичное. В итоге предложение Шило было отклонено. Начавшаяся мировая война ослабила остроту вопроса о судьбе КВЖД, но не сняла его с повестки дня дальневосточной политики России. По наследству он перешел советской власти.

Политику генерал-губернатора, направленную на укоренение славянского населения в крае, на превращение его действительно в российскую землю, активно поддер-

живала православная церковь и особенно ее дальневосточные служители. Эта идея была сквозной в послании представителей приамурского духовенства начальнику края Н. Л. Гондатти[38]. "Вы принесли с собою завет,— писали они,— которым вдохновили всех: "Край должен быть русским". Вы проводили его с огромным напряжением сил, с присущим вам административным тактом". Представители духовенства напомнили происшедший год назад (в 1913 г.) инцидент, когда китайцы приостановили ввоз в край съестных продуктов. Но это не было роковым случаем, так как население было подготовлено и имело свои, добытые личным трудом припасы. "Нужно добиться иметь все свое, чтобы не стать в рабскую зависимость от иностранцев",— утверждали служители церкви. "Горе тому, кто все упоение возлагает на помощь иноземца и не может жить без поддержки его. Силу свою он выковывает из дыма и основывает здание на песке. Придет первая буря и созидаемое им уничтожится".

В одном из посланий в Совет министров Н. Л. Гондатти писал: "...С первых же шагов своих в должности главного начальника края, стремился ко всякому поощрению на нашей далекой окраине русского труда и русской предприимчивости... я, всеми имеющимися в моем распоряжении средствами, всегда боролся с явным чужеземным засильем краевых богатств и охранял их, насколько возможно, от беззастенчивой эксплуатации, в ущерб русским интересам"[39]. Эти утверждения адекватно отражают одно из главных направлений деятельности генерал-губернатора и его энергичные усилия по претворению его в жизнь.

Таким образом, в условиях, когда немногочисленное российское население имело сравнительно слабые корни в дальневосточной земле, а, по существу, беспрепятственное проникновение сюда огромной массы китайского и корейского населения становилось все активнее и настойчивее, идея "край должен быть русским" объединила усилия центральной и местной властей в отстаивании интересов России на Дальнем Востоке. В организации противостояния массовому проникновению в край граждан сопредельных азиатских стран Приамурский генерал-губернатор столкнулся с серьезными пробелами в договорных документах, регулировавших взаимоотношения России с Китаем, с отсутствием правовой базы во взаимоотношениях краевой власти с властями пограничных земель соседей. Н. Л. Гондатти инициировал принятие правитель-

ством нескольких законодательных актов, уточнявших права и обязанности российской стороны в отношениях с Китаем, защищавших российские интересы. Им были приняты обязательные постановления, направленные на установление контроля за переходом китайских граждан на территорию Приамурского края, сокращение нелегальной, незаконной их деятельности в крае, наносящей ущерб российскому государству. Можно сказать, что он положил начало политике, регулирующей взаимоотношения пограничных областей соседних государств.

На эффективности принятых мер отрицательно сказывалось отсутствие в крае государственной пограничной службы, о введении которой Н. Л. Гондатти хлопотал, начиная с 1912 года. Но правительство отказывалось финансировать создание пограничной службы на Дальнем Востоке. В результате дальневосточная граница России оставалась, по словам Н. Л. Гондатти, фактически "очень слабо защищенной"[40].

9. Проект положения об инородцах Приамурского края

Ученый-этнограф, приложивший немало усилий к постижению своеобразного быта, специфического мироощущения коренных народов Сибири и Дальнего Востока, главный администратор Приамурского края Н. Л. Гондатти просто не мог не обратить пристального внимания на решение накопившихся острых проблем, так называемого, инородческого населения Дальнего Востока. Тем более, что члены ИРГО считали изучение аборигенных народов одним из главных направлений своей деятельности, обсуждая доклады, публикуя научные статьи и выступая на страницах газет. Неизменно повышенный интерес общественности вызывали экспедиционные отчеты В. К. Арсеньева, в которых, как правило, содержались данные о местах проживания аборигенов, их образе жизни, занятии и т. д. Определенный резонанс имел его доклад на первом съезде врачей Приамурского края (1913 г., август) о вымирании инородцев[1]. В 1914 г. в отделении ИРГО было заслушано сообщение И. А. Лопатина на тему "Гольды и ценность изучения их для этнографии", которое было

опубликовано затем в "Приамурских ведомостях"[2]. Автор делал неутешительный вывод: "инородцы Приамурского края вымирают... или же ассимилируются и растворяются в другой более сильной народности, главным образом, в китайской и русской". Исследователь обратил внимание на то, что в инородческих семьях зачастую отцом был китаец. В начале 1916 г. в той же газете прошла серия статей на тему "Об инородцах, их управлении", а затем появилась брошюра В. В. Солярского "Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края", составленная по поручению Приамурского генерал-губернатора[3]. Очевидно, Николая Львовича не покидало чувство личной ответственности перед жителями Чукотки, где он провел три года. Из его тогдашних предложений было реализовано совсем немного: у мыса Дежнева был сооружен небольшой склад товаров для торговли с аборигенами. В 1913 г. междуведомственное совещание при генерал-губернаторе после обсуждения вопроса о необходимости принятия мер к вытеснению с нашего северо-востока американской торговли обратилось в МВД с просьбой "испросить в спешном порядке средства, необходимые на открытие казенных товарных складов в пределах Анадырского и Чукотского уездов Камчатской области"[4].

Подобно Н. И. Гродекову, Н. Л. Гондатти был противником вмешательства в самобытную жизнь аборигенных народов, но считал необходимым помогать им сохранять свою самобытность, создавая для этого определенные условия. Тогда считалось, что на территории Приамурского края проживали двадцать две инородческие народности, такие как орочи, гольды, самагиры, негидальцы, ольчи, ороки, орочоны, гиляки, коряки, чуванцы, юкагиры, алеуты, чукчи, эскимосы, якуты и др.[5] В Приморской области, на Сахалине, Камчатке и Чукотке находились территории их компактного обитания. Всего их насчитывалось 45874 души обоего пола, из них юридически оседлыми являлись 17165 человек[6]. В своих отношениях с аборигенами губернаторская власть руководствовалась правительственным уставом о сибирских инородцах, принятом в 1822 году. За почти столетний период со времени его издания под воздействием разнообразных экономических, социальных и политических факторов произошли глубокие изменения как в жизни русского общества, так и в жизни инородческого населения Приамурского края, в частности, оно подверг-

лось усиленному влиянию не только русской культуры, но и культур соседних народов — китайского, японского и американского. В целом, существовавшие правительственные правовые нормы, касавшиеся инородцев, явно устарели и не способствовали регулированию правового состояния аборигенов. Поэтому назрела необходимость в выработке новых правовых документов, которые бы с учетом реального положения вещей могли регулировать правовые взаимоотношения губернских властей с инородческим населением. С согласия центра Н. Л. Гондатти и его сотрудники взялись за разработку проекта положения об инородцах Приамурского края, и в 1916 г. проект вместе с объяснительной к нему запиской был подготовлен.

Какими же основополагающими принципами, системообразующими подходами руководствовались его разработчики? В объяснительной записке к проекту положения можно обнаружить ответ на этот принципиальный вопрос. В ней говорилось: "принят тот основной принцип, что инородческое население может жить только на таковом праве, которое оно сознает и понимает. Ввиду этого право для инородцев должно быть проникнуто уважением к особенностям инородческого быта. В соответствии же с такими требованиями решающее значение в изменении действующих законов об инородцах Приамурского края должно иметь соображение реальных условий инородческой жизни"[7]. Следовательно, разрабатывая новый законодательный акт, авторы положения об инородцах края считали для себя необходимым, во-первых, внимательно, уважительно относиться к специфике, своеобразию, традициям аборигенных сообществ, которые складывались веками, порою в экстремальных природно-климатических условиях, во-вторых, учитывать реальные ситуации жизни инородческого населения, часть которого вела оседлый и полуоседлый, часть кочевой образ существования, и в-третьих, выработать такие законодательные положения, которые бы вполне были понятны и осознаны инородцами. Другими словами, Гондатти и его единомышленники руководствовались принципами здравого смысла и тщательного учета своеобразия аборигенных народов, проявлявшегося в заботе о сохранении хрупкой гармонии жизни человека с природой. Именно в этом, а не в искусственных идеологических и политических построениях позднейшего времени, и заключен научный подход в решении национальных проблем.

К числу кардинальный идей проекта, разработанного на Дальнем Востоке, в первую очередь, следует отнести положение, согласно которому "все инородцы по проекту уравнены в правовом состоянии с сельскими обывателями"[8]. В соответствии с этим отменялось положение о паспортах, по которому инородцы могли их получать только на срок не более одного года и могли возобновлять их с согласия инородческого общества и начальства, а также другие ограничения. Тем самым ликвидировалась зависимость аборигена от воли общества, к которому он был приписан и уничтожались ограничения, затруднявшие для него заработки на стороне. Впервые инородцам предоставлялось право поступления на государственную службу, правда, это касалось лишь оседлых народностей. Констатировалось, что инородцы, вступившие в другие сословия, пользуются правами состояния по этим сословиям. Требование уравнения в правовом отношении инородцев с русскими сельскими обывателями — безусловно, мера демократическая, снимавшая во многом политическое неравноправие инородцев в России. Справедливости ради следует сказать, что в начале XX века русский сельский обыватель, обладавший важными правами в решении местных дел, вовсе не являлся носителем полных демократических прав и свобод. Поэтому, говоря о демократичности положения проекта об уравнении инородцев с русскими сельскими обывателями, следует помнить об его ограниченном, урезанном характере.

В решении экономических (хозяйственных) проблем проект исходил из принципа: все земли, на которых испокон веков жили аборигены, "принадлежат государственной казне" и предоставлены инородцам в "бессрочное общественное пользование"[9]. Эти земли исключались из краевых земельных фондов, предназначенных для переселенцев. Но предусматривалось и исключение. В тех случаях, когда для отвода земельных участков переселенцам окажется необходимым изъять часть угодий, разработанных инородцами, генерал-губернатор имел право это сделать, правда, с предоставлением права инородцам получить другой участок свободных казенных земель в размере, не превышавшем двойного размера по сравнению с изъятым[10]. Другими словами, по решению генерал-губернатора землю у аборигена могли отобрать, но предоставить другой, возможно вдвое больший участок, т. е. была предусмотрена своеобразная компенсация за изъятие земли.

Можно сказать, что решение проблемы предлагалось вполне цивилизованное. В данном случае речь не идет о практике, в которой это исключение предоставляло широкие возможности для злоупотреблений и серьезных нарушений прав коренных народов.

Предоставляя инородцам право на звериный и рыбный промыслы, служившие основным источником их существования, обеспечения жизнедеятельности, проект содержал ранее изданные генерал-губернатором постановления, частично запрещавшие или ограничивавшие промыслы. Так с целью воспроизводства популяции соболей в крае законом 1912 г. была воспрещена охота на соболя в течение времени с 1 февраля 1913 г. по 15 октября 1916 г. По истечении этого срока время соболиной охоты ежегодно устанавливалось с 1 февраля по 15 октября. Подтверждались ранее установленные генерал-губернатором правила о запрещении охоты в заказных лесах и казенных землях Амурской, Приморской областей и Сахалина.

Проект подтверждал правила, утвержденные Приамурским генерал-губернатором в январе 1915 г., согласно которым инородческим обществам было предоставлено временно, впредь до особых распоряжений, право бесплатного пользования рыбными ловлями в тех реках, на которых эти общества были расположены. Причем эти ловли должны были назначаться по спискам ежегодно составляемыми управлением государственного имущества и утверждаемыми главным начальником края. Особо подчеркивалось, что рыбный промысел должен производиться личным трудом инородцев, без участия сторонних (не принадлежавших к составу данного общества) представителей и рабочих[11].

Подтверждался проект правил о рыболовстве в низовьях р. Амур, который был внесен главным управлением землепользования и земледелия в законодательные учреждения страны. Согласно им, право бесплатного рыболовства предоставлялось инородцам в течение десяти лет и только в размерах, достаточных для удовлетворения их собственных продовольственных потребностей.

Исходя из правил о морском рыбном промысле в Приамурском крае, установленных генерал-губернатором (май 1911 г.), инородцам было предоставлено право беспрепятственного и бесплатного производства рыбного промысла личным трудом, без найма пришлых рабочих в прибрежной полосе моря, в местах, не включенных в особые

запретные пространства и не занятые под промысловые участки. С целью сохранения популяции котиков и бобров охота на них была запрещена. Даже из краткого изложения становится очевидным, что проект положения об инородцах в Приамурском крае устанавливал беспрепятственное и бесплатное занятие аборигенов звериным и рыбным промыслами. Вместе с тем вводился целый ряд ограничений и запретов, направленных на обеспечение приоритета государственных интересов. Подчеркивание же недопустимости использования инородцами наемного труда свидетельствовало о стремлении таким образом оказать влияние на происходившую социальную дифференциацию среди аборигенов.

Важные изменения предусматривались в правилах о повинностях. В связи с уравнением аборигенов в правовом отношении с сельскими обывателями вполне логично отменялся ясачный сбор, а вместе с ним отмирал институт фискальной круговой поруки и ее подушный принцип. Из натуральных повинностей для аборигенов особенно обременительный характер носила подводная повинность. По закону генерал-губернатора (декабрь 1912 г.) было установлено возмещение из средств государственного казначейства расходов по содержанию подвод для разъездов по делам службы судебных следователей, чинов уездной полиции и земской почты. Согласно проекту, натуральные земские повинности должны отбываться аборигенами по правилам, изложенным в уставе о земских повинностях. Расклад их между отдельными членами общества производился сельским сходом. Были предусмотрены и общественные повинности (устройство и поддержание церквей, часовен, училищ и других экономических и культурных нужд), которые общество было вправе установить.

Еще раз подчеркнем, что инициатива разработки законодательного акта, регулировавшего государственные отношения с коренными народами Приамурского края, принадлежала Н. Л. Гондатти, и центром такая возможность генерал-губернатору была предоставлена.

Несомненно, проект положения отразил господствовавшие в тогдашней России социально-экономические и политические устои. Вместе с тем, цивилизованный подход, демократическая направленность делают его уникальным документом предреволюционной России. Не вина Н. Л. Гондатти, что идеи проекта оказались нереализованными. Проект положения об инородцах, разработанный

под руководством и при непосредственном участии Н. Л. Гондатти, невольно вызывает сравнение с тем, что было предложено коренным народам советской властью и, главное, что было сделано с этими народами. В конце XX века можно видеть руины многолетней целенаправленной деятельности по "переводу малых народов от первобытнообщинного строя к социализму, минуя капитализм", которая сопровождалась насильственным разрушением своеобразного традиционного уклада их жизни. Возникает вопрос: а существовали ли альтернативные проекты решения проблем аборигенных народов России? Думается, в гондатьевском проекте положения об инородцах Приамурского края можно обнаружить контуры одного из вариантов таких проектов. По крайней мере, монархист Н. Л. Гондатти оказался мудрее, предусмотрительнее тех советских политиков, которые пытались навязать аборигенным народам чуждые им взгляды и порядки жизни. И сегодня нам не зазорно поучиться у царского генерал-губернатора уважительному, внимательному, т. е. цивилизованному, отношению к своеобразию, особенностям коренных народностей Дальнего Востока, многих других народов, входящих в состав Российской Федерации.

10. Под покровительством генерал-губернатора

Среди многочисленных обязанностей начальника края была одна, о которой в инструкции генерал-губернаторам говорилось так: "наблюдение за тем, чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности и в чувствах преданности к престолу и отечеству"[1]. Следуя этому наставлению, Приамурские генерал-губернаторы А. Н. Корф, С. М. Духовской, Н. И. Гродеков, П. Ф. Унтербергер по-отечески заботились об открытии в крае новых государственных учебных заведений, всячески поощряли появление частных училищ, школ, гимназий. К моменту губернаторства Н. Л. Гондатти в крае существовала значительная сеть народного образования. Так, в г. Хабаровске насчитывалось 17 учебных заведений с общим числом учащихся 2749 чел., в г. Владивостоке — 19 учебных заведений с общим числом 3177 чел., в г. Никольск-Уссу-

рийском — 15 с числом учащихся 2564 чел. и Благовещенске — 40 учебных заведений с общим числом учащихся — 6254 чел.[2] Следовательно, в 4-х городах края насчитывалось 91 учебное заведение почти с 15 тысячами учащихся. По количеству учащихся на одну тысячу жителей эти города не уступали губернским городам центральной России. Всего же в крае в 1911 г. имелось одно высшее учебное заведение — институт восточных языков во Владивостоке, военное училище — кадетский корпус (Хабаровск), 21 среднее и 6 специализированных ремесленных школ. Городских и низших школ насчитывалось 664, из которых 186 были церковно-приходскими и 478 принадлежали ведомству народного просвещения[3]. Существовавшая в крае сеть учебных заведений характеризовалась не только разнообразием их типов, но и многообразием их принадлежности. Например, в разряд школ низшего типа входили министерские, церковно-приходские, частные, поселковые, казачьи, ремесленные и другие учебные заведения, которые находились под контролем самых разных административных органов, а также попечительных учреждений. В 1911 г. на школы Министерства народного просвещения было израсходовано в крае из средств государственной казны 862 тыс. рублей и из других источников 950 тыс. рублей, а всего — 1816 тыс. рублей[4].

Вместе с тем имевшаяся сеть учебных заведений далеко не удовлетворяла с каждым годом растущие потребности дальневосточников в образовании. Не только окраины Приамурья, но и некоторые его крупные центры оставались без школ. Так, город Зея-Пристань, в котором проживало до 5 тысяч человек, имел всего одно начальное училище и до 600 детей оставалось за порогом школы. В Николаевском районе на 101 инородческое стойбище с населением в 3 тыс. человек имелось всего четыре школы, в которых обучалось около 300 детей при числе детей школьного возраста свыше 700[5].

Рост населения в крае, развитие сельского хозяйства, промышленности, внешней и внутренней торговли неизбежно вызывали потребности в просвещении и требовали внимания к нему со стороны Министерства народного просвещения и администрации края. Понятно, что "только культурно сильное население, не отстающее от коренной России и не теряющее с ней культурного единения, может быть надежным оплотом для развития края и его закрепления за Россией"[6].

Дело народного образования было особенно близко Н. Л. Гондатти, как широкообразованному администратору, понимавшему значение образования для духовного и социально-экономического развития населения края и как просвещенцу по своей натуре. Учителя видели в генерал-губернаторе не только строгого и справедливого начальника, но и руководителя-педагога. "Своим отношением к нам вы всякий раз учили и учите нас простой, но часто забываемой истине: ...в каждом, кто бы он ни был, видеть прежде всего человека. Это требование, черта истинного педагога",— говорилось в приветствии правления учительского общества начальнику края.

Прежде всего генерал-губернатор обратил внимание на недостатки в организации управления учебным делом в крае. Достаточно сказать, что для заведования учебной частью всего края при генерал-губернаторе состоял только один окружной инспектор, на которого были возложены как надзор за учебными заведениями, так и все делопроизводство по этой части. Естественно, что для такой огромной территории, какой являлся Приамурский край, этого было явно недостаточно.

Необходимо заметить, что местная администрация давно сознавала ненормальность такого управления. Еще в 1897 г., когда в крае насчитывалось всего 183 учебных заведения, генерал-губернатором С. М. Духовским было возбуждено ходатайство об учреждении должности главного инспектора училищ и штата при нем. В течение 1900 г. неоднократно ставился вопрос об учреждении в крае особого учебного округа, но все эти начинания не получили разрешения. Лишь в 1911 г. Министерство народного просвещения подготовило проект новых штатов управлений учебных округов, по которому Приамурский край предполагалось соединить с Восточной Сибирью в один учебный округ с одним попечителем и двумя окружными инспекторами. Но эти планы были встречены в Приамурье как "не отвечающие интересам края". "Составленный проект учреждения Восточно-Сибирского учебного округа с включением в него Приморской и Амурской областей совершенно не отвечает давно назревшей нужде. Составляя проект, Министерство не приняло во внимание особых условий жизни Приамурья",— такая оценка прозвучала в докладе окружного инспектора училищ. Негативное отношение к министерскому проекту было оправдано. Край быстро рос и заселялся, требовались сот-

ни школ, для работы в которых нужны были подготовленные кадры. Кроме этого, стала ощущаться нехватка профессиональных и коммерческих учебных заведений, а единственное высшее учебное заведение — Восточный институт — переставал удовлетворять потребности в высокообразованных специалистах.

Столкнувшись с негативным отношением к проекту со стороны администрации Приамурья, Министерство народного просвещения в середине 1912 г. внесло в документ изменения, согласно которым управление учебной частью Приамурского края стало входить в компетенцию генерал-губернатора и состояло из главного инспектора училищ и двух помощников.

В непосредственной связи с организацией управления находилось увеличение числа районных инспекторов. При беспрерывном притоке переселенцев из внутренней России, при быстром возникновении новых сел и городов, семи районных инспекторов было явно недостаточно. При учреждении этих должностей в крае в 1900 г., когда в ведении каждого из них было не более 30—35 школ, инспектора справлялись со своими обязанностями. Когда же число школ в каждой инспекции возросло до 80 и более, инспектора оказались явно перегруженными (помимо инспекторских на них были возложены права директоров, а также обязанности членов губернских и уездных училищных советов и земских управ). В связи с этим краевые власти выступили с предложением: распределить территорию края между инспекторами народных училищ не только по уездам, но и по районам в зависимости от числа школ (не более 75 на одного инспектора), а также учредить училищные советы в Амурской и Приморской областях.

В 1914 г. генерал-губернатором края Н. Л. Гондатти и окружным инспектором училищ Н. С. Иваницким был разработан "План расширения учебной сети в Приамурском крае", предусматривавший открытие целого ряда учебных заведений. Так, по этому плану в Хабаровске должны были быть открыты: высшее женское начальное училище, мужская и женская гимназии, женское ремесленное училище, коммерческое училище и учительский институт. Естественно, что война внесла свои коррективы в реализацию этого плана. Тем не менее в г. Хабаровске в 1914 г. открылся учительский институт, а в 1916 г.— еще два учебных заведения — 8-классное коммерческое училище и

3-классная торговая школа имени Н. Л. Гондатти, целью которых являлась подготовка учащихся к службе в торговых и промышленных учреждениях.

Среди трудностей, испытываемых народным образованием в крае, самой большой являлся недостаток учителей, особенно для сельских школ. Дело в том, что в силу различных обстоятельств, учительские кадры формировались преимущественно за счет приезжавших в край, а не за счет местных жителей. А если учесть маленькие оклады учительского содержания, крайне суровые условия, дороговизну жизни, особенно в северных областях, то становится ясно, почему все меньше и меньше учителей из внутренней России изъявляли желание работать в приамурских школах. Наибольший недостаток в учителях испытывали Сахалинская область и Удский уезд Приморской области.

Недостаточен был и педагогический уровень учителей. На службу в край нередко просились люди мало пригодные к учительской деятельности, которым не удалось устроиться во внутренней России. Лучшими учителями считались те, кто получил образование в учительских семинариях. Но таких лиц даже в районах наиболее населенных и благоприятных в климатическом отношении оказывалось не более 25% от общего числа учителей. Это объяснялось тем, что они, как правило, стремились в большие города, где помимо окладов получали дополнительные вознаграждения (до 50% общего содержания) из общественных фондов.

Ко второй по степени подготовленности относились выпускницы гимназий, духовных семинарий и епархиальных училищ. Но все они редко изъявляли желание работать в селах, а если и поступали на службу, то лишь для того, чтобы накопив деньги, поступить на Высшие женские курсы.

Менее пригодными к учительской деятельности являлись лица, прошедшие 2-годичные учительские курсы, не окончившие гимназии и приобретшие учительское звание путем специальных испытаний. А если учесть, что в программу этих испытаний не входили такие предметы, как природоведение, зоология, ботаника, физика, основы педагогики, пение и рисование и даже Закон божий, то можно было представить уровень таких учителей. Конечно, в крае имелись сложившиеся коллективы высокопрофессиональных учителей. Это — Хабаровская женская

гимназия во главе с ее начальницей Натальей Беляевой, Владивостокская женская гимназия во главе с Еленой Гречневской, Николаевская-на-Амуре женская гимназия во главе с Екатериной Архиповой и др. Но уровень большинства педагогических кадров желал много лучшего.

За время, в течение которого во главе края стоял Н. Л. Гондатти, в области учебного дела было осуществлено немало. Значительно увеличилось число начальных школ. Старинные села Уссурийского края, где имелось 120 школ, гордились своими высшими начальными училищами, учительскими семинариями, размещенными в прекрасных, специально выстроенных зданиях. Не уступали Уссурийскому району по числу школ Владивостокский район, где имелось 106 школ и Хабаровский район, где было 105 школ[7]. Всего же к 1917 г. число начальных училищ ведомства Министерства народного просвещения в крае достигло 691, а число детей, обучающихся в них — 33990 человек. Почти 5/6 частей всех крестьянских поселений края были обеспечены школами[8].

Н. Л. Гондатти любил посещать гимназии и другие учебные заведения, беседовать с педагогами, учащимися. Нередко он посещал и уроки, после которых обращался к ученикам с речами, в которых подчеркивал важность и необходимость изучения иностранных языков, рекомендовал учащимся приложить все старания и прилежание, чтобы действительно приобрести глубокие и прочные знания. Одним из пунктов притяжения для генерал-губернатора являлся Восточный институт. При его посещениях Н. Л. Гондатти неизменно обедал в студенческой столовой за общей трапезой, платил за обед свой четвертак, запросто беседовал со студентами, подробно и охотно отвечал на любой предложенный ему вопрос. Придя на корейское отделение, он обычно говорил так: "Господа! Корейский язык — самый важный язык для местного деятеля. Исконная тяга корейского народа к России, их бескорыстная любовь к нашей родине, может быть реализована в факторе первостепенной государственной важности, если корейцы будут управляться чиновниками, знающими их язык, нравы, обычаи. Изучайте корейский язык, господа. Кореееведы всегда будут желанными кандидатами на лучшие должности в крае". На японском отделении Николай Львович говорил: "Японский язык, господа, самый важный язык. Исторически и географически Япония и Россия, две могущественные соседние державы... и т. д. Изу-

чайте японский язык, господа!" То же говорилось и на маньчжурском отделении, так что каждый студент мечтал сейчас же вслед за получением диплома стать вице-губернатором и зубрил иероглифы во славу просвещенного администратора[9].

Правда, высокое покровительство иногда оборачивалось мелкой опекой. Так, генерал-губернатор издал циркуляр, которым предложил начальникам учебных заведений принять строгие меры по усилению надзора и контроля за посещением учащимися уроков, особенно старших классов. Чтобы в Алексеевской женской гимназии в каникулярное время организовать 3-месячные курсы по счетоводству, деловой корреспонденции, канцелярскому делу, по изучению техники письма на пишущей машинке, родительский комитет непременно должен был получить разрешение генерал-губернатора. По существовавшему тогда правилу, все кадровые вопросы находились в компетенции генерал-губернатора, из канцелярии которого выходили такие распоряжения, которые сегодня не могут не вызвать недоумение. Например, преподавательница рукоделия Благовещенской Алексеевской женской гимназии Агния Веслова была утверждена генерал-губернатором в звании учительницы рукоделия в женской гимназии и прогимназии. Приказом генерал-губернатора утверждались почетные блюстители, часто из крестьян, приходских училищ в уездах, члены и председатели попечительских советов гимназий. Так, членами попечительского совета Владивостокской женской гимназии в 1913 г. на три года были утверждены командир Владивостокского порта контр-адмирал Петр Римский-Корсаков, вице-губернатор Приморской области в звании камер-юнкера Высочайшего двора Владимир Ладыжинский и управляющий Владивостокского отделения Русско-Китайского банка Яков Шебанов. Председателем попечительского совета Хабаровской Алексеевской городской женской прогимназии, согласно избранию, генерал-губернатором был утвержден потомственный почетный гражданин Петр Плюснин. А супруга генерал-губернатора М. М. Гондатти была почетной попечительницей Хабаровской женской гимназии.

Во многом благодаря начальнику края, начало развиваться коммерческое образование. В курс высших начальных училищ были введены такие предметы, как коммерческая арифметика, бухгалтерия, счетоводство. В 1912 г. во

Владивостоке открылось первое в крае коммерческое училище, а через 4 года — в 1916 г.— такое же учебное заведение начало свою работу и в Хабаровске.

Быстрыми темпами развивавшееся земледелие, золотопромышленность, пароходство, дорожное и городское строительство испытывали голод в технически грамотных людях. Это дало достаточно оснований для постановки вопроса об открытии технических и промышленных учебных заведений. По ходатайствам генерал-губернатора в планах было открытие таких училищ во Владивостоке (механическое и строительное отделение) и в Благовещенске (горное, механическое и строительное отделение). В 1913 г. благодаря настоянию Н. Л. Гондатти, было разрешено открыть в Благовещенске среднеучебное политехническое заведение Министерства торговли, а в Хабаровске — горное.

Обращая особенное внимание на практическую подготовку в школах, главный начальник края всемерно поддерживал всякого рода начинания, касавшиеся обучения сельского и промыслового населения прикладным знаниям. Нередко, сами местные жители обращались с просьбами об открытии мастерских, курсов, школ. Так, в 1914 г. крестьяне с. Владимиро-Александровска Приморской области выступили с ходатайством об открытии при 2-классном училище мастерской для обучения детей постройке, оснастке и снаряжению мелких промысловых судов. Причем крестьяне были готовы при небольшом пособии от казны выстроить здания под мастерские и из своих средств оплачивать их отопление и освещение[10].

Надо заметить, что ремесленные школы открывались в селах края в соответствии с потребностями населения в тех или иных специальностях и с учетом наиболее распространенных занятий населения. Так, например, Зея — занимавшая центральное положение в золотопромышленности края, испытывала недостаток в конторщиках, приказчиках на приисках, поэтому при местном училище были открыты именно такие 2-годичные курсы. А в Амурской области, где главным занятием жителей было земледелие, открывались сельскохозяйственные, агрономические школы.

Предпринимались попытки и для решения вопроса о дальнейшем развитии высшего образования. Единственным высшим учебным заведением края по-прежнему оставался Восточный институт, открытый в 1899 г. Целью

его была подготовка кадров для административной, торгово-промышленной деятельности, а также — переводчиков, предпринимателей и других служащих. Поэтому в программу обучения входили такие дисциплины как этнография, политический строй восточных государств, юридические, коммерческие науки, история культуры, география стран Востока, а также китайский, японский, корейский, монгольский языки. Но одного высшего учебного заведения было явно недостаточно. И в 1911 г. Благовещенский Биржевой комитет представил Приамурскому генерал-губернатору докладную записку, в которой высказался о желательности для промышленных нужд края политехнического института с горным, механическим, коммерческим и сельскохозяйственным отделениями. Однако в столице идею не поддержали.

Особенно много было сделано для решения, пожалуй, самой главной проблемы народного образования в крае — недостатка учителей. В 1911/12 г. для работы было вызвано в край 100 лиц со специальным педагогическим образованием. Были введены новые оклады содержания учителей в зависимости от условий жизни и службы в разных местах края, но и они не в полной мере могли удовлетворять потребности в педагогах. Так, даже в самом благоприятном — Южно-Уссурийском районе — годовой расход учителя составлял примерно 590 рублей, а при окладе в 600 рублей, он практически был лишен возможности сделать сбережения, оказать помощь родным[11]. Совершенно в исключительных условиях находились учителя Удского уезда Приморской области и о. Сахалин. Громадные расстояния, отделявшие школы от Николаевска, единственного во всей округе города, вынуждали учителя при отправлении осенью к месту службы предусмотреть и запастись решительно всем, что могло ему понадобиться в течение 7—8-месячной зимы. На оклад в 900 рублей, установленный для этого района, более или менее сносно мог жить только одинокий учитель. Поэтому в 1914 г. было предложено повысить оклады содержания учителей: для Хабаровского уезда, а также Амурской области — до 700—750 рублей, а для Удского уезда и о. Сахалин — до 900—950 рублей в год[12]. Кроме этого решался вопрос о предоставлении учителям прав на путевые пособия, пайковое довольствие, а также на прибавку к жалованью за выслугу лет наравне с другими служащими.

Большое значение в деле подготовки педагогов отво-

дилось учительским семинариям и курсам. К существовавшим женской учительской семинарии в Никольск-Уссурийске и учительским курсам при Хабаровском, Благовещенском, Николаевском и Петропавловском училищах было решено открыть учительские семинарии в сс. Михайловском, Вознесенском (Никольск-Уссурийский район) и Успенке (Хабаровский район), Спасском (Иманский район) и учительские курсы при Владивостокском мужском училище.

Несомненной заслугой краевой администрации в деле народного образования было открытие в 1914 г. учительского института — первого на дальневосточной окраине среднего учебного заведения, готовящего педагогические кадры. На открытии института присутствовал Н. Л. Гондатти. Для практических занятий при институте было создано городское начальное училище, на содержание которого ассигновалось 41050 руб. Гондатти поддержал просвещенцев в замысле издавать свой печатный орган "Школьный листок", первый номер которого вышел в начале 1917 года. За время своей работы, с 1914 по 1921 г., институт выпустил около 100 учителей для школ края.

Для городских и краевых властей труднорешаемую задачу представляло строительство школьных зданий и их содержание. Все еще действовали нормы пособий из казны на постройку школьных зданий, установленные законом 1909 года: 1500 руб. для деревянного и 2 тыс. руб. для каменного здания. Таких сумм было явно недостаточно: в Удском уезде этих денег хватало лишь на заготовку и доставку леса и строительных материалов. Поэтому генерал-губернатор выступил с ходатайством об установлении в Приморской и Амурской областях повышенных размеров пособий: 3 тыс. руб. на 1-классную школу и 4—5,5 тыс.— на 2-классную[13].

Особо трудное положение в школьном строительстве было на Сахалине. Помимо крайней бедности здешних крестьян, это объяснялось еще и тем, что большинство жителей Сахалина являлось бывшими каторжанами, которые совершенно безучастно относились к судьбе своих детей, основная масса которых были незаконнорожденными. Поэтому единственным способом расширения школьной сети власти признали принятие на счет казны не только расходов по постройке школьных зданий, но и полное их содержание.

Школьное дело не лучше обстояло и на Камчатке, где

детей обучали грамоте, в основном, немногочисленные церковнослужители. По их рекомендации наиболее способных учеников по протекции начальника края направляли в учебные заведения Приморья. Успешно окончившие их выпускники становились учителями на Камчатке.

Из 24 существовавших в крае в 1911 г. средних учебных заведений только 12 помещалось в специально построенных для них зданиях, остальные — в недостаточно приспособленных и полностью неприспособленных домах[14]. Часто не хватало помещений для библиотек, спортивных залов, комнат отдыха. В ходе проверки учебных заведений края было обращено внимание на отсутствие во Владивостокской мужской гимназии достаточного места для библиотеки, где имелись сотни томов китайской энциклопедии и связки богатейших маньчжурских манускриптов.

В те годы было принято давать учебным заведениям имена не только великих людей России, членов императорской семьи, но и генерал-губернаторов. Несколько учебных заведений края носили имя Гондатти, что давало им право обращаться с просьбами непосредственно к нему. Так, учительница Е. Семенова Никола-Гондатьевской сельской школы на о. Сахалин обратилась в 1916 г. к генерал-губернатору с ходатайством крестьян селения о выделении им пособия в размере 70 руб. на ремонт дома, в котором располагалась школа. Крестьяне писали, что большинство мужчин "взяты на войну", в селе остались одни женщины и дети, к тому же два сезона был плохой улов рыбы, поэтому положение крестьян "очень тяжелое". Н. Л. Гондатти написал резолюцию на письме: отпустить 150 рублей[15]. Николаевский городской голова обратился к Н. Л. Гондатти с ходатайством о предоставлении ученику-отличнику второго класса Павлу Ефимову стипендии имени Гондатти[16]. Согласие было получено, но Павел навряд ли воспользовался стипендией — началась революция.

Имя Гондатти носили лесная школа и железнодорожное начальное училище Амурской области, это имя было присвоено открывшемуся в 1916 г. в Хабаровске коммерческому училищу с преподаванием восточных языков.

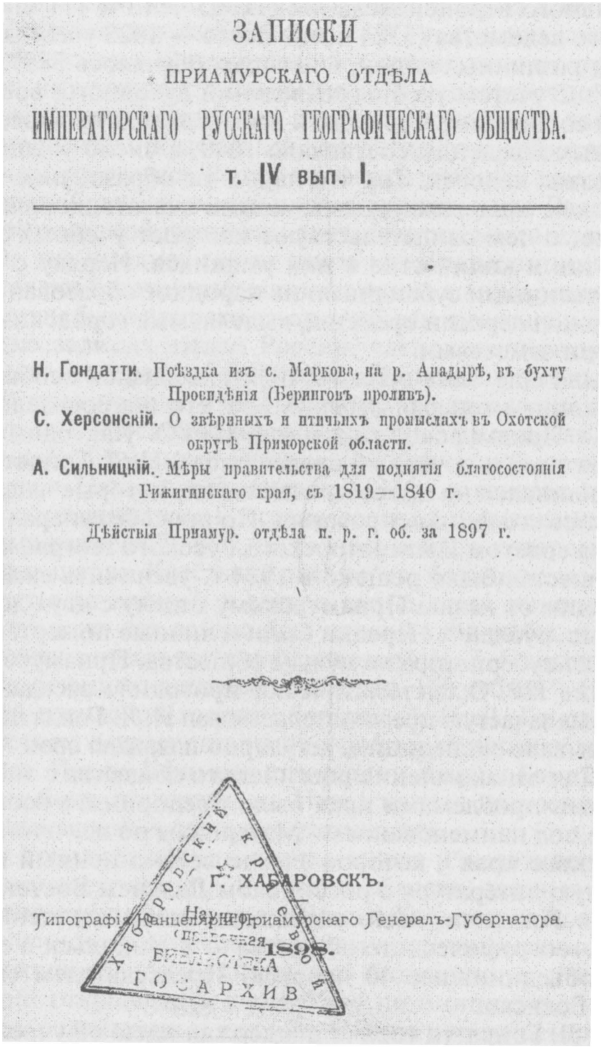
Необходимо подчеркнуть, что большинство учебных заведений открывалось и работало по инициативе и при активном содействии таких энтузиастов просвещения, как купцы П. В. и А. В. Плюснины и М. И. Чердымов, военные С. Н. Ванков, П. Н. Римский-Корсаков и др.

К 1917 г. в Приамурском крае работало 24 средних учеб-

ных заведения Министерства просвещения, в которых училось 6469 чел., 15 низших учебных заведений с общим числом учащихся 1504 чел., 691 начальное училище, в которых училось 33990 детей; 182 школы Ведомства Православного вероисповедания (11305 чел.) и 111 школ казачьего ведомства (5324 чел.). Всего — 1023 учебных заведения различных типов, в которых обучалось 58592 человека[17]. С учетом учебных заведений духовного, военного, путей сообщения, морского и других ведомств общее число учебных заведений составляло 1040, а число учащихся — до 60 тыс. человек. Так что народное образование в Приамурском крае развивалось, можно сказать, довольно успешно, о чем свидетельствуют как рост учебных заведений, так и количество в них учащихся. Наряду с правительственными субсидиями на народное образование значительно возросли средства, выделяемые городскими властями и земствами.

Была еще одна область, пользовавшаяся особым расположением генерал-губернатора, его покровительством. Это — Приамурское отделение ИРГО. Как один из его основателей и почетный председатель, Н. Л. Гондатти чутко откликался на просьбы отделения, которые чаще всего касались его финансирования. По просьбе генерал-губернатора советом Императорского Русского географического общества было решено в 1914 г. увеличить ежегодные субсидии от казны Приамурскому отделу с двух до четырех тыс. рублей[18]. Нередки были и личные пожертвования генерал-губернатора на нужды общества. Приамурское отделение ИРГО систематически проводило заседания, на которых зачастую председательствовал Н. Л. Гондатти, организовывало экспедиции, регулярно издавало свои "Записки". Для ознакомления российского общества с экономическими проблемами края было предпринято особое издание под наименованием "Материалы по изучению Приамурского края", которое внесло весьма ценный вклад в научную литературу о российском Дальнем Востоке. Благодаря Гондатти, было учреждено новое отделение Русского географического общества — в Никольск-Уссурийске, объединившее 40 человек. Председателем его стал А. М. Бодиско.

Н. Л. Гондатти горячо поддержал идею об учреждении в Хабаровске отдела Императорского общества востоковедения. Собрание, состоявшееся 30 сентября 1911 г. в приемной генерал-губернатора, в котором участвовали 18



ЗАПИСКИ

ПРИАМУРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

т. IV вып. I.

Н. Гондатти. Поѣздка изъ с. Маркова, на р. Анадырѣ, въ бухту Провидѣнія (Беринговъ проливъ).

С. Херсонскій. О звѣриныхъ и птичьихъ промыслахъ въ Охотской округѣ Приморской области.

А. Сильницкій. Мѣры правительства для поднятія благосостоянія Гижигинскаго края, съ 1819—1840 г.

Дѣйствія Приамур. отдѣла и. р. г. об. за 1897 г.

Г. ХАБАРОВСКЪ.

Типографія Канцеляріи Приамурскаго Генералъ-Губернатора.

1898.

Хабаровский краевой
Научно-справочная
БИБЛИОТЕКА
ГОСАРХИВ

Титульный лист "Записок Приамурского отдела ИРГО", в которых опубликована одна из статей Н. Л. Гондатти

человек, в том числе Н. Л. Гондатти и депутат III Государственной Думы Ф. Н. Чиликин, решило открыть отдел Императорского общества востоковедения. 8 апреля 1912 г. состоялось его торжественное открытие. Цель отдела заключалась в изучении российского Дальнего Востока и прилегающих к нему стран Востока и пропаганде этих знаний среди населения края.

На собраниях отдела были заслушаны доклады: о необходимости распространения знаний восточных языков; 50-верстная полоса в торговом отношении с Китаем; ввозные и вывозные тарифы; Албазин и албазинцы; современные события в Китае и др.[19] Зачастую доклады, подготовленные членами отдела, в кратком изложении печатались в газете "Приамурские ведомости".

Отдел имел комиссии, которые готовили предложения для рассмотрения на общем собрании общества, в котором числилось 80 действительных членов и 40 корреспондентов. Учитывая растущие потребности в местных краевых работниках, обладавших достаточными познаниями для ведения торговых дел на месте и в сопредельных странах, отдел в 1913 г. поставил вопрос об открытии в Хабаровске торговой школы с преподаванием восточных языков. Ознакомившись с опытом коммерческого образования в России, специальная комиссия общества пришла к выводу, что самым желательным типом школы является 3-классная с двумя приготовительными классами. В курс было предложено ввести китайский, японский и английский языки. В марте 1917 г. газета "Приамурская жизнь" опубликовала устав торговой школы имени Н. Л. Гондатти, в которую должны были принимать "детей мужского пола всех вероисповеданий и сословий". К сожалению, этот интересный проект не удалось реализовать. Приамурский отдел востоковедения занимался подробным изучением конъюнктуры внешней торговли, тарифных ставок на товары. Было выяснено, что вывозные тарифы слишком высоки, что отрицательно сказывается на промышленности, и внесены предложения по понижению тарифных ставок на целый ряд товаров.

На средства, выделенные крупными торговыми домами края — Даттана, Альберса, Топоркова — отдел организовал экскурсию учащихся на пароходе "Барон Корф" по Амуру. В экскурсии участвовало 15 учеников: 9 реалистов, 6 — из городских училищ и 2 учителя из реального и Унтербергеровского училищ. Экскурсанты вели наблюде-

ние за флорой и фауной низовьев Амура, знакомились с историей и географией края, с особенностями быта его аборигенов. В Николаевске-на-Амуре в распоряжение экскурсантов был предоставлен катер для поездки в окрестности. Экскурсанты посетили рыбные промыслы, золотые прииски, золотоплавочную лабораторию, океанский пароход "Сибирь". Генерал-губернатором были выделены средства для издания "Записок" отдела. Под редакцией Л. Г. Ульяницкого вышло несколько их выпусков. На выставке Приамурского края за издание "Записок" отдел был удостоен серебряной медали общества содействия русской торговли и промышленности.

Пользовавшиеся покровительством генерал-губернатора Приамурское отделение ИРГО и Приамурский отдел востоковедения много сделали в изучении российского Дальнего Востока и сопредельных стран, в пропаганде среди жителей края знаний о быте и культуре населения Китая, Японии, Кореи, а также о коренных народах Приамурья и Севера. Практические рекомендации, вносимые членами научных обществ, помогали генерал-губернатору в решении сложных проблем взаимоотношений с властями соседних стран, а также в торгово-промышленной области.

Как глубоко верующий человек, генерал-губернатор не мог не заботиться о создании условий для удовлетворения религиозных потребностей населения, о церковном строительстве, об условиях жизни служителей церкви и т. д. Еще во время работы Амурской экспедиции Н. Л. Гондатти выразил обеспокоенность состоянием этой важной стороны жизни переселенцев. "Масса, населяющая поселки, воспитанная на началах христианской религии, оказалась здесь вырванной из традиционной обстановки и поставленной в такие непривычные условия, где люди родятся и умирают без удовлетворения религиозных потребностей; это обстоятельство действует, конечно, удручающим образом на психологию новых заселенщиков"[20],— констатировалось в общем отчете экспедиции. По ходатайству начальника экспедиции правительством были выделены средства на постройку церквей в районах новых поселений.

Став генерал-губернатором, Гондатти немало сделал для утверждения и распространения православной веры в крае, горячо поддержал идею строительства на Камчатке мужского монастыря, который помимо укрепления рели-

гиозных, духовных основ жизни, выполнял важную роль социального санитара, притягивал к себе людей обездоленных и потерявших связь с обществом. Он всячески содействовал церковному строительству. В эти годы епископ Владивостокский и Камчатский Евсевий освятил несколько десятков вновь открывшихся православных храмов.

О широте взгляда, о толерантности генерал-губернатора в религиозной сфере свидетельствует его забота о проживавших в крае людях других конфессий. Так, в одном из посланий императору Гондатти отметил, что в Амурской области насчитывается около 800 душ переселенцев-католиков, встречавшихся и среди ссыльно-переселенцев, рабочих на приисках и в торгово-промысловых поселках, удовлетворение религиозных нужд которых было затруднено. Он просил ассигновать 400—600 рублей настоятелю Благовещенского костела на путевые расходы, т. к. у самого населения средств на оплату их нет[21]. "Переселенческому ведомству,— в заключение писал начальник края,— надо было бы пойти навстречу нуждам инославных переселенцев, которым ввиду разбросанности их по краю, скорее всего можно помочь учреждением разъездных приходов"[22]. Видя исключительно тяжелые условия жизни священнослужителей, в особенности в северных районах — дороговизна жизни, обширность приходов, при отсутствии путей сообщений Н. Л. Гондатти добился увеличения казенного содержания священнослужителей края. По его ходатайству были увеличены средства, отпускаемые святым Синодом, на содержание казеннокоштных воспитанников Благовещенской духовной семинарии[23]. Выразив полное одобрение деятельности генерал-губернатора, представители духовенства края в своем обращении к нему писали: "Вы содействуете построению храмов Божих, созиданию школ, вы становитесь во главе духовно-просветительских обществ, помогаете им своим содействием и средствами"[24].

11. Война. Подведение итогов. 1917 год

Известие о вступлении России в войну против Германии, которая превратилась в первую мировую войну, явилось для дальневосточников во многом неожиданным. В отличие от предыдущей войны — русско-японской (1904—

1905 гг.), когда часть Приамурского края находилась в зоне военных действий, теперь дальневосточная окраина стала тыловой глубинкой. Несмотря на это война потребовала перестроить всю жизнь края на военный лад, выдвинула перед администрацией и, в первую очередь, перед генерал-губернатором новые задачи, решать которые приходилось незамедлительно.

Как только в Хабаровск пришло известие о начале войны, в крае началась мобилизация военнослужащих запаса.

По свидетельству Н. Л. Гондатти, население, среди которого было немало новосельческого, хозяйства которых должным образом еще не окрепли, "с полной готовностью откликнулось на призыв к оружию и глубоко прочувствовало серьезность переживаемого момента, требующего сердечной отзывчивости и самопожертвования"[1]. Ярким проявлением этого стала непрекращавшаяся волна добровольческого движения. Просьбы о принятии в ряды армии и флота поступали беспрерывно, причем не только от пылкой молодежи, свободной от семейных обязанностей, но и от людей зрелого возраста, имевших семью и домашнее хозяйство. Мобилизационная кампания в крае прошла организованно и четко. Признанием заслуг начальника края в этом явилось награждение его медалью на ленте Белого орла "За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.".

Приамурскому генерал-губернатору выпала ответственная доля в решении общегосударственных задач снабжения армии продовольствием. Дело в том, что с конца 1914 года Россия начала закупку в Японии риса. Было закуплено до двух миллионов пудов и одновременно несколько десятков миллионов джутовых мешков, приобретавшихся во Владивостоке, Харбине и других городах. Согласно просьбе главноуполномоченного по закупке хлеба для армии, за работой приемной комиссии во Владивостоке и за отправкой риса самым строгим образом наблюдал Приамурский генерал-губернатор. При этом пришлось преодолеть немало трудностей, связанных, с одной стороны, с чрезвычайной загруженностью Владивостокского порта и местной таможни, с другой — со слабой пропускной способностью железных дорог, особенно Омского узла. Но все препятствия были преодолены и закупленный рис дошел до потребителей.

Начиная с сентября 1915 г. в крае производилась рек-

визия (т. е. принудительное отчуждение за плату) для нужд армии рыбы — соленой кеты-пласт. Она прошла успешно, до одного миллиона пудов рыбы было отправлено по железной дороге в распоряжение интенданта Юго-Западного фронта. Кроме продовольствия из края в армию доставлялись лошади, медикаменты, опиум, йод, солдатское снаряжение, теплые вещи и белье.

Патриотические чувства жителей края, их стремление оказать посильную помощь доблестным воинам проявились в организации десятков комитетов, обществ, кружков, цель которых состояла в сборе денег на нужды войны, на помощь раненым и оказание поддержки их семьям. Пожертвования поступали не только от русских, но и от японцев, китайцев и корейцев. С первых дней войны развернул работу Приамурский комитет по оказанию помощи раненым, больным и увечным воинам и их семьям (далее — Приамурский комитет) под председательством супруги генерал-губернатора Маргариты Мечиславовны Гондатти. Кроме центрального правления в Хабаровске, комитет имел свои отделы в Благовещенске, Николаевске-на-Амуре, Владивостоке, посту Александровском на Сахалине, Петропавловске-на-Камчатке, а также подотделы во всех населенных пунктах края. Организовывались кружковые сборы денег, патриотические вечера и лотереи, средства от которых шли в кассу комитета. Примечательно, что благотворительной деятельности придавалась широкая гласность, на страницах газет публиковались подробные отчеты о поступивших денежных сборах. К примеру, отчет о вечере-карнавале, устроенном 18 февраля 1916 г. в Хабаровске в пользу Приамурского комитета, гласил: поступило от продажи билетов 760 р., программ — 75 р. 85 коп., выручено от буфета 999 р. 45 коп., лотереи — 959 р. 20 коп., гаданья — 106 р. 60 коп., пожертвовали деньгами А. Ф. Топорков и В. А. Фриденштейн по 25 р., А. А. Волоцкой — 10 р., Климова — 1 р. 35 коп. Итого 2977 р.[2] Популярностью у хабаровчан пользовались благотворительные концерты, которые устраивались в самом большом зале города — в кадетском корпусе, где выступали слаженный хор и духовой оркестр. Различные благотворительные акции проводились во многих населенных пунктах края. Например, в 1916 г. чинами ведомства Министерства земледелия был устроен благотворительный вечер в Иманском общественном собрании, а на станции Бикин была проведена лотерея и поставлен спектакль. В

газете сообщалось о количестве собранных при этом денег, переданных в Приамурский комитет. Не прерываясь, ручейки денежных пожертвований дальневосточников стекались в Приамурский комитет. Последний его опубликованный отчет за январь 1917 г. гласил, что в кассу только в Хабаровске поступило 15777 р. 45 коп., что являлось отрадным показателем "неослабевающей добросердечной отзывчивости приамурского населения к нуждам защитников родины"[3].

Уже в первые дни войны собранных денег оказалось достаточно, чтобы оборудовать этапный лазарет на Западном фронте, который оказывал срочную медицинскую помощь раненым, поступавшим сюда с места боевых действий. Комитет поддерживал с лазаретом тесную связь, пересылал ему белье, пошив которого был организован во всех женских гимназиях края, а также поступавшее от частных лиц.

В конце марта 1915 г. в Хабаровск пришло печальное известие о том, что Приамурский этапный лазарет был взят в плен. При вражеском наступлении переполненный тяжелоранеными лазарет не смог эвакуироваться. Личный персонал не бросил раненых воинов и остался с ними. Реакцией на это известие стало решение Приамурского комитета выделить средства на организацию нового этапного лазарета. Воссозданный Приамурский этапный лазарет в мае 1915 г. начал работу на Северо-Западном фронте. Кроме штатных, в нем были открыты именные койкоместа, носившие имена учебных заведений края, общественных организаций, городов и жителей, взявших на себя обязательство регулярно перечислять необходимые средства на их содержание[4].

Помимо этапного лазарета на добровольные пожертвования дальневосточников Приамурский комитет создал передовой санитарный отряд, занимавшийся эвакуацией раненых с поля боя, оказанием им первой медицинской помощи и доставкой их в ближайший этапный лазарет. Санитарный отряд действовал на Кавказском фронте. К апрелю 1915 г. им было вынесено с поля боя более 1,6 тыс. раненых[5]. Николай II присвоил отряду почетное название "Приамурский имени наследника Цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича передовой отряд". Конечно, это было сделано по предложению и просьбе генерал-губернатора. Всего с августа 1914 г. по 1 февраля 1917 г. в кассу Приамурского комитета поступило 429188 рублей

88 копеек[6], что материально обеспечило содержание двух передвижных медицинских учреждений на передовой линии фронта. Кроме того, Приамурский комитет оказывал большую помощь раненым воинам и их семьям. Это был посильный вклад дальневосточников в общенародное дело помощи фронту.

Оказавшаяся для России тяжелой и неудачной война отодвинула решение многих возбужденных генерал-губернатором вопросов о совершенствовании управления краем. В то же время она породила новые заботы. Война застала на Дальнем Востоке рабочих, приехавших по контракту на строительство Амурской железной дороги, многие из которых были с семьями. Призванные в армию рабочие оставили свои семьи, казалось, в безвыходном положении. Под непосредственным наблюдением генерал-губернатора была организована отправка семей в родные места, для чего использовались льготные воинские тарифы не только по Уссурийской железной дороге, но и по КВЖД. Удалось организовать помощь уезжавшим и снабдить их необходимыми для дальнего пути подъемными и кормовыми деньгами. В течение короткого времени все, желавшие отправиться в родные места, получили такую возможность.

Затем в крае появилась такая категория населения, как беженцы из районов военных действий, которыми были переполнены губернии европейской части страны и волна которых докатилась до Дальнего Востока. К октябрю 1916 г. в крае их насчитывалось до 4 тыс. человек и с каждым днем число их увеличивалось. Поддержка таких людей, по мнению начальника края, являлась священной обязанностью власти и общества и долгом не только патриотическим, но и христианским. Благодаря своевременным распоряжениям Н. Л. Гондатти, передаваемым заведующим переселенческим делом и местным рабочим бюро, беженцы встретили в крае организованный прием — для жилья им были выделены дооборудованные свободные бараки и казармы, предоставленные военным ведомством. Беднейшим семьям выдавалась теплая одежда, они получали суточные и кормовые деньги, дети их помещались в школы. Рабочие бюро помогали трудоспособным найти работу, в том числе и в сельском хозяйстве. Наряду с созданными городскими общественными управлениями помощь беженцам оказывала церковь. Так, в Благовещенске для размещения беженцев было приспособлено подворье

Будундинского монастыря, приняты меры к призрению и обучению беженских детей. В Благовещенске была открыта специальная школа для них, в которой обучалось 128 детей. Основная работа по устройству беженцев проводилась переселенческими организациями края.

Внимание областных администраций, переселенческого управления, общественных и благотворительных организаций было обращено на оказание помощи дальневосточникам, находившимся в трудных обстоятельствах и прежде всего детям, которые после ухода в армию отцов и опекунов оказались без призора. Дети помещались в детские приюты и ясли, в ремесленные и общеобразовательные учебные заведения, освобождались от платы за право учения. Те из них, кто не попал в учебные заведения, были устроены в мужские и женские монастыри, сданы на попечение переселенческой организации, открывшей для сирот слесарно-кузнечные мастерские, а также приюты. Помимо детей воинов и сирот существовала значительная группа детей от так называемого "гражданского брака", получившего в крае широкое распространение, чему в немалой степени способствовал и таежный характер многих поселений. С уходом кормильца в армию эти семьи, имевшие внебрачных детей, не могли рассчитывать на государственные пособия. "Я счел необходимым,— писал Н. Л. Гондатти в письме И. Л. Горемыкину,— оказать со своей стороны содействие к тому, чтобы направить струю благотворительной помощи и на эту сторону местной жизни"[7].

Проведенное в крае подробное обследование имущественного положения семей воинов выявило, что оказываемая им из казенных средств помощь, далеко недостаточна. Поэтому городские общественные управления, попечительские и благотворительные организации, а в селах — волостные и церковные попечительства и крестьянские общественные управления — были привлечены к выяснению положения нуждавшихся семей и для сбора пожертвований. Благодаря дружной и энергичной работе этих организаций, собирались значительные суммы, которые выдавались нуждавшимся семьям в дополнение к полагавшемуся им по закону пайковому довольствию. Помимо этого оказывалась помощь и иная — снабжение продовольственными припасами, дровами, бельем, одеждой. В Хабаровске и Владивостоке известны были случаи предоставления наиболее нуждавшимся семействам бесплатных жилья и медицинской помощи.

С самых первых дней войны генерал-губернатор взял под свой зоркий контроль снабжение населения края продовольствием. В июле 1914 г. он обратился к населению с обращением, широко распубликованном в крае, в котором указал на высокое историческое значение переживаемого момента, на необходимость соблюдения государственных интересов, перед которыми должны померкнуть личные выгоды, и сообщил, что всякие попытки к искусственному поднятию цен на продукты жизненной необходимости, а также скупка товаров с целью продажи их затем по повышенным ценам, будут преследоваться им по всей строгости на основании действующего в крае военного положения[8].

Затем Н. Л. Гондатти издал специальное постановление, запрещавшее искусственное, не вызванное действительными причинами, повышение цен на продукты питания и предметы жизненной необходимости, а также скупку товаров с заведомой целью продажи их затем по повышенным ценам[9]. Одновременно он обратился к губернаторам края с предложением обратить особое внимание на недопущение искусственного спекулятивного повышения цен на предметы жизненной необходимости.

Все обострявшееся в крае положение с продовольствием обусловило создание местного совещания по продовольственному делу. В состав совещания вошли правитель канцелярии генерал-губернатора, управляющие Амурской казенной палатой и Хабаровским отделением госбанка, председательствовавший в Хабаровском съезде крестьянских начальников, хабаровский городской голова и другие облаченные властью лица. Совещание под председательством начальника края собиралось два раза в месяц, на него приглашались губернаторы областей края, председатели продовольственных и биржевых комитетов и другие ответственные чины. На нем знакомились с правительственными распоряжениями по продовольственному делу, изучалась ситуация с продовольствием в крае — наличие его, цены на продукты, перспективы и т. д. Совещание помогало краевой администрации не только быть в курсе продовольственного процесса, но и активно влиять на него.

В апреле 1916 г. Н. Л. Гондатти по телеграфу предложил губернаторам областей срочно принять решительные меры к увеличению площади огородов, рекомендовать населению разводить домашних птиц и свиней. При личных объез-

дах края, при докладах должностных лиц и беседах с представителями общественных управлений и торгово-промышленного мира Гондатти не упускал из поля своих наблюдений состояние рынка продовольствия, движение и оборот его запасов. Начальник края обязал губернаторов областей, уездные продовольственные комитеты представлять ему дважды в месяц отчеты о ходе продовольственного дела во всех районах. Этот контроль позволял ему в случае надобности своевременно принимать меры к пополнению запасов или передвижению их излишков в те местности, которые были менее обеспечены. По распоряжению Н. Л. Гондатти производился контроль за нормами расходования важнейших продуктов массового потребления, велись переписи наличных запасов сахара, соли и скота, посевных площадей и запасов зерна и т. д. Принятые меры способствовали тому, что в крае "рыночные цены на продукты продовольствия держатся на нормальном уровне и утаивания торговцами у себя товаров не наблюдается",— делал вывод Гондатти в письме председателю Совета министров И. Л. Горемыкину в 1915 году[10]. Край "...до настоящего времени,— писал он,— потрясений в экономической области не испытал и в отношении стоимости жизни пребывает, несмотря на общее расстройство транспорта и уменьшение в связи с войной числа рабочих рук, в значительно благоприятных условиях, нежели другие местности империи"[11].

Призыв в армию самого работоспособного мужского населения, изъятие по военной повинности лошадей тяжело отразились на состоянии крестьянских, в первую очередь, неокрепших новосельческих хозяйств. Хорошо понимая ситуацию, начальник края поручил губернаторам Приморья и Приамурья созвать совещания и выработать планы помощи слабым крестьянским хозяйствам, привлечь к этому общественные учреждения и благотворительные организации. Пережившие в 1914 г. небывалое наводнение, многие крестьянские хозяйства Приморской области остались без семян. Поэтому обеспечение сельских хозяев семенами генерал-губернатор считал своим первейшим делом. Он обратился к министрам путей сообщения и финансов с просьбой об установлении льготного тарифа на перевозку семян в край из Западной Сибири и Маньчжурии, т. к. коммерческий тариф являлся чересчур обременительным для крестьян. Одновременно он обратился в главную контору сельскохозяйственного управле-

ния в Омске с просьбой об отпуске из местных зерновых хранилищ для населения Приморской области до ста тысяч пудов посевной пшеницы[12]. Эти своевременные и необходимые меры помогли крестьянским хозяйствам выжить. Можно с уверенностью сказать, что в военные годы в центре деятельности генерал-губернатора находились социально-экономические вопросы. В крае была развернута значительная благотворительная помощь различным категориям нуждавшихся дальневосточников.

Вертикаль взаимоотношений центральная власть—генерал-губернатор в годы войны стала давать сбои. Из центра в край поступали распоряжения, которые потом отменялись, давались указания, которые носили противоречивый характер. Летом 1915 г. начальник края получил от министра внутренних дел телеграмму с просьбой выяснить, какие именно заводы, фабрики или менее значительные промышленные заведения могут быть использованы для нужд государственной обороны. Сразу же к делу обследования промышленных предприятий были привлечены местные общественные силы и лица, сведущие в этом вопросе. Во всех городах действовали военно-промышленные комитеты, которые с готовностью откликнулись на просьбу министра. Под председательством главного начальника в Хабаровске состоялся съезд представителей военно-промышленных комитетов городов края, на котором подверглись подробному обсуждению вопросы об имеющихся предметах и материалах для снабжения армии, о способах получения и сдачи заказов, необходимых для удовлетворения потребностей военного времени. В помещении городского дома, где проходил съезд, была устроена показательная выставка предметов снаряжения и снабжения армии из образцов, представленных военным ведомством. Обозрение выставки участниками съезда вселило уверенность в том, что многие из выставленных образцов могут производиться наличными техническими силами. Стремясь приступить к скорейшему практическому осуществлению задач снабжения армии, представители местной промышленности обратились от имени съезда в Центральный военно-промышленный комитет с просьбой о присылке им заказов, а также необходимых образцов и чертежей.

Одновременно с этим на месте шло обследование промышленных предприятий, заводов и мастерских на предмет возможности выполнения ими заказов военного ве-

домства. При этом выяснилось, что значительное количество предприятий в городах и населенных пунктах края может быть использовано для производства предметов государственной обороны, в том числе чугунных шрапнелей и бомб разного калибра, стальных снарядов, ручных гранат, картечи, взрывателей, зажигателей, а также зарядных ящиков, шанцевого инструмента, повозок, двуколок, телег, колес, кирок, лопат, мотыг, топоров, подков и других предметов. Однако ни местные промышленные предприятия, ни военно-промышленные комитеты, за небольшим исключением, предложений из центра на производство заказов так и не получили. Большая организаторская работа по мобилизации ресурсов края в помощь фронту по эффективности оказалась сравнима с выстрелами из пушки по воробьям.

В январе 1915 г. генерал-губернатор края предложил главноуправляющему землеустройства и земледелия воспользоваться для снабжения армии избытком овса в Амурской области. Предложение было принято, и немедленно отдается распоряжение о закупке овса в области. Получив соответствующий кредит, местная гражданская власть деятельно приступила к выполнению важного заказа. Но когда генерал-губернатор обратился в правительство с настоятельной просьбой указать определенные пункты назначения для вывоза собранного и лежащего в складах овса, статс-секретарь Кривошеин сообщил, что ввиду загруженности железных дорог и успешности состоявшихся уже закупок фуража в ближайших к театру военных действий районах, от намерения направить в армию собранный в Амурской области овес приходится отказаться и просил дело это ликвидировать[13].

В декабре 1916 г. генерал-губернатор послал телеграмму министру земледелия, сравнимую с сигналом бедствия, в которой он писал о том, что во Владивостоке скопилось более трехсот тысяч пудов рыбы и икры, стоимостью до 5 миллионов рублей, которую нет возможности вывезти из края. В результате рыбопромышленники не смогут расплатиться со своими долговыми обязательствами, для многих из них это грозит объявлением несостоятельными должниками, что скажется на подготовке к новому сезону, ударит по рыбопромышленности края, поскольку усилит позиции японских конкурентов. Генерал-губернатор убедительно просил оказать содействие вывозу рыбных грузов из Владивостока[14]. Исходившие из центра неразбери-

ха, безалаберность, несогласованность наносили существенный урон еще неокрепшей экономике дальневосточного края.

Конечно, война, да к тому же неудачная,— не лучшее время для организации юбилейных торжеств. Но дальневосточному старожилу, старому амурцу, как называл себя Н. Л. Гондатти, захотелось отметить пятилетний срок своего генерал-губернаторства. По этому случаю в Хабаровске были проведены беспрецедентные торжества. Огромный думский зал едва вместил в себя многочисленных представителей городских самоуправлений, биржевых комитетов, банковских учреждений, купечества, крестьянства, рабочих, инженеров, педагогов, представителей прессы, депутации учащихся. Протоиерей отец Геннадий Евсевиев отслужил торжественный молебен и от лица служителей церкви обратился к Н. Л. Гондатти с речью: "В вашем лице Приамурье получило высокого государственного деятеля, всесторонне просвещенного, умудренного богатым жизненным опытом, энергичного, готового все свои силы отдать на пользу вверяемого края. Для вас же Приамурье было тем горячо любимым с благодарной почвой нетронутым еще пахарем полем, возделыванию которого вы отдали всего себя, все свои силы, всю свою жизнь",— сказал протоиерей. Он выразил Н. Л. Гондатти пожелание доброго здоровья и крепости сил на многие, многие годы — на благо Приамурского края и на пользу родины. Командующий войсками генерал от артиллерии А. Н. Нищенков отметил его выдающиеся заслуги по укреплению русского государственного дела на Дальнем Востоке.

Затем представители городских самоуправлений Хабаровска, Владивостока, Благовещенска, Николаевска-на-Амуре, Никольск-Уссурийска поднесли Гондатти адреса, в которых отмечались упорные труды его высокопревосходительства на пользу развития городского дела в крае. Представители биржевого общества и банков поздравили начальника с пятилетием успешного управления дальневосточным краем и особо отметили его содействие развитию торговли и промышленности. С искренними приветствиями и сердечными пожеланиями также выступили представители учебных заведений, делегация крестьянского населения, благословившая шталмейстера Н. Л. Гондатти иконой, чины железной дороги, рабочие и мастеровые, представители правительственных учреждений,

Портрет Приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти. 1916 год.

разных просветительных, трудовых, общественных организаций, краевой прессы и т. д. В заключение учащиеся местных училищ пропели "Славу" Н. Л. Гондатти. Как подчеркнули "Приамурские ведомости", "чествование носило весьма сердечный, теплый характер и свидетельствовало о любви и признательности всех слоев общества и населения к Н. Л. Гондатти"[15]. Очевидно, утратив чувство меры, газета в течение нескольких дней публиковала на своих страницах тексты адресов, преподнесенных начальнику края, в которых неизменно шла речь об энергичной, просвещенной, кипучей, многосторонней деятельности шталмейстера Н. Л. Гондатти, его гуманности и доступности. Конечно, люди при этом были вполне искренни и доброжелательны. Чествование продолжалось в местном отделе ИРГО, где тоже был отслужен молебен, Гондатти избрали почетным членом Императорского Русского географического общества. В честь юбиляра в Николаевской публичной библиотеке открылся отдел имени Н. Л. Гондатти, в который вошли все его публикации и книги.

Растроганный таким вниманием к нему разных слоев общества и населения, Н. Л. Гондатти сердечно благодарил всех за выраженные чувства, заявив, что в этих чувствах он будет черпать силы для дальнейшей работы на пользу дорогого его сердцу края.

Самым замечательным в этих торжествах являлись подарки, преподнесенные генерал-губернатору, состоявшие в денежных суммах, специально предназначенных для учреждения стипендий имени Н. Л. Гондатти в различных учебных заведениях. Крестьяне деревни Александровки Лермонтовской волости Хабаровского уезда решили взять из мирского капитала 500 руб., на которые купить облигации 1915 г. и преподнести их начальнику края с просьбой о том, чтобы он ежегодно давал проценты в сумме 27 руб. 50 коп. в награду ученикам и ученицам, окончившим Лермонтовское двухклассное училище. По присуждению учительского совета награды имени генерал-губернатора должны были вручаться первому ученику за успехи — 15 руб., второму — 12 руб. 50 коп. Николаевская-на-Амуре городская дума постановила учредить пять стипендий имени Гондатти — в реальном училище, женской гимназии, высшем начальном училище, в городском женском 2-классном училище и ремесленной школе. Хабаровская городская дума также учредила пять стипендий имени Гондатти — в реальном училище, в первой казенной Алексе-

евской женской гимназии и двух высших городских начальных училищах. Стипендия имени Гондатти для беднейшего ученика была учреждена в мужской прогимназии Никольск-Уссурийска. Приамурское общество ИРГО собранные по подписке десять тысяч рублей решило направить в Московский университет, в котором генерал-губернатор получил высшее образование, для учреждения в нем стипендии имени Н. Л. Гондатти. Кроме именных стипендий, юбиляру были преподнесены и другие подарки. Городская дума Никольск-Уссурийска постановила одну из городских улиц наименовать его именем, городские думы Владивостока и Николаевска-на-Амуре присвоили Гондатти звание почетного гражданина. (Звание почетного гражданина г. Хабаровска ему было присуждено в 1913 г.) В газетном отчете о торжествах нет сообщений о каких-то личных преподношениях генерал-губернатору, тем более о банкетах.

Как бы то ни было, эти торжества стали для Гондатти своеобразным подведением итогов пятилетней деятельности на посту генерал-губернатора, общественным признанием его заслуг в освоении российского Дальнего Востока.

Пользовавшийся авторитетом среди столичной чиновничье-бюрократической элиты, просвещенный, умелый провинциальный администратор, прослуживший в Сибири и на Дальнем востоке в общей сложности двадцать лет, Н. Л. Гондатти вполне мог рассчитывать на получение заслуженного достойного места службы в коридорах власти императорского двора. По крайней мере все Приамурские генерал-губернаторы до Н. Л. Гондатти после одного срока службы на Дальнем Востоке приглашались или в столицу, или в Европейскую Россию с повышением по службе. С Гондатти этого не произошло. Возможно, МВД в военное время решило не менять коней на переправе и предложило талантливому администратору послужить еще на Дальнем Востоке. Может быть, сыграло роль и другое обстоятельство. Одна харбинская газета в 1920 г. писала, что Гондатти с точки зрения многих сделал при самодержавии головокружительную карьеру, "но ему, к сожалению, не удалось стать, как любил выражаться Столыпин, "главой правительства". В Германии, в Англии люди, подобные Гондатти, входят в историю Гладстонами, Биконсфильдами, Бюловами[16], а у нас их губило отсутствие "связей" в виде кузин Фифи, Мими или сиятельных тетушек"[17].

Гондатти ощущал свои интеллектуальные силы, понимал значение приобретенного администраторского опыта, которые могли принести еще большую пользу полюбившемуся краю, реализации выношенных идей освоения дальневосточных земель, и он выбор дальнейшей своей службы, возможно, сделал сам. Так или иначе, Николай Львович принял беспрецедентное решение и дал согласие исполнять обязанности генерал-губернатора Приамурского края еще пять лет — 1916—1920 годы.

События, происшедшие в 1917 году в России и в его личной жизни, позднее напоминали Н. Л. Гондатти хабаровский иллюзион, который он нередко посещал с семьей. В январе 1917 г. его шестилетнее управление Приамурским краем было отмечено награждением орденом святой Анны второй степени[18]. Нельзя сказать, что Н. Л. Гондатти безразлично относился к наградам. В них он видел знак признания императором полезности своей службы Отечеству. Впрочем, приходившие тревожные известия о неудачах на фронте, о беспорядках в столице настраивали на горестные размышления. Но вверенный край по-прежнему требовал от него немало сил и забот. Как всегда, скрупулезно работая с почтой, Николай Львович обратил внимание на письмо учительницы приходского Никольск-Уссурийского городского училища Н. И. Пешковой. Она писала, что слышала о гуманном, сердечном отношении генерал-губернатора к учащимся средних учебных заведений и решила обратиться к нему с просьбой помочь ей получить высшее образование. Юная учительница сообщила, что помощи от родителя, который был священником на острове Беринга и имел шестеро детей, она не получает. Окончив женскую гимназию с золотой медалью, она стала работать учительницей, но имеет "страстное желание изучать медицину на медицинском факультете Томского университета". "Свои знания,— писала девушка,— я посвящу любимой родине". Н. Л. Гондатти написал на письме резолюцию: "Срочно просить от меня о предоставлении стипендии на медицинском факультете Томского университета. 13 февраля 1917 года"[19]. Гондатти был уверен, что в Томске его не забыли. Кто мог знать, что это была одна из последних резолюций генерал-губернатора Гондатти, что серьезной девушке Н. Пешковой так и не удастся осуществить свою заветную мечту — стать врачом, лечить людей. Наступала эра революции, которая ломала судьбы людей, народа, страны.

Получив из Петрограда тревожные известия о массовых волнениях и беспорядках, 28 февраля Гондатти вместе с командующим военным округом генералом А. Н. Нищенковым в сопровождении довольно большого числа сотрудников аппарата, спецпоездом выехал во Владивосток. Наличие там флота, крепостной артиллерии и довольно значительного числа рабочих заставляло руководство края опасаться революционного взрыва и требовало принять привентивные меры. В эти дни в Хабаровск по телеграфу из столицы приходили сообщения о нарастании там революционных событий и, наконец, 3 марта стало известно об отречении Николая II от престола. Политически активной, радикально настроенной частью хабаровчан, состоявшей в основном из бывших ссыльных, в Хабаровске был создан Комитет общественной безопасности (КОБ) с "неограниченными полномочиями" в составе 10 человек от городской думы и 20 — избранных на многотысячном митинге. Председателем КОБ стал А. И. Малышев из социал-демократов. В воззвании комитета "К гражданам города", между прочим говорилось, что велением и распоряжением комитета "все должны беспрекословно подчиняться и, в случае надобности, он не остановится ни перед какими жертвами и ценностями"[20]. В телеграмме из Владивостока генерал Нищенков объявил "группу неизвестных лиц" (КОБ) преступниками и угрожал по возвращении в Хабаровск "немедленно ее ликвидировать"[21]. На секретном заседании руководство КОБ решило отстранить от должности командующего округа и начальника Хабаровского гарнизона генерала Нищенкова и арестовать. Подобное же решение было принято и в отношении генерал-губернатора Гондатти и правителя его канцелярии В. А. Закревского. Долго обсуждался вопрос, как это сделать без эксцессов. По воспоминаниям одного из участников этих событий, к моменту прибытия поезда Гондатти и генерала Нищенкова перрон Хабаровского вокзала был занят вооруженными солдатами, перед станцией все пространство было охвачено полукольцом сотней уссурийских казаков. Первым из вагона вышел генерал, ему было предъявлено решение КОБ об аресте, вызвавшее с его стороны протест. Однако он был вынужден сдать оружие и последовать к машине. Генерал-губернатор Гондатти "быстро пошел от вагона к входу в здание вокзала, направо и налево поздравляя всех нас с "обновлением" России. Но демагогический прием не помог, и он был арес-

тован вместе со встречавшим его правителем канцелярии Закревским"[22],— вспоминал мемуарист и делал вывод: "Так был закончен первый этап революции в краевом центре. С пути ее были решительно устранены опасные и могущественные силы старого строя". Генерал-губернатора сначала посадили на военную гауптвахту. Затем по постановлению КОБ Гондатти был переведен в гражданскую тюрьму, где он содержался в одиночном заключении. Ирония судьбы состояла в том, что эта тюрьма была построена по настоянию генерал-губернатора незадолго до этого. В общей сложности он просидел в тюрьме месяц. Что же стало с его административным аппаратом, с канцелярией? Поскольку правитель канцелярии В. А. Закревский тоже сидел в тюрьме, КОБ назначил правителем В. В. Солярского. "Приамурские ведомости" 9 марта 1917 года на видном месте, в рамке, крупными буквами опубликовали своего рода заявление следующего содержания: "Управление Приамурского генерал-губернатора в полном своем составе во главе с назначенным КОБ правителем канцелярии, поручило последнему приветствовать Комитет, как выразителя мнения и воли освобожденного народа. Управление, искренне радуясь избавлению от душившего его гнета в лице старой власти, выражает горячую готовность всеми своими силами служить делу упрочения нового свободного строя". Помимо В. В. Солярского, исполнявшего обязанности правителя канцелярии, и Н. С. Иваницкого — окружного инспектора училищ Приамурского края, его подписал 41 чин управления, в том числе и подполковник В. К. Арсеньев, все служащие и рабочие типографии газеты "Приамурские ведомости" и 25 служащих и рабочих[23]. Так произошел переход чиновничьего аппарата бывшего генерал-губернатора края под новые знамена, знамена Временного правительства. К чести краевых чиновников они не бросили камня в поверженного бывшего своего начальника, не обозвали его правление "гондатьевским режимом произвола и беззакония", как затем утверждалось в некоторых публикациях 30-х годов[24].

А между тем стало известно, что князь Г. Е. Львов от имени Временного правительства распорядился освободить из-под ареста всех губернаторов и генерал-губернаторов, не оказавших активного противодействия общественным организациям во время революции. Разрешение вопроса об освобождении того или иного губернатора было предоставлено на усмотрение местных комитетов. И тут

Депутат IV Государственной Думы, уполномоченный Временного правительства по Дальнему Востоку А. Н. Русанов. 1917 год

же разъяснялось, что губернаторы не уволены, а только временно устранены от исполнения своих обязанностей и им будет выплачиваться жалованье в прежних размерах[25]. По распоряжению Временного правительства был учрежден комиссариат по управлению Сибирью. Комиссаром Дальнего Востока был назначен член Государственной Думы А. Н. Русанов. На заседании Хабаровского КОБ с участием комиссара Русанова обсуждался вопрос о положении арестованного Гондатти. Русанов считал, что следует или предъявить арестованному судебное обвинение, если к тому имеются законные основания, сообщив об этом Временному правительству, или освободить Н. Л. Гондатти из-под стражи, предоставив ему возможность поехать в Петроград в распоряжение Временного правительства. Малышев утверждал, что следствие ведется, есть какие-то результаты, которые не могут быть оглашены в открытом заседании. После полуторачасового обсуждения вопроса на закрытом заседании комиссар Временного правительства постановил освободить генерал-губернатора и предоставить ему возможность в кратчайший срок выехать в Петроград в распоряжение Временного правительства[26]. Одновременно с Гондатти были освобождены генерал Нищенков и Закревский. Вскоре Н. Л. Гондатти в сопровождении конвоя, состоявшего из 8 солдат, отправился из Хабаровска через Харбин в столицу. Эту дорогу он хорошо знал, не раз по ней ездил. Вообще Гондатти любил дорогу, был легок на подъем, в молодости он много путешествовал. Но эта поездка по вздыбленной России с конвоем воспринималась нелепой и абсурдной. Кстати, в августе 1917 года в газете "Приамурская жизнь" в разделе хроники было опубликовано небольшое сообщение под заголовком "Путешествие Гондатти". Ссылаясь на сообщение из Харбина, газета написала любопытную подробность невольного путешествия бывшего генерал-губернатора Н. Л. Гондатти в Петроград. Из восьми конвоировавших его солдат в Петроград прибыл только один, которому Гондатти платил "из личных своих средств за охрану"[27],— сообщалось в ней. В следующем номере газета поместила "Письмо в редакцию", автором которого являлся прапорщик 744-й дружины С. С. Югай, начальник конвоя, сопровождавшего Н. Л. Гондатти из Хабаровска в Петроград. Он писал, что заметка, опубликованная в газете, "сплошной вымысел досужего фантазера, нет в ней ни одного факта, соответствовавшего дей-

ствительности"[28]. Протестуя против "такого заведомо ложного искажения действительности", Югай сообщил, что конвоиров было семь человек, по дороге двое из них по неопытности и неаккуратности отстали от поезда в Маньчжурии. Остальные пять конвоиров во главе со своим начальником благополучно доехали до Петрограда и "сдали Гондатти куда следует". (Очевидно, в Чрезвычайную комиссию Временного правительства.) В подтверждение своих слов, Югай предъявил редакции газеты свой пропуск на заседание Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а также удостоверение на право выезда из Петрограда. С начальником были следующие конвоиры: Старостин — матрос лодки "Ураган", Менешинен — казак 3-й сотни, Сычугов — ратник 4-го ж.-д. батальона, Шабалин — ратник 305-й дружины и унтер-офицер 3-й роты 395-й дружины, фамилию которого он забыл. Таким образом, Югай, как командир, защитил честь своего отряда. Однако первая версия событий ввиду ее занимательности привлекала авторов больше[29].

В Петрограде Николай Львович быстро убедился в том, что Временному правительству не до генерал-губернатора глубокой провинции, поэтому он настоял на своей отставке, подав заявление. Отставка была принята, но при этом оговаривалось, что он отстраняется временно. Раз правительство было Временным, то и решения оно принимало временные.

В июле 1917 года Гондатти из столицы уехал в Финляндию, где в Гельсингфорском университете читал лекции о Сибири. Побывал он и в Москве, повидался с родственниками и старинными друзьями. Не найдя нигде себе места, Николай Львович отправился в обратный путь, на восток. Остановился в Иркутске у приятелей, с которыми познакомился в бытность иркутским генерал-губернатором. В Иркутск приехала и его семья. Здесь они прожили около года. Николай Львович получал различные предложения. Газета "Приамурская жизнь" сообщала, что Гондатти якобы получил место управляющего американской пароходной компании, выполняющей прямые пароходные рейсы между Америкой и Дальним Востоком, и должен выехать во Владивосток[30].

В ходе своей продолжительной, связанной с большим риском для жизни поездки по России 1917 года Гондатти смог убедиться в силе и гибельности революционной бури, проносившейся над ее огромными просторами. Летом

1918 г. ему стало известно о злодейской расправе над бывшим императором Николаем II и его семьей в Екатеринбурге. Вот и в Иркутске стало опасно находиться бывшему царскому сановнику, поэтому он решается перебраться с семьей в Харбин. Как и тысячи россиян, пересекавших в то время границу, Николай Львович не предполагал, что покидает Россию навсегда.

12. Горький хлеб чужбины

27 октября 1918 г. бывший генерал-губернатор Приамурского края вместе с семьей прибыл в Харбин, в котором ранее неоднократно бывал, знал многих из числа администрации КВЖД, предпринимателей, коммерсантов и просвещенцев. Выросший благодаря строительству КВЖД "скороспелый город" в это время представлял собой крупный торгово-промышленный центр на севере Китая. По оборотам внешней торговли он занимал 4 место, уступая лишь Шанхаю, Кантону и Дайрену[1]. Здесь находилось более 200 магазинов, 46 фабрик и заводов, огромное количество мелких лавок, складов, мастерских. Большинство предприятий принадлежало русским предпринимателям — 1200 из 2200[2]. В Харбине проживало около 70 тыс. человек, что позволило отнести его к разряду крупных городов. При многонациональном характере городского населения половину его составляли русские: это коммерсанты, инженерно-технические работники, квалифицированные рабочие, обслуживавшие КВЖД и др. Тесное соседство русского и китайского населения придавало городской жизни особый колорит. Однозначно нельзя было сказать, что эти отношения носили дружественный характер, поскольку на обыденном уровне и с той, и с другой стороны проявлялись недоверие и национальная спесь. Но тесные экономические взаимовыгодные связи значительно ослабляли напряжение во взаимоотношениях и делали контакты между русским и китайским населением вполне добрососедскими.

Более пятнадцати лет управлявший КВЖД и пользовавшийся большим авторитетом среди русских харбинцев и китайских властей генерал Д. Л. Хорват содействовал Н. Л. Гондатти в получении престижной должности — начальника земельного отдела КВЖД. У Николая Львовича

Харбин, угол Китайской и Мостовой улиц

появилась возможность удовлетворить свое давнее увлечение сельским хозяйством: он занялся организацией так называемых "опытных полей" в Аньда, Эхо и под Харбином с целью улучшения агротехники выращивания сельскохозяйственных культур и получения высоких урожаев. Предполагалось поставлять продукцию на экспорт. В это время произошло сближение Н. Л. Гондатти с В. К. Рерихом (братом академика Н. К. Рериха), который заведовал опытными полями. У начальника земельного отдела оказалось немало дел, связанных с выделением земельных участков, он закрепил земельные участки за всеми церквами города. С каждым годом в Харбин прибывало все больше русских, которым для поселения нужна была земля. Те новоселы, которые не имели средств на приобретение быстро дорожавшего земельного участка, явочным порядком захватывали неудобные земли на болоте, где возник целый поселок, названный Нахаловкой.

Вот какой портрет начальника земельного отдела Н. Л. Гондатти нарисовал журналист в одной из харбинских газет. "Если вы пойдете на харбинский форум, именуемый управлением КВЖД, то на втором этаже нередко можно встретить старика небольшого роста, идущего характерной, чуть семенящей походкой, воспетой Пушки-

ным: "А старость ходит осторожно и подозрительно глядит". У него одновременно строгое и обворожительно-приветливое лицо. Острые глаза за стеклами очков. Одет, как все одеты, даже гораздо проще, чем "все". Бежит, несет под мышкой бумаги, раскланивается, ласково жмет почтительно протягиваемые руки. И новички, которые видят его впервые, жадно всматриваются в него, ловят каждое движение, глаз не спускают, пока он не скроется за тяжелой дверью совета управления дороги...

Поезжайте в Никольск, Владивосток, поезжайте в Хабаровск, все равно какой: атаманский или партизанский, вы всюду услышите: "Во времена Гондатти... При Гондатти... Если б Николая Львовича сюда... Нет, Гондатти знал, как в данном деле извернуться, он бы..."[3].

Поначалу Николай Львович не нашел каких-то серьезных перемен в жизни Харбина, который журналисты иногда льстиво именовали "восточным Парижем", город продолжал жить размеренно и благополучно. Вполне благополучно стала складываться и жизнь семьи Гондатти: появился достаток, приобретенные земельные участки и дома придавали ей видимую стабильность и респектабельность. Семья стала жить в добротном уютном доме с роскошным садом на одной из центральных харбинских улиц — Большом проспекте, 108.

Как и все харбинские русские, Н. Л. Гондатти с напряженным вниманием следил за ходом гражданской войны в Приамурье и Приморье, понимая, что от ее исхода будет зависеть судьба всех россиян в Маньчжурии. Нельзя сказать, что Николай Львович не проявлял симпатий к белому движению, был к нему безучастным. В 1921 г. он побывал в Хабаровске, где участвовал в совещании русских политических деятелей кабинетов А. Ф. Керенского и А. Н. Колчака, вместе с князьями Кропоткиным и Ухтомским, генералом Дитерихсом, бывшим послом России в Японии Крупенским и другими. На совещании рассматривались вопросы: о политическом положении, об атамане Семенове как единственно реальной военно-политической фигуре на Дальнем Востоке в то время[4]. В белом движении само собой разумелось, что бывший генерал-губернатор Приамурского края является приоритетной фигурой при создании правительства. Посланник Великобритании в Китае Олстон в своем сообщении министру иностранных дел Керзону "о новой попытке белогвардейских организаций создать антисоветский буфер на Даль-

нем востоке" 3 февраля 1921 г. писал из Пекина: "Вчера у меня были с визитом князь Ухтомский (младший) и Михайлов, бывший министр финансов в правительстве Колчака, которые доверительно сообщили мне, что к весне организуется новое антибольшевистское движение под военным руководством Семенова и с Михайловым в качестве советника. Главой организации намечается Гондатти, бывший Приамурский генерал-губернатор"[5].

Когда в мае 1921 г. во Владивостоке произошел переворот, было смещено областное управление Дальневосточной республики и создано Временное Приамурское правительство, крупные коммерсанты братья Николай и Спиридон Меркуловы обратились к Н. Л. Гондатти с предложением встать во главе создаваемого правительства. Отказ Николая Львовича с неудовольствием был воспринят в русских политических кругах Харбина, которые считали, что он способствовал падению Приморского правительства и был на руку большевикам.

Предложения возглавить белую власть в Приморье продолжали поступать к Гондатти и после падения правительства братьев Меркуловых. Председатель созванного летом 1922 г. во Владивостоке Земского собора профессор богословия Н. Миролюбов предложил Н. Л. Гондатти встать во главе формировавшегося в Приморье под лозунгом "Вера, царь и народ" монархического правительства. Гондатти отказался от предложения, о чем известил Н. Миролюбова[6]. Собор избрал правителем Земского Приамурского края генерала М. К. Дитерихса, который цель своей деятельности видел в восстановлении монархии в России, при этом Владивосток он объявил "IV Римом", а себя — "князем Пожарским нового времени"[7]. Очевидно, к этому времени относилось письмо, подписанное генералами Плешковым, Ткачевым, полковником Брусевичем и Гондатти, направленное из Харбина во Владивосток Дитерихсу, в котором они выразили уверенность в том, что только "объединение масс" способно обеспечить нашу победу и предлагали с этой целью осуществить ряд мер. Это послание вызвало негативную реакцию Дитерихса, которую он выразил в открытом письме авторам, опубликованном 6 сентября 1922 г. во владивостокской газете "Мир". Письмо в основном было обращено к Николаю Львовичу. "Два раза перед моим избранием я обращался к вам через владыку Мефодия с вопросом: примите ли вы на себя при наличии современных условий в Приамурье,

предлагавшуюся Вам Земским Собором власть? Только на второй запрос вы ответили: "При создавшихся условиях я решительно снимаю свою кандидатуру". Ныне, ваша подпись под решительным заявлением о мероприятиях, которые, по вашему убеждению, должны спасти край и дать "основание для продвижения на запад" — дают мне повод в третий раз обратиться к вам — возьмите власть на себя и спасите край... Вам известна присяга, принятая мною перед Земским Собором. Если вы готовы подписаться под ней и принять "ответственность на себя", то с чистой совестью я подпишу указ о передаче вам власти и уйду добровольно... Ваше молчание или неопределенный ответ будут указанием мне на отсутствие в вас гражданского мужества принять власть и ответственность на себя"[7]. И на этот раз Николай Львович не стал брать в свои руки бразды правления в Приморье, где уже близилась катастрофа белого движения. Приведенные документы свидетельствуют, что Н. Л. Гондатти находился под сильным давлением лидеров дальневосточного белого движения, настойчиво призывавших его взять на себя ответственность за спасение края от большевиков и партизан.

Почему он оказался глух к этим призывам и не взял на себя миссию спасителя "дорогого его сердцу края"? Думается, дело вовсе не в отсутствии у Гондатти гражданского мужества, о чем писал генерал Дитерихс. Николай Львович был мужественным человеком в личном плане и в гражданском. Вместе с тем ему были присущи осмотрительность, взвешенность в поведении и поступках, умение анализировать обстановку, свои наблюдения. А наблюдений у него было больше, чем достаточно. Ведь он дважды пересек Россию в 1917 г., побывал в революционном Петрограде. Возможно, он считал, что в условиях гражданской войны у власти должны находиться военные, к числу которых он не принадлежал. А может, от решительного шага его удерживали либеральные взгляды или серьезные семейные обстоятельства? Конечно, все это — предположения, версии, которые навряд ли когда-нибудь удастся подтвердить или опровергнуть документально. Ясно одно: Н. Л. Гондатти отказался играть первые роли в дальневосточном белом движении.

А тем временем, воспользовавшись гражданской войной в России, в особенности на ее дальневосточной окраине, китайские власти постепенно взяли в свои руки все управление в Маньчжурии. Русские административные уч-

реждения были закрыты, а их дела переданы в китайские органы. Выходцы из России были лишены права экстерриториальности и вынуждены были подчиниться китайским законам. Так российские подданные, в разное время обосновавшиеся в Маньчжурии, в одночасье, помимо своей воли, оказались эмигрантами.

В связи с окончанием гражданской войны на Дальнем Востоке и поражением белого движения в Китай, в Маньчжурию, хлынул людской поток, состоявший из офицеров и солдат разбитых белогвардейских частей, казаков и гражданских беженцев. Харбин оказался наводнен русскими новоселами, многие из которых не имели средств к существованию. Они, словно птицы, спугнутые со своих гнезд, жили беспокойно и суетливо. Бесспорно, наличие в Харбине значительной русской диаспоры облегчало адаптацию вновь прибывших русских. Таким образом, основная масса российских эмигрантов, проживавших в Маньчжурии, образовалась как бы из двух пластов. Первый — составляли выходцы из России, прибывшие в Маньчжурию, когда 50-верстная полоса вдоль КВЖД и Харбина считалась российской территорией, и оказавшиеся эмигрантами автоматически. К их числу принадлежал и Н. Л. Гондатти. Наверное, никто из россиян так тяжело не пережил переход в эмигрантское состояние, как он. Сколько усилий было затрачено им в бытность Приамурским генерал-губернатором на то, чтобы ограничить проникновение китайцев в край, выдворить их с российской территории. Теперь же, в силу не зависящих от него обстоятельств, он вынужден был пользоваться китайским гостеприимством, быть обязанным местным китайским властям, позволившим жить на их территории.

Другой пласт эмигрантов образовали беженцы из России, прибывшие в Маньчжурию по мере крушения белых армий и фронтов. Незнание и трудности освоения восточных языков, неизвестная культура и среда обитания, невозможность конкурировать с местным населением на рынке труда по причине крайней дешевизны рабочей силы последнего, политическое бесправие — вот далеко не все, что отличало и отягчало положение наших соотечественников в Китае, в Маньчжурии особенно. В любом действии эмигранта китайский полицейский чиновник мог усмотреть провинность и подвергнуть за это штрафу, размер которого также определялся усмотрением и аппети-

тами представителей власти. Всякое судебное дело сопровождалось непомерными поборами. В отношении российских эмигрантов производились особые меры давления. Например, эмигрант должен был ежегодно оформлять паспорт на каждого члена семьи старше 16 лет, плата за который год от года росла и составляла значительную сумму. В целом политическое положение в Китае характеризовалось нестабильностью, междоусобной борьбой китайских генералов. Для населения Маньчжурии настоящим бичом являлось хунхузничество. Здесь на каждую сотню жителей приходился один хорошо вооруженный бандит[9]. Вся Маньчжурия была терроризирована бандитами, от которых страдало и эмигрантское население, особенно проживавшее вдоль линии железной дороги и в Трехречье.

С целью защиты интересов российских эмигрантов, оказания им помощи стали возникать многочисленные благотворительные ассоциации, комитеты, общества. Политически активные эмигранты, в первую очередь, из числа белых офицеров создали десятки политизированных ассоциаций в основном монархического толка. Индифферентное отношение к ним со стороны бывшего царского сановника Н. Л. Гондатти вызвало недоумение, осуждение и даже гнев у части эмигрантов, отзвуком чего являлось "открытое письмо высокопревосходительству г-ну Гондатти", которое было напечатано одной японской газетой в Харбине. Некто Адзума, на редкость хорошо информированный о прошлом Гондатти, обвинил его в том, что он служил в частном коммерческом предприятии, у частного хозяина, заведовал земельным отделом КВЖД — и был совершенно безучастным к белому движению. Автор предъявлял Гондатти чрезвычайно серьезные обвинения, выраженные следующим образом: "служа... у частного хозяина, исключительно ради жалованья и забыв милости белого царя и белую идею, Вы являетесь невольным союзником угнетателей и разорителей ва'шей Родины и скоро, кажется, протяните им руку... Являясь невольным пособником большевистских идей, Вам следовало бы отказаться от императорского ордена Восходящего Солнца..."[10]. Логика автора предельно ясна — раз не участвуешь в белом движении, значит, помогаешь большевикам. Но судя по всему, Н. Л. Гондатти эти обвинения не испугали, он продолжал сторониться многочисленных политических белогвардейских организаций, строивших всевозможные, по существу, утопические планы борьбы

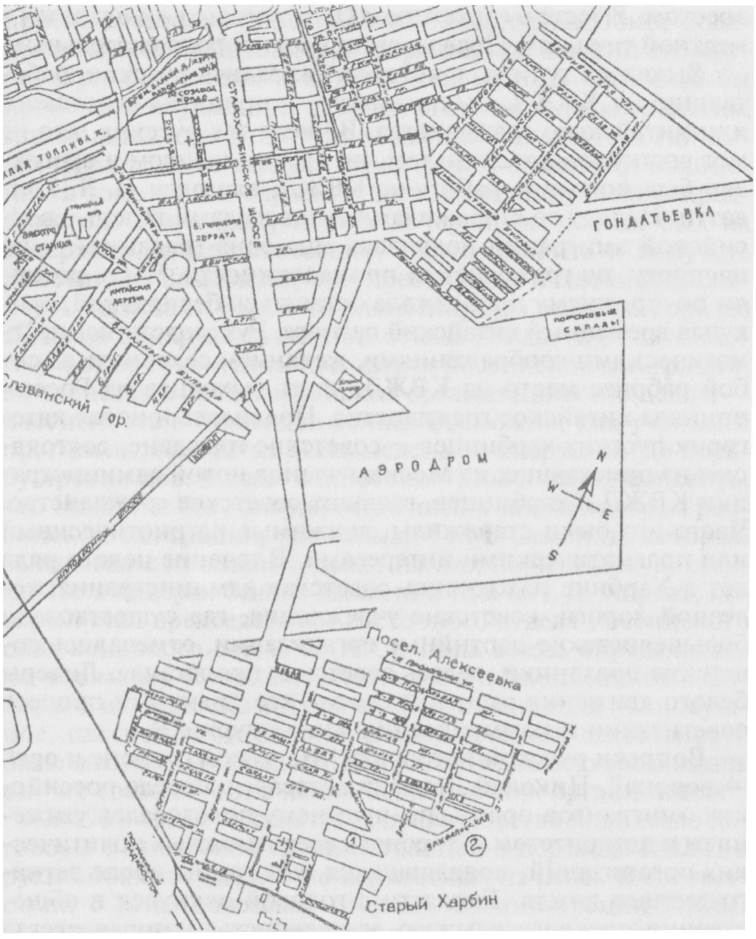
против советской России. Чем объяснить подобное поведение Николая Львовича, нехарактерное для лиц его круга? При отсутствии архивных документов, которые бы прояснили эту важную сторону его эмигрантского бытия, можно лишь строить предположения и выдвигать гипотезы. Прежде всего следует "защитить" Гондатти от обвинений в том, что он служил в частном коммерческом предприятии. Имея жену и двух дочерей, он обязан был их содержать, а, следовательно, где-то служить и получать жалованье. Возможно, его престижная и хлебная должность вызывала у кого-то элементарную зависть. Гораздо сложнее обнаружить мотивы отказа Гондатти от активного участия в политической жизни российской эмиграции, от членства в белогвардейских организациях и в целом — пассивность в белом движении. Возможно, как ученый и прагматик, он считал бессмысленной вооруженную борьбу против новой власти в России. Можно предположить, что Гондатти без доверия относился к таким лидерам российской эмиграции, как атаман Г. М. Семенов, который заигрывал с японцами, делал на них политическую ставку. Но в лидерах белого движения был и Л. Д. Хорват, который стал председателем восточного отдела Российского общевоинского союза (РОВС). Цель союза определялась по-военному четко: свержение власти большевиков в Сибири и на советском Дальнем Востоке. А если равнодушное, пассивное отношение к политической деятельности было жизненным кредо Н. Л. Гондатти? За всю свою жизнь он "не состоял" ни в каких политических организациях[11].

В 1924—1925 гг. советское правительство подписало договоры с китайской администрацией о переходе КВЖД в руки обоих государств на паритетных началах. В соответствии с этим советская сторона администрации КВЖД была представлена гражданами СССР, как прибывшими из Советского Союза, так и получившими гражданство непосредственно в Маньчжурии. Китайская сторона имела право использовать на этой службе своих граждан. В связи с этим те российские эмигранты, которые работали на КВЖД, могли принять и китайское гражданство. Одновременно советское правительство официально заявило о лишении русских, проживавших в Маньчжурии, прав своих граждан и отказалось от какой-либо защиты и представительства их интересов. Утверждение на КВЖД советско-китайской администрации обернулось для начальника земельного отдела дороги Н. Л. Гондатти увольнением и

арестом. Вместе с инженером Остроумовым он оказался в местной тюрьме[12]. Правда, арест был непродолжительным.

Выход из тупика, в котором оказались русские, работавшие на КВЖД, был двояким — принятие советского или китайского гражданства. В числе тех русских, кто не мог воспользоваться ни тем, ни другим шансом и вынужден был покинуть работу на КВЖД, оказался Н. Л. Гондатти. Наряду со старожилами и новоселами теперь в российской эмиграции появилась еще одна градация — по паспорту, по гражданской принадлежности. Часть россиян по-прежнему продолжала оставаться бесправной, выкупая временный китайский паспорт. Руководствуясь прагматическими соображениями, желанием сохранить за собой рабочее место на КВЖД, часть выходцев из России приняла китайское гражданство. Появилась и новая категория русских харбинцев – советские граждане, состоявшая из приехавших из Москвы членов новой администрации КВЖД и харбинцев, взявших советское гражданство. Часто это были старожилы, движимые патриотическими или прагматическими интересами. В течение целого ряда лет в Харбине находились советская администрация железной дороги, советские учреждения, где существовали большевистские партийные организации, отмечались советские праздники, велась советская пропаганда. Лидеры белого движения расценивали это как "быстрый процесс советизации и коммунизации Маньчжурии"[13].

Вопреки русской поговорке "На чужой стороне и орел — ворона", Николай Львович оставался в среде российских эмигрантов орлом, по-прежнему пользовался уважением и авторитетом. Сторонясь всевозможных политических организаций, появлявшихся, как грибы после летнего теплого дождя, Гондатти с головой окунулся в общественно-просветительскую деятельность, которая всегда ему была близка. Поэтому он не мог оказаться в стороне от дела организации в Харбине политехнического института. Можно сказать, что Н. Л. Гондатти был одним из основателей этого знаменитого института, который был открыт в октябре 1920 г. на базе русско-китайского техникума и был призван удовлетворить острую потребность в технических кадрах КВЖД и возникавших вдоль нее новых предприятий. Сначала по инициативе русских инженеров и ученых в Харбине возникло "Общество по учреждению Русско-китайского техникума". Для организации и управления делами было создано правление общества в



Фрагмент плана г. Харбина 30-х гг.

числе 14 членов, в котором председательствовал Н. Л. Гондатти. В апреле 1922 г. техникум был преобразован в Харбинский политехнический институт. Для его открытия администрация КВЖД выделила немалую субсидию, были сделаны частные пожертвования и вклады коммерческих предприятий и фирм. Особой заботой Гондатти пользовались студенты. Целый район, где жили студенты-эмигран-

ты, в честь него стал называться "Гондатьевкой" и довольно долго сохранял это название. В изданном в 1935 г. на трех языках "Первом торгово-промышленном указателе Маньчжоу-Го" в числе районов, где проживали русские, называлась и Гондатьевка. Пользовавшийся огромным авторитетом среди студенческой молодежи, Николай Львович являлся неизменным желанным почетным гостем институтских конференций и праздников. Например, русское студенческое общество пригласило его, как почетного гостя, на проводимый летом 1929 г. "День русской культуры".

Гондатти "играл крупную роль в церковных кругах"[15], был почетным членом епархиального Совета, "в каждом церковном приходе являлся полезным и добрым покровителем и соучастником в благом начинании церковной жизни"[16],— свидетельствовал архиепископ Нестор. При харбинских православных храмах были широко развиты дело милосердия и христианской помощи страждущим. При каждом храме существовали свои церковно-благотворительные братства и кружки, просветительские и церковно-благотворительные учреждения, такие как Дом милосердия, Русский дом, Приют-убежище имени митрополита Мефодия, Ольгинский приют при женском монастыре, Серафимская столовая при Иверском храме и т. д. Православные храмы, их служители помогали русским людям в изгнании сохранять свою веру и духовность, находить опору в жизни и утешение, преодолевать горькую нужду и лишения.

Учителя-старожилы Харбина помнили, насколько был заботлив о школе Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти, о простоте его общения с учениками и педагогическим персоналом, о его глубоком проникновении в дело школьного образования. Гондатти-эмигрант не изменил своей сердечной привязанности — он являлся председателем правлений первой частной гимназии и гимназии имени Ф. М. Достоевского, неизменно участвовал в обсуждении проблем развития школьного образования, считал, что в нем нет неважных вопросов. Так, он — "популярный общественный деятель, тесно связанный с эмигрантской школой" — принял участие в дискуссии на тему: "Нужна ли школьникам обязательная форма" в связи с ее введением в харбинских школах[17].

Внимание, которое Н. Л. Гондатти всегда оказывал молодежи, в условиях эмиграции приобрело особое зна-

чение. В отличие от Западной Европы, где молодое поколение россиян успешно адаптировалось к новым условиям жизни, в Маньчжурии оно составляло основную часть безработных, на долю которых приходилось почти 25% трудоспособного населения Маньчжурии. Политически бесправная, находившаяся в чуждой национальной, культурной, религиозной среде, разочарованная в белом движении, молодежь потянулась к экстремистской идеологии — к фашизму. Ему симпатизировала часть студенческой молодежи. В 1932 г. в Харбине было заявлено об образовании Российской фашистской партии (РФП), во главе которой встал способный организатор, 27-летний журналист, уроженец г. Благовещенска К. В. Родзаевский. На совести его десятки погибших молодых людей, которых он направлял на территорию советского Дальнего Востока для разведывательной и подрывной работы.

Ощущая свою неприкаянность, не видя перспектив в жизни, тяжело переживая потерю родины и прежнего более высокого социального статуса, часть молодежи, встречаясь с семейными и личными проблемами, сводила счеты с жизнью. Газеты нередко публиковали объявления о самоубийствах эмигрантов. Эта горестная чаша не обошла и семью Н. Л. Гондатти. В один из несчастных февральских дней 1929 г. в доме Н. Л. Гондатти была обнаружена мертвой его младшая дочь Ольга — студентка последнего курса юридического факультета, которой исполнился 21 год. Рядом лежала записка: "Прошу в моей смерти никого не винить". Вызванные врачи поставили диагноз — отравление сильными ядами. Накануне весь день Ольга была очень весела: пела, играла на пианино. Редакция газеты "Заря", опубликовав заметку о самоубийстве дочери Н. Л. Гондатти, писала: "Что могло заставить молодую, жизнерадостную девушку, оканчивающую высшее учебное заведение и только что высказывавшую бодрые планы на будущее в разговоре с отцом, искать добровольной смерти — остается тайной"[18]. Родители же высказали следующее предположение: "Ольга — горячая патриотка, тосковала по родине и эта тоска привела ее к решению о добровольной смерти". Можно лишь догадываться, как тяжело перенесли Николай Львович и Маргарита Мечиславовна смерть своей младшей дочери. Пережить трагедию помог вскоре появившийся внук — сын старшей дочери Татьяны — выпускницы Харбинского политехнического института. На снимке, помещенном одной эмигрантской

газетой, Н. Л. Гондатти сфотографирован с 3-летним внуком Володей, похожим на ангела с картины старого мастера.

В эти годы Николай Львович с увлечением занимался сельским хозяйством, к которому всю жизнь питал сильную склонность. Недаром в садах при губернаторских домах, где приходилось жить Гондатти, он высаживал большое количество фруктовых, часто диковинных деревьев, разводил ягодники, высаживал новые сельскохозяйственные культуры. Его одинаково увлекало садоводство, пчеловодство, огородничество, хлопководство, льноводство, чайное дело, коневодство, птицеводство. Накопленные богатые знания, многолетние наблюдения по сельскому хозяйству он собирался оформить в виде книги. Одно время в Харбине он увлекся выращиванием помидор, пытался ввести здесь их новую улучшенную культуру. С этой целью он выписал из Америки семена помидор. "Первый год мои помидоры брались нарасхват,— поведал Гондатти журналисту,— но потом я вдруг обнаружил, что на местном рынке появились овощи такого же сорта. Оказалось, что семена, выписка которых обходилась мне очень дорого, маньчжурские крестьяне получали простейшим способом — пользуясь теми помидорами, что я пускал в продажу. В сущности, я не должен обижаться, т. к. достиг своей цели — улучшенные сорта помидор появились здесь, но конкурировать не было смысла — мое увлечение огородничеством грозило мне разорением"[19].

Затем Николай Львович увлекся выращиванием шампиньонов. Были годы, когда он собирал до 20 пудов шампиньонов, которые разбирались постоянными потребителями — ресторанами "Гидулян", "Американский бар", "Модерн", "Фантазия". Но и это занятие в конце концов вынужден был бросить. "Мне кратко, но вразумительно заявили,— сказал с огорчением Гондатти,— Ваши грибы не для Харбина. Кто их ест здесь, все равно ничего в грибах не понимает, для тех и местные за деликатес сойдут. А кто знает толк в шампиньонах, те не могут их есть, потому что им только и доступно, что... эти самые грибы на блюде к столу подавать"[20]. В завершение интервью, обращаясь к молодежи, Гондатти дал совет: "Никогда не оставаться наедине с самим собой, всегда работать",— это говорил человек, которому шел восьмой десяток.

В постепенно налаживавшуюся жизнь российских эмигрантов коренные перемены внесла японская оккупация

Маньчжурии и создание здесь марионеточного государства Маньчжоу-Го. Испытывая недоверие к многочисленным выходцам из России, опасаясь, что разведывательные органы СССР имеют среди них своих агентов и попытаются завербовать других, заботясь о тотальном контроле за эмигрантами, японские военные власти решили объединить многочисленные российские эмигрантские организации и комитеты. Согласно резолюции министерства внутренних дел Маньчжоу-Го от 29 декабря 1934 г., было учреждено Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи (БРЭМ) как центральный орган, "призванный объединить вокруг себя все те элементы эмиграции, которые не могут относиться равнодушно к судьбам своей Родины". Под крышу Бюро было собрано 142 общественно-политические, корпоративные, национальные, культурно-просветительные и религиозные организации эмигрантов. Власти хорошо понимали, что успех Бюро среди эмигрантов во многом будет зависеть от личности, которой будет позволено возглавить этот орган. Поэтому они предприняли энергичные поиски авторитетного среди выходцев из России и удобного для японцев человека. Было сделано предложение возглавить Бюро Н. Л. Гондатти — царскому сановнику, бывшему генерал-губернатору, что сулило ему выполнение необременительных администраторских обязанностей и безбедное существование. Неожиданно Николай Львович отказался от этого, казалось бы, очень престижного предложения. Японцы быстро поняли, с кем из русских следует иметь дело. Давая задание находившемуся на службе у японской разведки журналисту А. Веспе начать вербовку среди русских, высокопоставленный японец говорил: "Нам нужны только молодые, способные и покладистые люди, которые заинтересованы в чинах и регалиях, а в обмен на это выполнят все, что мы от них потребуем. Мы хотим, чтобы русские имена прикрывали нашу деятельность, а для этого вовсе необязательно быть мыслителями. Нам нужны люди недалекие, но с амбициями, чье тщеславие не заходит, правда, дальше мечты увидеть себя во главе какой-либо организации... Главными критериями при отборе должны быть алчность, тщеславие, желательно, отсутствие патриотизма"[21]. А эти князья и графы, профессора, литераторы, генералы и полковники, старые аристократы прежней России — Голицыны, Войковы, Морозовы, Языковы, Ухтомские, Баратынские, Аксаковы, Завалишины,

Гондатти — "все время мешаются под ногами", "они крайне назойливы".

Начальником Бюро вскоре стал совсем немолодой генерал В. В. Рычков, а для Николая Львовича началась, наверное, самая тяжелая, продолжавшаяся почти два года, полоса жизни, когда на его седую голову обрушились всякого рода подозрения, оскорбления и обвинения. Начало им было положено присяжным поверенным Ф. М. Власовым, разославшим в эмигрантские организации "открытое письмо", представлявшее собой малограмотное по стилю и орфографии, но отпечатанное типографским способом, послание. Письмо начиналось с приятных для автора воспоминаний о 1918—1919 гг., когда он "имел текущие счета в банках, около миллиона золотых рублей хранил дома", когда у него были пароходы и 14 домов в Харбине, его состояние оценивалось в 3 млн. золотых рублей. С горечью автор констатировал: "Погибли мои пароходы, дома, растущие мои капиталы и ограбленный 15 лет назад, я лишен возможности работать на реке по своей специальности". Автор послал проклятье "злым врагам и фальшивым друзьям", призвал Бога послать им свое возмездие. После такой прелюдии Ф. М. Власов обрушил свой гнев на Н. Л. Гондатти, который прибыл в Харбин "в одном поношенном пальто на вате". Против него автор письма выдвинул несколько обвинений, большую часть которых можно отнести к числу политических. Так в письме утверждалось, что Гондатти проявил "черную неблагодарность" по отношению к Николаю II, когда вместо того, чтобы спасать жизнь императора, томившегося с семьей в Тобольске, он отправился в Харбин спасать свою жизнь. Потом Ф. М. Власов пожалел "много тысяч солдаток в Хабаровске", которых генерал-губернатор "потащил в тюрьму" за то, что они, "ради прокормления детей", носили банки со спиртом с китайской стороны. И еще генерал-губернатор Приамурского края уличался в том, что он "делал зло" китайцам, ненавидел японцев. Этот любопытный пассаж автор письма пытался подтвердить тем, что Гондатти в 1913 году якобы не допустил их на Приамурскую выставку. Все эти инсинуации, имевшие цель скомпрометировать Н. Л. Гондатти в лице русских эмигрантов, а также китайских и японских властей, носили нелепый, неуклюжий, примитивный характер и не достойны каких-либо опровержений. Наряду с этим присяжный поверенный выдвинул против Николая Львовича

обвинения в присвоении чужих денег. Спустя 15 лет он вдруг вспомнил, что передавал в распоряжение Н. Л. Гондатти крупные суммы денег без какого-либо документального оформления и намекал на использование их при приобретении Гондатти особняка, домов и земельных участков. Если факт передачи денег считать реальным, то встает законный вопрос, ради чего богатый предприниматель в период гражданской войны мог передавать крупные суммы денег начальнику земельного отдела КВЖД, бывшему генерал-губернатору, не оформляя это документально? Вполне можно допустить, что эти деньги шли на поддержку белого движения.

После знакомства с "открытым письмом" возникает ощущение, что озлобленный на весь мир, несчастный Ф. М. Власов был использован какими-то силами для дискредитации Николая Львовича Гондатти — председателя влиятельного общества домовладельцев. С "открытого письма" в харбинских газетах началась настоящая травля Гондатти. Очевидно, что одной из ее скрытых пружин являлся отказ Николая Львовича передавать средства в фонд Бюро, которое пыталось заставить банки и коммерческие предприятия отчислять в его фонд 3—5% своих прибылей. В эмигрантских газетах появились статьи, авторы которых поставили Гондатти в вину растрату и присвоение общественных денег. Так, харбинская эмигрантская газета "Наш путь" опубликовала большую статью под броским пространным заголовком "Как Н. Л. Гондатти "сберег" ссудосберегательную кассу своих педагогов. Вскрылась еще одна афера "злого гения" гимназии. Куда исчезли 8000 гоби. — Темная история с подложными чеками"[22]. Гондатти обвинили в расхищении средств ссудосберегательной кассы преподавателей гимназии им. Ф. М. Достоевского, а также в банкротстве банка общества домовладельцев. Вся эмиграция была взбудоражена этими газетными разоблачениями. Николай Львович был вынужден уйти с поста председателя общества домовладельцев — крупного, авторитетного объединения, которое он длительное время возглавлял. По рекомендации президиума Бюро он был выведен из состава епархиального совета, очевидно, не без нажима японцев, т. к. вопрос о назначении новых членов теперь согласовывался с японской военной миссией[23].

Для сегодняшнего анализа правомерности выдвинутых против Гондатти обвинений слишком узка документальная база, но и игнорировать их было бы, очевидно, не-

правильно. Вполне возможно предположить, что халатность, неаккуратность в оформлении финансовой документации, излишняя доверчивость, могли привести к банкротству кассы или банка. Также известно немало случаев, когда беженское существование было причиной перерождения не только слабых, но и сильных личностей. Однако подобные допущения находятся в вопиющем противоречии с личностью Н. Л. Гондатти. Может быть, причина банкротства коренилась в объективных обстоятельствах, в изменениях экономической ситуации в связи с японской оккупацией Маньчжурии?

При знакомстве с материалами, инкриминировавшими Н. Л. Гондатти растрату общественных денег, бросается в глаза одна важная деталь: все финансовые обвинения в той или иной мере увязывались с политическими. Так, утверждалось, что Гондатти "очень отрицательно относился к существовавшему Бюро по делам российских эмигрантов"[24]. "В отношении Маньчжоу-Го,— писали безымянные авторы,— Гондатти высказывался очень неопределенно. Он говорил: "Неизвестно, что еще из этого выйдет"[25]. И далее: "В особенности общее недоумение и даже негодование вызывает его пассивная и даже уклончивая лояльность по адресу нового режима в Маньчжоу-Го и дружественных японцев.— "Неизвестно, чем еще все это кончится" или "Мы не знаем их истинных намерений" — вот обычные возражения Гондатти всякий раз, когда подымается вопрос об установлении более тесного контакта руководимой им организации с властями или с японцами"[26]. И делался вывод: "Само собою разумеется, что такая тактика ничего, кроме вреда принести не может"[27]. Не в этих ли рассуждениях и заключался глубоко скрытый смысл всех обвинений, которые обрушились на Гондатти. Не инспирированы ли уголовные обвинения Н. Л. Гондатти, не находились ли их авторы в японской военной миссии? Неужели у Н. Л. Гондатти не было друзей, не было людей, которые верили в его порядочность и честность? Удалось найти два подобных свидетельства. Первое принадлежало чинам общества домовладельцев, которые "определенно считали, что его (Гондатти. — *Н. Д.*) затравили за непокорный характер, за то, что тот остался русским до конца и не шел на компромиссы ради чужих выгод"[28]. Важное заявление, акцентирующее внимание на тех личностных чертах Гондатти, которые всегда были ему присущи. Безымянные члены общества обвинили газеты в раз-

вязывании грязной кампании против их председателя. При этом признавалось, что среди них имелись враги Гондатти, уход его с поста председателя расценивался "непоправимой утратой для общества"[29]. Второе свидетельство принадлежало А. Веспе, который был восхищен поведением "истинно мужественных людей из числа русских эмигрантов", каким он считал и Н. Л. Гондатти, человека "неукротимого духа". В подтверждение этого он рассказал о том, как в дом к старику приехал офицер японской жандармерии с ордером на обыск и арест. Гондатти встретил офицера с орденом "Золотого коршуна"[30] на груди — самой высокой наградой, которою мог пожаловать император Японии иностранцу и которая была вручена Гондатти в бытность его губернатором. Такая награда давала ее обладателю иммунитет, неприкосновенность личности, и японский жандарм в полной растерянности вынужден был ретироваться. В другой раз двое молодых русских без определенных занятий — из тех, кто всегда готов за подачку выполнить любой приказ любых хозяев,— обвинили Гондатти в растрате фондов частной школы, владельцем и почетным директором которой тот являлся более 20 лет. Эти молодцы, уверенные в своей безнаказанности, так как действовали по прямому указанию японцев, в суде оскорбляли Гондатти на площадном языке. Когда судья-китаец предоставил слово обвиняемому, тот тихо сказал: "Я отказываюсь отвечать на недостойные обвинения этих подонков. Мне больно видеть, как эти молодые русские парни ради каких-то несчастных 35 долларов, которые им платят каждый месяц, могут пасть так низко, чтобы поступиться своей честью и совестью по приказу японских хозяев..."[31]. Полицейский произвол по отношению к Гондатти не носил экстраординарного характера. Скорее он был нормой, повседневностью жизни рядовых российских эмигрантов. Характерно, что Николай Львович ни разу не выступил в газете с какими-либо заявлениями, опровержениями, оправданиями. Не чувствуя себя виновным, мужественный человек не считал необходимым это делать.

Заметным событием эмигрантской жизни явился приезд в Харбин летом 1934 г. прогрессивного деятеля мирового масштаба, русского живописца, археолога, писателя, инициатора движения в защиту памятников культуры Николая Константиновича Рериха. С его братом — бывшим офицером Владимиром Константиновичем —

Н. Л. Гондатти водил дружбу с 1918 года. Тесное общение с Н. К. Рерихом доставило Николаю Львовичу немало приятных часов. Н. К. Рерих с успехом выступил в нескольких аудиториях города. Одной из важных акций, проведенных по инициативе Гондатти, было учреждение Харбинского комитета Всемирного пакта Рериха по охране культурных ценностей. Созданный четыре года назад пакт обрел мировую известность. Первое собрание по организации Харбинского комитета было проведено в гимназии им. Достоевского. Рерих рассказал об истории пакта, о работе его комитетов в Париже, Нью-Йорке, других городах и 75 обществ культуры. Было решено основать русский общественный комитет пакта Рериха в Харбине. Почетным председателем его президиума был избран архиепископ Нестор, председателем Н. Л. Гондатти, его помощником К. Г. Гинс и секретарем В. К. Рерих[32]. Экстремистская часть эмигрантов с большим подозрением отнеслась к Н. К. Рериху, считая его просоветски настроенным, враждебно отнеслись к Рериху и местные власти. Поэтому ему пришлось поменять маршрут научной экспедиции и покинуть Харбин.

К концу 30-х годов ряды наших соотечественников в Маньчжурии сильно поредели. Спасаясь от японского засилья, часть состоятельной интеллигенции покинула ее, переехав в США, Канаду, Австралию. Часть эмигрантов перебралась в Шанхай, где сравнительно благополучно жила российская диаспора. Известие о продаже КВЖД Советским Союзом Маньчжурии всколыхнуло воспоминания Н. Л. Гондатти о дискуссии по поводу строительства Россией этой железной дороги на чужой территории. Финал истории дороги подтвердил правоту его опасений. Для Гондатти оказались порванными последние нити, которые связывали Харбин с российским дореволюционным прошлым. Около 25 тысяч россиян, в основном, принявших советское гражданство, возвращались на родину. На эшелонах с теми, кто "ехал домой" были транспаранты с надписями: "Матушка Россия, прими своих детей"[33]. Для Николая Львовича дороги домой не было. Да и реэмигранты встретили на родине не матушку, а злую мачеху. Многие из них, в том числе и лидер сменовеховцев и идеолог возвращенчества Н. В. Устрялов, погибли в сталинских застенках.

В это время лидерами российской эмиграции стал нагнетаться антисоветский, антикоминтерновский психоз. На

Западе центры российской эмиграции уже к концу 20-х годов сняли с повестки дня идею вооруженной борьбы против СССР. Руководители же дальневосточной ветви эмиграции продолжали разрабатывать ее планы, готовить вооруженные силы. Продолжительному сохранению антисоветской агрессивности маньчжурской эмиграции способствовало ее геополитическое положение — доступность выхода на протяженную границу с СССР. Но главным обстоятельством, способствовавшим долговременному сохранению в ее среде воинственных настроений, являлось нахождение в Маньчжурии Квантунской армии Японии, насчитывавшей несколько сотен тысяч хорошо обученных солдат и офицеров.

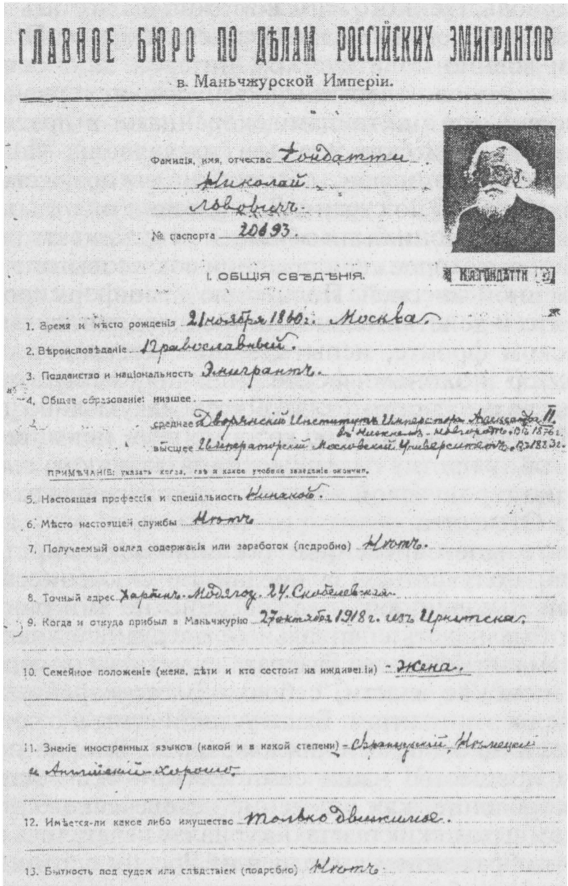
С первых дней нападения фашистской Германии на СССР руководство российских эмигрантских организаций безоговорочно выступило за поражение в войне Красной Армии, советского народа. Однако эту официальную линию, которую, естественно, одобряли японские власти, не разделяла основная масса рядовых эмигрантов. О переменах, происходивших в это время в настроениях, чувствах наших соотечественников, некоторое представление дает эволюция взглядов бывшего белогвардейского штабс-капитана В. Д. Жиганова, до войны занимавшего откровенно антисоветские позиции. В июле 1941 г. в Шанхае им была опубликована брошюра "В защиту Родины", потом брошюра "Стране Российской и ее защитнице Красной Армии — слава". Сами заголовки этих публикаций о многом говорят. Жиганов писал тогда: "Никакие угрозы господ пораженцев никогда и нигде не заставят нас предать нашу Отчизну... всей душой радуюсь, когда слышу о том, что наши русские войска гонят немецкую армию с русской земли"[34]. Он утверждал, что в 1942 и 1943 гг. тысячи "белых эмигрантов" пришли в советское консульство в Шанхае за советским паспортом, чтобы таким образом выразить симпатии к борьбе Родины против гитлеровцев.

По сравнению с Шанхаем, в Маньчжурии, в Харбине осуществлялся гораздо более жесткий контроль за настроениями российских эмигрантов. С помощью круговой поруки и системы осведомителей был установлен бдительный полицейский надзор за их настроениями. Просоветски настроенных эмигрантов, а к ним зачастую причисляли тех, кто с симпатией относился к советскому народу, самоотверженно боровшемуся с немецко-фашистскими захватчиками, исключали из списков эмигрантов и лиша-

ли продовольственного пайка. Можно было стать жертвой полицейского произвола и оказаться в тюрьме. При повышенном военно-политическом интересе японских властей к нашим соотечественникам, они не признавались равноправными с китайцами, корейцами и представителями других азиатских народов, населявших Маньчжоу-Го. Российские эмигранты были лишены права свободного передвижения по стране. Для поездки на отдых, к родным на лечение они были обязаны испрашивать разрешение в Бюро, которое свои решения согласовывало с японской военной миссией. Полностью дезинформированные о том, что в действительности происходило на советско-германском фронте, испытывавшие жесткий полицейский надзор и экономические лишения, эмигранты были лишены возможности оказать хоть какую-либо помощь своим соотечественникам, которые вели неимоверно тяжелую войну против гитлеровских захватчиков, высказать симпатию героической борьбе родного народа за независимость Отечества.

Вместо многочисленных российских и иностранных орденов, полученных за преданное служение России, Николай Львович, как и все российские эмигранты, вынужден был надеть специальный нагрудный знак в виде белого эмалированного квадрата с учетным номером. Его ввели японские власти, с большим подозрением относившиеся к эмигрантам. Были установлены и отличительные знаки на эмигрантских квартирах. Вполне понятно, что это новшество наши соотечественники восприняли как оскорбление, как унижение человеческого достоинства. В эмигрантских газетах, журналах печатались карикатуры с изображением выходцев из России с этим знаком. В витринах харбинских улиц появилась карикатура, на которой была изображена стоявшая на задних лапах собака со знаком на шее, а рядом — эмигрант с таким же знаком на груди. Введенный японцами знак эмигранты называли не иначе, как собачий. Обеспокоенные подобной реакцией представители японской военной миссии срочно изменили форму знака, придали ему политическое содержание. На знаке в форме щита были изображены три флага — российский, японский и Маньчжоу-Го. Но суть от этого, конечно, не изменилась.

В апреле 1942 г. Н. Л. Гондатти заполнил анкету Главного бюро по делам российских эмигрантов, содержавшую 30 вопросов. В графе награды, а он был награжден не-



ГЛАВНОЕ БЮРО ПО ДѢЛАМ РОССІЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ
в. Маньчжурской Имперіи.

Фамилія, имя, отчество Гондатти Николай Львовичъ.

№ паспорта 20693.

Н.Л.ГОНДАТТИ

I. ОБЩІЯ СВѢДѢНІЯ.

1. Время и мѣсто рожденія 21 ноября 1860 г. Москва.
2. Вѣроисповѣданіе Православный.
3. Подданство и національность Эмигрантъ.
4. Общее образованіе: низшее. —
среднее Дворянскій Институтъ Императора Александра II. въ Нижнемъ-Новгородѣ. Въ 1876 г.
высшее Императорскій Московскій Университетъ. Въ 1883 г.

ПРИМѢЧАНІЕ: указать когда, гдѣ и какое учебное заведеніе окончил.

5. Настоящая профессія и спеціальность Никакой.
6. Мѣсто настоящей службы Нѣтъ
7. Получаемый оклад содержанія или заработок (подробно) Нѣтъ.
8. Точный адрес Харбинъ-Модягоу. 24. Скобелевская.
9. Когда и откуда прибыл в Маньчжурію 27 октября 1918 г. изъ Иркутска.
10. Семейное положеніе (жена, дѣти и кто состоит на иждивеніи) — Жена.
11. Знаніе иностранных языков (какой и в какой степени) — Французскій, Нѣмецкій и Англійскій — хорошо.
12. Имѣется-ли какое либо имущество только движимое.
13. Бытность под судом или слѣдствіем (подробно) Нѣтъ.

Копия анкеты, заполненной Н. Л. Гондатти 18 апреля 1942 г.
(первая страница)

сколькими российскими орденами, в том числе, орденом Станислава II степени, орденом святого Владимира IV степени, орденом святой Анны I степени и другими, Гондатти вписывает только один — орден святого Александра Невского. Думается, это им было сделано преднамеренно. Ведь анкету Гондатти заполнял в драматический период Великой Отечественной войны, когда гитлеровцы, япон-

ские власти и руководители российской эмиграции в один голос кричали о скором и неизбежном поражении Красной Армии. Как русский патриот, Гондатти не мог разделять этих настроений, он сочувствовал соотечественникам и желал им победы, подобной той, которую русские воины под началом великого новгородского князя Александра Невского одержали над немецкими псами-рыцарями на Ледовом поле. К тому же в день заполнения анкеты — 18 апреля 1942 года — исполнилось ровно 700 лет славной победы русичей под командованием князя Александра Ярославовича над тевтонами. Николай Львович хорошо знал и любил отечественную историю.

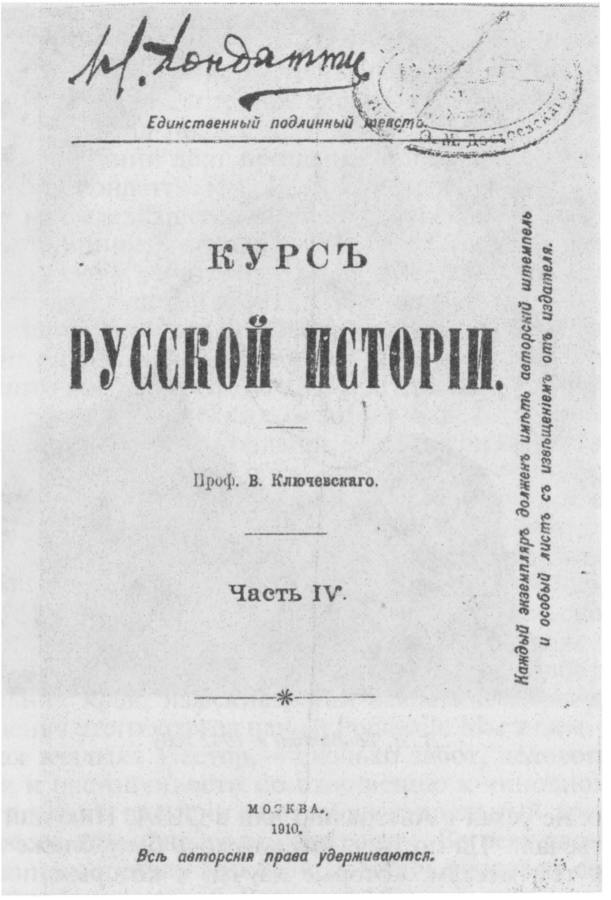
В годы войны единственным источником существования для Н. Л. Гондатти стала скромная учительская зарплата — он преподавал в школе русский язык. Ко всем невзгодам прибавилось и семейное горе — умерла его дражайшая супруга Маргарита Мечиславовна, с которой он прожил более 40 лет. Последние сбережения Гондатти потратил на возведение памятников на могилах жены и дочери. Положение Николая Львовича не являлось чем-то исключительным. Бывшие чины царской армии — генералы, старшие офицеры, которые не пошли на сотрудничество с японскими властями, влачили жалкое существование, работали дворниками, сторожами, вахтерами. Так, заслуженный генерал-майор М. Е. Обухов, участник Брусиловского прорыва, долгое время работал сторожем на Градо-харбинском кладбище, затем за гроши занимался переплетом бухгалтерских документов. Генерал-майор Алексеев, бывший адъютант адмирала Макарова, был управляющим домами у одного крупного домовладельца Харбина[35]. Часть эмигрантов оказалась заложницей своей доверчивости. Когда шли ожесточенные бои под Сталинградом, руководители эмиграции получили от японских властей директиву: "Всем бывшим чинам царской армии подготовиться к возвращению в Россию для занятия прежних должностей". Сигналом для выезда должно было стать падение Сталинграда. Но сигнала не последовало, а несчастные люди, распродавшие свое имущество, оказались на чемоданах[36].

Несмотря на огромные усилия японских властей и руководителей эмиграции по мобилизации выходцев из России для борьбы против СССР, эффективность их оказалась низкой. Наши соотечественники не сыграли сколько-нибудь существенной роли в вооруженном сопротив-

лении частям Советской Армии во время советско-японской войны 1945 года. Более того, в основной своей массе местные русские оказали ей серьезное содействие[37].

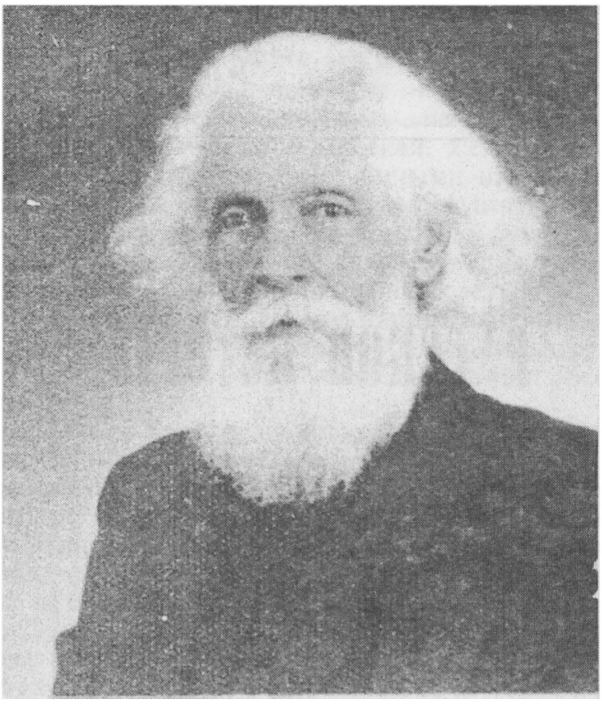
В первые же дни войны японские власти организовали отъезд на юг, за пределы Маньчжурии российских эмигрантов, в первую очередь, крупных деятелей, сотрудничавших с японской военной миссией, желавших покинуть город, чтобы не быть схваченными наступавшими советскими войсками. Изъявили желание уехать и записались лишь 120 человек, однако к поезду прибыло человек 40[38]. Сказались чувства симпатии эмигрантов к своей покинутой родине. Справедливости ради следует подчеркнуть, что для значительной части наших соотечественников родина-мать обернулась мстительной и жестокой мачехой. Но это — самостоятельная тема истории российской эмиграции.

Оказавшись в Харбине в октябре 1945 г. Вера Ивановна Чернышева — хабаровский архивист и историк, застала население города в праздничном, приподнятом настроении, которое переживали и выходцы из России, и китайцы, длительное время находившиеся под властью японской военщины. Проходя по одной из улиц Харбина, она набрела на букинистический магазинчик, принадлежавший российскому эмигранту. Среди выставленных книг ее внимание привлекли отчеты Приамурского генерал-губернаторства за 1912 и 1913 годы, имевшие автографы генерал-губернатора Н. Л. Гондатти. На вопрос, откуда такие книги, хозяин магазина ответил, что на комиссию их принес... сам Гондатти. Через несколько дней Вера Ивановна встретилась с Николаем Львовичем в магазине. "В первые минуты знакомства было молчание. Мы удивленно смотрели друг на друга",— вспоминала Чернышева. Еще бы не удивляться! Перед Верой Ивановной — советским историком — стоял живой генерал-губернатор Приамурского края, "он был бодр, подвижен". Николай Львович внимательно всматривался в стоявшую перед ним молодую симпатичную женщину из другой жизни, но как-то связанной с его — ведь она была из Хабаровска. Неоднократно разговаривая с советскими солдатами, Николай Львович к своему огорчению обнаружил, что у них короткая память, никто не слышал о Приамурском генерал-губернаторе Гондатти. И вдруг эта встреча. Постепенно разговорились и их беседа приняла вполне дружественный характер. Гондатти хорошо помнил Хабаровск, расспрашивал о



Титульный лист книги с автографом Н. Л. Гондатти

его улицах и старых зданиях. "Меня пытались ввести в контрреволюционное белогвардейское правительство братьев Меркуловых, японцы с оккупацией Маньчжурии хотели поставить во главе белой эмиграции, я категорически отказался, за что подвергался тюремному заключению",— посчитал необходимым подчеркнуть Николай Львович. "Он не злобился на советскую Россию и революцию"[39],— заключила Вера Ивановна. На вопрос: почему оказался в Маньчжурии и осел здесь, почему по примеру



Н. Л. Гондатти в 1942 году

многих не уехал в Австралию или в США, Николай Львович отвечал: "Да потому, что хотелось быть ближе к России, к тем местам, которые изучал и которым посвятил много сил и времени. И было отрадно осознавать, что мои труды по этнографии округа использовались советскими учеными..."[40]. Возможно, при этом он умолчал и еще об одной, глубоко личной причине — здесь, в Харбине были могилы родных, с которыми он не пожелал расстаться.

Свое главное впечатление о встрече с Н. Л. Гондатти Вера Ивановна выразила следующим образом: "Это был человек высокого духа. Несмотря на его положение и преклонный возраст, он не выглядел ни жалким, ни униженным. Это был настоящий ученый человек, вызывавший к себе уважение"[41]. К огорчению В. И. Чернышевой вторая встреча не состоялась — Н. Л. Гондатти заболел.

5 апреля 1946 года на 86-м году жизни после продол-

жительной и тяжелой болезни Николай Львович скончался у себя на квартире. Отпевали его в храме обители Милосердия. Перед отпеванием архиепископ Нестор — духовный отец Н. Л. Гондатти, знавший его более 40 лет, произнес "сильное и теплое слово", посвященное покойному[42]. Он начал так: "Сегодня собрались мы все, чтобы отдать последний долг прощания с почившим Николаем Львовичем Гондатти. Имя Н. Л. Гондатти — большое, крупное, ярко выделявшееся на фоне полувековой, многогранной, обширной, государственной и общественной его деятельности и работы на Дальнем Востоке; это имя вошло в историю русской государственности"[43]. Человек, близко знавший Николая Львовича, родной ему по духу, архиепископ Нестор в надгробном слове как бы подвел итоги большого жизненного пути Н. Л. Гондатти, с христианских и общечеловеческих позиций охарактеризовал его личность. "С именем Гондатти,— сказал он,— неразрывно связано представление о незаурядной и мощной фигуре человека огромного административно-государственного масштаба — человека тонкого ума, с безгранично широким размахом, неутомимой энергией, с твердой волей и с добрым чутким сердцем". Естественно, что основное внимание в речи было уделено преобразовательской деятельности Н. Л. Гондатти на Дальнем Востоке. Здесь Н. Л. Гондатти "проявил себя как верный и заботливый начальник края, изыскивавший всяческие меры для утверждения этого края за нашей Родиной. Мы знаем,— продолжал владыка Нестор,— сколько забот, делового внимания и настойчивости по отношению к чиновному Петербургу того времени употребил гениальный хранитель интересов дальневосточных окраин... Во всех своих действиях и поступках Николай Львович проявлял себя как достойный сын своей Родины и благородный исполнитель своего долга перед Отечеством. Он был также верным сыном матери нашей Церкви Православной, хотя быть может и не подчеркивал это открыто в своем отношении к церкви"[44]. В заключение владыка Нестор сказал, что послереволюционное время для всех явилось временем испытания, которое не миновало и Н. Л. Гондатти, много раз подвергавшегося аресту. "Ни гнусная газетная клевета и травля в период японского владычества, ни обиды в прессе от своих же россиян,— подчеркнул архиепископ, — не сломили его духовной бодрости. Стойко, смиренно и без ропота, нигде не оправдываясь, переносил в своем серд-

це все нападки и происки завидовавших ему нехороших людей, и на мои неоднократные ему, как духовному моему сыну, предложения оправдать себя через прессу, Николай Львович всегда отвечал мне, что чистая совесть выше оправданий, и те, кто причинял ему вред, они сегодня, мучимые своей совестью просят здесь у открытого гроба себе прощения... Величие духа почившего наглядно подтверждает показательный факт его смерти. Николай Львович умер нищим, смиренно и безропотно, никого не обвиняя и никому не жалуясь на свою судьбу. Были и есть люди, которые пытались считать состояние Николая Львовича в его кармане, но пусть они знают, что у Николая Львовича ничего нет, т. е. ни гроша денег, и его семья, и его лечение стоили трудной продажи его книг и имущества. Он ушел в вечность никому не должным и не обязанным. Родине своей он отдал все свои годы жизни и ум, и энергию, и знание, и любовь и за все сие был судим и оправдан девять раз..."[45].

Так, в Харбине, наводненном упоенными победой советскими солдатами и офицерами, где российские эмигранты пребывали в состоянии неясных надежд, неопределенности и страха, в церковной обители прозвучал гимн в честь человека высокого благородного духа, истинного патриота, старого амурца Николая Львовича Гондатти.

Его похоронили на Новом кладбище, которое, к сожалению, в современном Харбине не сохранилось.

Вместо заключения

На примере деятельности генерал-губернатора пограничного Приамурского края Н. Л. Гондатти можно сделать вывод, что в начале XX века царское правительство располагало высокообразованными, компетентными, широкомыслящими, талантливыми провинциальными администраторами, которые на местах верой и правдой служили интересам Российской империи. Шесть лет генерал-губернаторства из 85 с лишним прожитых лет стали пиком, вершиной жизненного пути Н. Л. Гондатти. В эти годы в полной мере проявился присущий ему государственно-администраторский талант, его выдающиеся способности и обширные знания были нацелены на включение социально-экономических проблем дальневосточной окраины в общегосударственную политику России, служили осво-

ению молодого края, укоренению здесь славянского населения.

Будучи монархистом по мировоззрению, Н. Л. Гондатти по натуре своей принадлежал к славной когорте преобразователей, ему импонировала личность видного российского реформатора, председателя Совета Министров и Комитета Дальнего Востока П. А. Столыпина. Переняв эстафету самоотверженной службы на Дальнем Востоке таких Приамурских генерал-губернаторов, как А. Н. Корф, С. М. Духовской, Н. И. Гродеков, П. Ф. Унтербергер, он придал ей своеобразные гондатьевские черты — динамизм, основательность, всеохватность. Казалось, что не было такой проблемы, такого вопроса, стороны жизни края, которые не привлекли бы внимания генерал-губернатора, не испытали бы его благотворного воздействия. Он был непосредственным участником и главным радетелем строительства уникального моста через р. Амур и Амурской железнодорожной магистрали, благодаря которым Приамурский край преодолел свою изолированность и получил возможность стать частью экономической системы России. Он инициировал сооружение Владивостокского порта и расчистку устья Амура у Николаевска, всячески поощрял развитие торговли, промыслов, сельского хозяйства и промышленности. Твердо отстаивая экономическую независимость края от наседавших Японии и Китая, он вместе с тем был сторонником привлечения в край иностранного капитала. Вне его зоркого внимания не остались и такие жизненно важные вопросы, как развитие ветеринарной службы и становление метеослужбы в крае, организация широких землеустроительных работ и дачного поселка под Владивостоком, создание первого заповедника и отдела российского общества востоковедения.

Будучи первым гражданским генерал-губернатором, к тому же обладавшим огромным интеллектуальным потенциалом, Н. Л. Гондатти оказал благотворное влияние на нравственную атмосферу в крае, на развитие здесь науки, образования, культуры. "Дорогой моему сердцу край",— так он определил свое отношение к Приамурскому краю в одном из интервью газете. Действительно, он, как и Н. И. Гродеков, сердечно относился к краю, к его населению. Напряженных, плодотворных 16 лет он посвятил дальневосточной окраине России, пройдя путь от начальника приполярного округа — Чукотки — до высшего чина в

местной административной бюрократии России — генерал-губернатора обширного и молодого края занимавшего чрезвычайно ответственное геополитическое положение.

Для стиля работы генерал-губернатора были характерны инициативность, настойчивость в отстаивании интересов края перед правительством, изучение состояния дела на месте, требовательность к подчиненным. Доброжелательность и доступность привлекали к нему людей. Николай Львович обладал еще одним ценным качеством, без учета которого нельзя в полной мере понять многие его поступки — он был подвижником, т. е. человеком, готовым ради общего блага совершить подвиг, способным ради важного для отечества дела переносить дискомфорт: терпеть лишения и физические перегрузки.

Руководство Амурской экспедицией — крупным научным коллективом, который осуществил первое комплексное обследование дальневосточного края,— позволило Н. Л. Гондатти глубоко вникнуть в проблемы края, выявить не терпящие отлагательства вопросы, увидеть односторонность, однобокость, слабую эффективность правительственной дальневосточной политики, выступить с новаторским конструктивным проектом. Суть его состояла в предложении разработать "колонизационный план" Дальнего Востока и придать ему государственное значение. Важнейшими его компонентами могли стать учреждение на границе с Китаем пограничной и таможенной служб, программа обеспечения безопасности края. Во многом новаторским являлось и разработанное под руководством генерал-губернатора положение о дальневосточных аборигенах, их правовом статусе. Он приложил немало усилий, чтобы убедить императора, правительство в необходимости разработки "колонизационного плана" Дальнего Востока. Сейчас можно лишь гадать: удалось бы энергичному генерал-губернатору воплотить этот проект в жизнь, если бы не первая мировая война и революция.

Талант ученого, впрочем, не получивший полной реализации, помогал администратору принимать в целом безошибочные решения, вносить целесообразные предложения и проекты, предвидеть их последствия, быть убежденным сторонником преобразований края. Несомненно, деятельность генерал-губернатора Н. Л. Гондатти была адекватна объективным потребностям социально-экономического и культурного развития Приамурского края, России

в целом. Анализ деятельности начальника края, испытывавшего мирную экономическую экспансию сопредельных государств, убеждает в прозорливости, всесторонней обоснованности его идей о предпочтительных путях колонизации дальневосточной окраины, о ее будущем развитии. Тем очевиднее становятся интеллектуальные потери, понесенные в результате Октябрьской революции и гражданской войны, после окончания которых потребовались многие годы для выработки устойчивых представлений о необходимости комплексного развития российского Дальнего Востока.

В 1917 г. деятельность дальневосточного генерал-губернатора подверглась самой суровой, беспощадной революционной ревизии, участники которой однако не смогли предъявить ему обвинений в беззаконии, халатности, коррупции, злоупотреблении своими полномочиями и положением. Для всех последующих администраторов края Гондатти преподал урок благородного, самоотверженного служения российскому Дальнему Востоку.

Ему и его семье пришлось разделить трагическую участь многих тысяч россиян, вынужденных покинуть революционную родину и оказаться за границей на положении изгоев. Благодаря таким личностям, как Николай Львович, российская эмиграция жила напряженной интеллектуальной жизнью, сохранила и развила русскую культуру за рубежом, познакомила с ней народы стран обитания.

На долю наших соотечественников в эмиграции выпали большие нравственные, духовные, материальные испытания и потрясения. Несмотря на это, многие из них не сломались, остались российскими патриотами, подобно Гондатти — человеку высокого несгибаемого духа. Признанием выдающихся заслуг Николая Львовича Гондатти — талантливого администратора Приамурского края, внесшего крупный вклад в его исследование, освоение и обустройство, могло бы быть присвоение его имени одной из хабаровских гимназий и учреждение стипендии Н. Л. Гондатти в Дальневосточной академии государственной службы.

Вполне очевидно, что многие проблемы, свойственные Дальнему Востоку России в начале XX века, сопрягаются с проблемами сегодняшнего дня. Стоит сравнить идеи, выдвинутые Н. Л. Гондатти, с содержанием выступлений современных дальневосточных руководителей (сейчас на территории бывшего Приамурского края действует

9 субъектов Российской Федерации), как обнаруживается аналогичность ситуаций, похожесть проблем, подобность явлений и сходность задач. Действительно: идея "колонизационного плана" и президентская программа "Дальний Восток", опасность экономической экспансии сопредельных государств, особенно Китая, в начале века и обеспечение экономической независимости дальневосточного региона сегодня, проблема спасения аборигенных народов от вымирания тогда и создание необходимых условий для возрождения коренных народов Дальнего Востока сегодня, наконец, строительство Амурского моста в начале XX века и его реконструкция в конце века. Объяснение этому феномену видится в существовании на Дальнем Востоке России в XX веке таких постоянных величин, как неизменность его геополитического положения, во многом сохранившаяся экономическая характеристика входящих в него территорий, демографические особенности и др. Переход же экономики на рыночные отношения во многом их усилил. Все это и придало дальневосточному региону устойчивые черты на протяжении целого века. Безусловно, идеи, условия, методы, способы решения дальневосточных проблем в наше время во многом отличны от начала века, что наглядно свидетельствует о динамике в развитии региона, о значительно выросшем его потенциале. Но это вовсе не означает отсутствие нерешенных вопросов, негативно сказывающихся на ситуации. Например, в России до сих пор нет закона, регулирующего пребывание иностранцев, утрачен контроль за их перемещением внутри страны и др. Очевидно, будущее развитие российского Дальнего Востока во многом будет определяться на месте, но в значительной мере будет зависеть и от компетентной, взвешенной общей политики центра, от его правовой региональной политики. В числе тех, кто задумывался над этими идеями еще в начале XX века, был Николай Львович Гондатти.

Знания о таких неординарных личностях, как Николай Львович Гондатти, помогает сегодня нам, во многом испытывающим дефицит позитивных гражданских эмоций, почувствовать единение с теми, кто самоотверженно служил России, почувствовать себя принадлежащими к великому народу с героическим прошлым. Важно сохранить эти чувства, принести их в новый век, с тем чтобы связь времен и поколений оставалась неразрывной и нацеленной на обогащение потомками.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ПОЕЗДКА В КАМЧАТКУ И НА р. АНАДЫРЬ

ГЛАВА VIII

Последние сутки на Анадырском лимане. Что сделал Гондатти в Чукотской земле

3-го августа, в 5 часов утра послышался визг ездовых собак, ловимых с воли и привязываемых на барже. В 5 1/2 часов все уже были на ногах. На столе кипел самовар. За чаем Николай Львович давал наказ Анкудинову, отправлявшемуся начальником баржи.

Было видно в окно, как привязанные собаки, желая сбросить с себя алык и выбраться на волю, рвались и метались. Но алык крепок, и умные животные поняли, что им не сорваться: положив свои мохнатые мордочки на борт баржи, они покорились своей участи.

Без 5 минут в 7 часов перед командным образом были затеплены восковые свечи: казаки переоделись в форму; надел форму и шашку сам Гондатти.

Ровно в 7 часов Гондатти доложили, что все готово. Выйдя и поздоровавшись, Гондатти сказал: "Ребята, путь вам длинный, река бурная. Помощник у нас один — Господь Бог, помолимся ему".

Запели "Царю Небесный".

Обстановка, при которой с истинным чувством пелись святые мотивы, была такова, что думаю, какой бы нации, какой бы веры, каких бы убеждений ни попал сюда человек, но он проникся бы молитвенным настроением маленькой горсточки людей, заброшенных в страну далекую, в страну суровую и пустынную; в страну, в которой рассчитывать на чью-либо помощь, кроме помощи "Жизни Подателя", трудно, а пожалуй,

и невозможно. Я, по крайней мере, никогда не забуду того могучего впечатления, которое произвела на меня эта молитва полудикарей-казаков и русского ученого. Молились полчаса. С последним аккордом церковной песни "Под Твою милость прибегаем" Гондатти, со словами: "Ну, дай Бог — в добрый час",— приказал отчаливать.

Порядок был изумительный: все делалось, точно разыгрывалось по нотам; 5 минут — и все были на местах. Вытянут якорь, поднят на борт флаг, и анадырская флотилия тронулась.

Мы с Гондатти проводили баржу до того места, где она, пользуясь попутным ветром, наставив паруса, скоро отплыла от нас на столько, что люди, сидевшие на барже, и собачки, предназначенные для бурлаческой службы, смешались в один темный контур, скользивший по поверхности реки. Скрылась баржа из вида, и мы с Гондатти возвратились обратно в казарму.

Казенные дела Гондатти еще не были закончены вполне. Нужно было записать груду пакетов в исходящий журнал, нужно было исполнить кое-какие, второстепенной важности, бумаги. Лишь в 5 часов вечера Гондатти запломбировал кожаную почтовую сумку и сказал: "Баста".

Но, покончив казенные дела, он не начинал еще своих личных. Груда его собственных писем лежала еще не распечатанной. Лишь в 5 часов вечера начал он распечатывать письма от своих друзей и от родных.

Здесь начинается, так сказать, интимная жизнь Николая Львовича, говорить о которой, конечно, нельзя. Замечу, однако, что многочисленные письма были полны упреков, что он, оставаясь так долго на Чукотской земле, губит свое здоровье, губит свою жизнь.

Письма некоторых членов Императорского Антропологического общества при Московском университете звали Гондатти в Москву, к его прежней деятельности; они уведомляли его, что даже та казенная квартира при Политехническом музее, которая полагается ученому секретарю общества, не занята еще и ждет его. Гондатти был растроган такими знаками к нему внимания; но, поработав так долго, поработав так много в отдаленнейшем уголке Приамурского края, видя воочию реальные плоды своей цивилизаторской деятельности, находя, что и в других странах необъятного Приамурья его деятельность могла бы быть небесполезной, и жслая посвятить себя службе Приамурскому краю, он поручил мне доложить г. Приамурскому генерал-губернатору Сергею Михайловичу Духовскому, что он, Гондатти, полюбил первобытные страны Приамурья и желает работать на благо их культуры и цивилизации.

Утро 4-го августа, день нашего отъезда, я и Гондатти встретили, не спавши ни одной минуты.

Ответы на письма, исключая весьма немногие, были написаны телеграммами.

В 12 часов дня был назначен отход парохода. К этому часу Гондатти приехал на пароход. Простился Гондатти с командиром, простился со мной и, салютуемый выстрелом из сигнальной пароходной пушки, пальбою из ружей и револьверов, которую производили капитан, штурман, боцман и некоторые из матросов, Гондатти сел на шлюпку, а пароход стало медленно двигаться... Скоро Гондатти и его резиденция, Мариинский пост, скрылись из вида. Пароход с каждым оборотом приближал нас к странам, где трудами таких же деятелей, как Гондатти, ярко горит светоч веры и цивилизации и где, как заветную святыню, хранят имена тех самых самоотверженных деятелей, которые, пренебрегая голодом, холодом, пренебрегая самою жизнью, работая во имя блага родины, дали жизнь отвечно пустынным странам.

Что же сделал в Чукотской земле Гондатти?

Как представитель русской власти он, через меня, послал губернатору 9 мешков пушнины, полученной в ясак с чукчей, народа, никогда никому никакого ясака не плативщего. Та пушнина, которую в XVII и XVIII веках вывозили казаки, не была ясаком; это была военная добыча случайных победителей.

Как администратор и цивилизатор он сделал то, что кровавые обычаи Чукотской земли заменяются обычаями народов культурных: безнадежно больных начинают лечить, в случае недоразумений между чукчами вмешательство ножа или пули заменяется обращением к гуманному и справедливому суду русского "капитана"...

Как земский деятель Гондатти урегулировал отчасти торговлю, и можно думать, что его проекты о поднятии экономического благосостояния будут осуществлены и проведены в жизнь.

Наконец, как ученый он, изучив чукотский язык, проведя в среде чукчей целые месяцы, проник в тайну мировоззрения дикаря, что всегда составляло задачу науки.

Гондатти собрал колоссальную коллекцию черепов и различных частей скелета чукчи, имеющую значение для ученых исследователей; он собрал полную коллекцию флоры и фауны страны и та коллекция, которая пожертвована им в Хабаровский естественно-исторический музей, не составляет всего: это только ничтожная часть того, что собрано Гондатти. В так называемом "складе" самое большое место занимают ящики с коллекциями. Впрочем, не мне судить об ученой деятельности Гондатти: об этом он расскажет сам, когда возвратится.

Но возвратится ли когда-нибудь Гондатти, хватит ли его пошатнувшегося здоровья, чтобы провести в Чукотской земле еще третью суровую полярную зиму, сказать трудно. Я же, со своей стороны, могу по этому поводу высказать в заключение свое искреннее и глубокое убеждение: останется ли Гондатти жив, сложит ли он свои кости в Чукотской земле, но его имя, его самоотверженная деятельность, очевидцем которой я был,

составят гордость не только Приамурского отдела Императорского Русского географического общества, членом-учредителем которого он состоит, но оно составит гордость всех истинно русских людей, любящих своего Царя и Отечество.

1896 г., 10 августа

(Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II, вып. III.
Хабаровск, 1897.)

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Становление

1. Очевидно, труднопроизносимое по-русски отчество Людвигович было заменено на Львович.
2. Государственный архив Нижегородской области (ГАНО), ф. 522, оп. 459, д. 275, л. 94.
3. ГАНО, ф. 522, оп. 459, д. 275, л. 94.
4. Там же. Л. 126—126 об.
5. Готье Ю. В. Университет // Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917). М., 1989. С. 565—566.
6. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК), ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 14—15.

2. Начальник Чукотки

1. Список по МВД. СПб, 1911. С. 851.
2. Приамурские ведомости. 1897, 16 ноября.
3. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь А. П. Сильницкого. Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. П. Вып. III. Хабаровск, 1897. С. 56.
4. Там же. С. 54.
5. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь А. П. Сильницкого. Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. П. Вып. III. Хабаровск, 1897.
6. Там же. С. 42.
7. Там же. С. 40.
8. Там же. С. 42.
9. Там же. С. 43.
10. Там же. С. 66.
11. Там же. С. 43.
12. Приамурские ведомости. 1896, 12 мая.
13. Поездка в Камчатку... С. 76.
14. Там же. С. 42.
15. Гондатти Н. Л. Поездка из с. Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив). Записки ПО ИРГО, 1898. Вып. 1. С. 26.
16. Там же. С. 18.
17. Там же. С. 23.
18. Анучин Д. Н.— крупный русский географ, создатель русской университетской географической школы.
19. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1401, л. 1.
20. Приамурские ведомости. 1897, 16 ноября.
21. Там же.
22. Гондатти Н. Л. Сведения о поселениях по Анадырю. Оседлое население реки Анадыря. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Том III. Вып. 1, 1897. Хабаровск. С. 71—178. См. также: Поез-

дка из с. Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки ПО ИРГО, 1898. Вып. 1. С. 3—56.

23. Поездка из с. Маркова... С. 26.

24. Хабаровский краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, архивные фонды.

25. Там же.

3. Выбор, сделанный вторично. Сибириада

1. Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 94.

2. Смирнов Е. Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск, 1899. С. 51.

3. Там же. С. 55.

4. Там же.

5. Там же. С. 67.

6. Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. С. 95.

7. Приамурские ведомости. 1902, 6 октября.

8. ГАХК, ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 37.

9. Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 95.

10. Там же.

11. После революции имя Гродекова было вычеркнуто из названия музея. В 1994 г., в столетнюю годовщину основания музея, ему было возвращено имя основателя — генерал-губернатора Н. И. Гродекова.

12. Приамурские ведомости. 1902, 13 октября.

13. Приамурские ведомости. 1914, 17 декабря.

14. Гартсвельд В. Г. Каторга и бродяги Сибири. М., 1912. С. 39.

15. Список по МВД. СПб, 1911. С. 851.

16. Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 233, оп. 3, д. 3226, л. 106.

17. Там же.

18. Там же. Д. 3608.

19. Там же. Л. 3.

20. Заря. 1920, 13 октября.

21. ГАТО, ф. 233, оп. 3, д. 3608, л. 1.

22. Там же. Л. 2.

23. Там же.

4. Во главе Амурской экспедиции

1. См.: Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 97.

2. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. 1. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год. СПб, 1911. С. 1.

3. Там же. С. 103.

4. Там же. С. 11.

5. Там же. С. 13.

6. Там же. С. 4.

7. Там же. С. 195.

8. Там же. С. 197.

9. Там же. С. 197—198.
10. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 721, лл. 3—6.
11. Там же. Оп. 3, д. 578, л. 15.
12. См.: Энциклопедия Хабаровского края и Еврейской автономной области. Хабаровск, 1995. С. 96.
13. Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 97.

5. Начальник края

1. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е, т. XIV, № 2325.
2. Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб, 1912. С. 414.
3. Часть этого дома ныне входит в комплекс зданий ОДОРА.
4. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. Эфрона. Т. VIII. СПб, 1892. С. 314.
5. Там же.
6. Там же.
7. Уложение Сибирское. 1892. Т. 2. Отд. 1, № 192—213. С. 33.
8. Там же. С. 34.
9. Там же.
10. Там же. С. 36.
11. РГИА ДВ, предисловие к фонду 702, лл. 2—3.
12. В советское время в доме был достроен второй этаж.
13. Закревский В. А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях. Труды Амурской экспедиции. Вып. 9. СПб, 1911. С. 333.
14. Справка по записке Приамурского генерал-губернатора об административном переустройстве Амурской, Приморской, Сахалинской областей. Хабаровск, 1912.
15. Там же.
16. Унтербергер П. Ф. Приамурский край 1906—1910 гг. СПб, 1912. С. 410.
17. См.: Государственная Дума: Стенографические отчеты. IV созыв. СПб, 1913. С. 925—926.
18. Там же. С. 2440.
19. Унтербергер П. Ф. Указ. соч. С. 404.
20. ГАХК. Журнал междуведомственного совещания под председательством Приамурского генерал-губернатора, шталмейстера Высочайшего Двора Гондатти по делам Дальнего Востока. Заседание 24 апреля 1913 г. С. 1.
21. Там же.
22. См.: РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 819.
23. Там же. Д. 822.
24. ГАХК. Журнал междуведомственного совещания... С. 13.
25. Унтербергер П. Ф. Указ. соч. С. 414.
26. Там же. С. 415.
27. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 290.
28. Там же. Л. 52.
29. Там же. Л. 53.
30. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 52.
31. Там же. Д. 1053, л. 48.

32. Там же. Л. 49.
33. Цит. по: Степанов А. Дальневосточная хроника 1913 года: (По страницам дооктябрьских газет) // На рубеже. 1939, № 4. С. 154.
34. Приамурские ведомости. 1914, 23 января.
35. См.: Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985. С. 145.
36. Владивосток. Штрихи к портрету. Владивосток, 1985. С. 69.
37. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 938, л. 13.
38. Тарасова А. И. Указ. соч. С. 137.
39. Там же. С. 136.

6. Приамурская выставка в честь 300-летия царствования Дома Романовых

1. Ее автор — А. Г. Ельчанинов, генерал, профессор.
2. Цит. по: Уортман Ричард. Николай II и образ самодержавия // История СССР, 1991. № 2. С. 126.
3. Там же.
4. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 419, л. 2.
5. Там же. Оп. 1, д. 712, л. 140.
6. Территория выставки простиралась от ул. К. Маркса между ул. Дикопольцева и Л. Толстого, включая пруды.
7. См.: Крадин Н. Выставка Приамурского края // Хабаровская недвижимость, № 31 (72), 21 августа, 1996. С. 36.
8. Там же. № 32, 28 августа, 1996. С. 35.
9. Там же.
10. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 419, л. 68.
11. Крадин Н. Выставка Приамурского края // Хабаровская недвижимость, № 33, 4 сентября 1996. С. 36.
12. Приамурские ведомости. 1913, 28 сентября.
13. Приамурские ведомости. 1913, 26 сентября.
14. Приамурские ведомости. 1913, 28 сентября.
15. Приамурские ведомости. 1913, 8 апреля.

7. Завершение строительства Амурской железной дороги

1. Государственная Дума: Стенографические отчеты. III созыв. С. 950.
2. Там же. С. 991.
3. Там же. С. 1020.
4. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.— февраль 1917 г.) М., 1991. С. 309.
5. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 810а, л. 1.
6. Там же.
7. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 785, лл. 215, 217.
8. Там же. Л. 324.
9. Приамурские ведомости. 1914, 16 января.
10. Горянин А. Величайшая дорога // Тихоокеанская звезда (ТОЗ), 1996, 24 декабря.
11. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 785, л. 326.
12. ГАХК, ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 3.
13. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1356, л. 54.
14. Там же. Д. 810а, л. 7.
15. Там же. Ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 218.

16. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 822, л. 12.
17. Там же. Л. 1.
18. Приамурские ведомости. 1916, 15 марта.
19. Амурский мост. Хабаровск, 1996. С. 2.
20. Приамурские ведомости. 1916, 11 октября.
21. В 1917 г. А. В. Ливеровский был назначен министром путей сообщения Временного правительства.
22. Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 100.
23. История Дальнего Востока СССР... С. 309.

8. "Русское дело" на Дальнем Востоке

1. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год... С. 260.
2. Государственная Дума: Стенограф. Отчеты. IV созыв. С. 3007.
3. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 21.
4. Там же. Лл. 20—21.
5. История Дальнего Востока СССР... С. 318.
6. Там же. С. 314.
7. Приамурские ведомости. 1916, 30 января.
8. Там же. 1914, 5 июня.
9. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 12.
10. Там же. Л. 5.
11. Там же. Л. 738, л. 2.
12. Там же. Ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 12.
13. Там же. Л. 216.
14. Там же. Оп. 2, д. 810а, л. 7.
15. Там же. Оп. 1, д. 738, л. 7.
16. Гондатти Н. Л. Движение китайцев в Россию принимает угрожающие размеры // Источник. 1997, № 1. С. 70.
17. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийском крае. Хабаровск, 1914. С. 110.
18. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 738, л. 7.
19. Там же. Л. 1.
20. Приамурские ведомости. 1914, 11 февраля.
21. Там же. 1916, 25 апреля.
22. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 822, лл. 2—4.
23. Приамурские ведомости. 1914, 8 февраля.
24. Арсеньев В. К. Китайцы в Уссурийской тайге. Хабаровск, 1914. С. 101.
25. Там же.
26. Там же. С. 103.
27. Там же. С. 104.
28. Там же.
29. Ведро равнялось около 12 литров.
30. Кротова М. В. Борьба с контрабандной торговлей спиртом в приграничных районах Дальнего Востока (1900—1917) // Тезисы научно-практической конференции "Гродековские чтения" к 100-летию открытия Хабаровского краеведческого музея. Ч. 1. Хабаровск, 1996. С. 40.
31. Там же. С. 41.
32. Там же. С. 40.
33. Там же. С. 41.
34. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 2, д. 785, л. 327.
35. Там же. Ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 254.

36. Там же.
37. Там же. Ф. 702, оп. 2, д. 810-а, л. 6.
38. Приамурские ведомости. 1914, 28 июня.
39. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 938, л. 87.

9. Проект положения об инородцах Приамурского края

1. См.: Материалы по изучению Приамурского края. Вып. 20. Хабаровск, 1914.
2. Приамурские ведомости. 1914, 25 марта.
3. Солярский В. В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск, 1916.
4. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 822, л. 7.
5. Там же. Оп. 1, д. 1192, л. 335.
6. Там же.
7. Там же. Оп. 1, д. 1401, л. 7.
8. Там же. Л. 77.
9. Там же. Л. 80.
10. Там же.
11. Там же. Л . 82.

10.Под покровительством генерал-губернатора

1. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и А. Эфрона. Т. VIII. СПб, 1892. С. 314.
2. Унтербергер П. Ф. Приамурский край. 1906—1910. СПб, 1912. С. 18—21.
3. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 32.
4. Там же.
5. Там же. Л. 36.
6. Нужды народного образования в Приамурском крае. Вып. XIX. Хабаровск, 1914. С. 10.
7. Там же. С. 17.
8. Приамурские ведомости. 1916, 30 января.
9. Заря, 1920, 13 октября.
10. Нужды народного образования в Приамурском крае... С. 68.
11. Там же. С. 30.
12. Там же. С. 33.
13. Там же. С. 35.
14. Там же. С. 49.
15. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 548, л. 12.
16. Приамурские ведомости. 1914, 16 января.
17. Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. Год изд. III. Вып. III. Хабаровск, 1916. С. 9.
18. Труды командированной по высочайшему повелению Амурской экспедиции. Вып. II. Общий отчет Амурской экспедиции за 1910 год. СПб, 1911. С. 196.
19. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 712, л. 32.
20. Там же.
21. Там же. Оп. 3, д. 446, л. 68.
22. Приамурские ведомости. 1914, 28 июня.

11. Война. Подведение итогов. 1917 год

1. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 938, л. 93.
2. Приамурские ведомости. 1916, 16 марта.
3. Приамурские ведомости. 1917, 23 февраля.
4. Иконникова Т. Я. Все для фронта!: (Деятельность Приамурского комитета по оказанию помощи раненым на фронтах первой мировой войны) // Тезисы научно-практической конференции "Гродековские чтения". Хабаровск, 1996. С. 38.
5. Там же.
6. Там же. С. 39.
7. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 938, л. 84.
8. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 938, л. 35.
9. Там же. Л. 39.
10. Там же. Л. 71.
11. Там же. Л. 76.
12. Там же. Л. 16.
13. Приамурские ведомости. 1916, 28 мая.
14. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 1, д. 1356, л. 253.
15. Приамурские ведомости. 1916, 30 января.
16. Гладстон Уильям Юарт (1809—1898) — премьер-министр Великобритании; Биконсфилд Бенджамин (Дизраэли) (1804—1881) — премьер-министр Великобритании; Бюлов Бернхард (1849—1929) — германский рейхсканцлер.
17. Заря. 1920, 14 октября.
18. РГИА ДВ, ф. 702, оп. 3, д. 571, л. 75.
19. Там же.
20. Цит. по: Очерк истории Хабаровской краевой организации КПСС. Хабаровск, 1979. С. 33.
21. Вместе со всей Россией: По воспоминаниям и документам. Хабаровск, 1988. С. 46.
22. Там же. С. 50.
23. Приамурские ведомости. 1917, 9 марта.
24. Степанов А. Дальневосточная хроника 1913 года: (По страницам дооктябрьских газет) // На рубеже. 1939, № 4. С. 154.
25. ГАКХ, ф. 849, оп. 1, д. 79, л. 21.
26. Там же.
27. Приамурская жизнь. 1917, 19 августа.
28. Там же. 22 августа.
29. См.: Востриков Л. А., Востоков З. В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 100—101.
30. Приамурская жизнь. 1917, 27 сентября.

12.Горький хлеб чужбины

1. Кротова М. В. Харбин — аванпост русской промышленности, торговли и культуры в Маньчжурии (1898—1917 гг.) / Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Санкт-Петербург, 1996. С. 17.
2. Там же.
3. Заря. 1920, 13 октября.
4. Кочубей О. И. Белоэмиграция в Китае: жизнь, судьба, замыслы, идеи и дела // Приморье: вопросы истории и культуры. Владивосток, 1995. С. 79.

5. Дальневосточная республика: Становление. Борьба с интервенцией (февраль—ноябрь 1922 г.) Ч. П. Владивосток, 1993. С. 48.
6. Ципкин Ю. Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). Хабаровск, 1996. С. 150.
7. Там же. С. 159.
8. Мир. Владивосток, 1922, 6 сентября.
9. Великая Маньчжурская империя: К десятилетнему юбилею. Харбин, 1942. С. 287.
10. ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 80, л. 38.
11. Там же. Л. 79.
12. Там же. Л. 23.
13. Великая Маньчжурская империя... С. 289.
14. Первый торгово-промышленный указатель Маньчжоу-Го. Харбин, 1935. С. 203.
15. ГАХК, ф. 830, оп. 3, д. 80, л. 23.
16. Хлеб небесный. Харбин, 1946, №№ 6, 7, 8. С. 49.
17. Рубеж. 1935, № 35. С. 101.
18. Заря. 1929, 6 февраля.
19. Рупор. 1935, 22 июля.
20. Там же.
21. Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока, 1991, № 5. С. 135.
22. Наш путь. 1936, 28 февраля.
23. ГАХК, ф. 830, оп. 1, д. 5, л. 29.
24. Там же. Оп. 3, д. 80, л. 27.
25. Там же.
26. Там же. Л. 35.
27. Там же.
28. Там же. Л. 21.
29. Там же.
30. Скорее всего, это был орден "Восходящее солнце" I степени, о чем Гондатти написал в анкете.
31. Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 5. С. 142.
32. Кириллов Е. Последняя экспедиция Рериха // Тихоокеанская звезда. 1997, 8 апреля.
33. Ильина Наталия. Дороги и судьбы. М., 1985. С. 44.
34. Жиганов В. Д. Исповедь белого эмигранта // Дальний Восток. 1994, № 10. С. 13.
35. ГАХК, ф. 849, оп. 1, д. 23, л. 4.
36. Там же. Л. 28.
37. Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1971. С. 439.
38. Мельников Ю. Русские фашисты в Маньчжурии // Проблемы Дальнего Востока. 1991, № 3. С. 162.
39. ГАХК, ф. 849, оп. 1, д. 76, л. 33.
40. Там же. Д. 69, л. 11.
41. Там же. Л. 12.
42. "Надгробное слово" было опубликовано в одном из последних номеров издававшегося продолжительное время в Харбине религиозно-нравственного журнала "Хлеб небесный", который был обнаружен в архиве США А. А. Хисамутдиновым.
43. Хлеб небесный. 1946, №№ 6, 7, 8. С. 47.
44. Там же. С. 48.
45. Там же. С. 49.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3
От автора 5
1. Становление 8
2. Начальник Чукотки 13
3. Выбор, сделанный вторично. Сибириада 29
4. Во главе Амурской экспедиции 38
5. Начальник края 49
6. Приамурская выставка в честь 300-летия царствования Дома Романовых 74
7. Завершение строительства Амурской железной дороги 85
8. "Русское дело" на Дальнем Востоке 98
9. Проект положения об инородцах Приамурского края 120
10. Под покровительством генерал-губернатора 126
11. Война. Подведение итогов. 1917 год 141
12. Горький хлеб чужбины 161
Вместо заключения 188
А. П. Сильницкий. Поездка в Камчатку и на р. Анадырь (отрывок) 193
Источники и примечания 197

Дубинина Н. И.
Д 79 Приамурский генерал-губернатор Н. Л. Гондатти.— Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997.— 208 с., ил.
ISBN 88570-103-2

Автор книги, доктор исторических наук, профессор, рассказывает о последнем генерал-губернаторе Приамурского края Н. Л. Гондатти (1860—1946 гг.). Кем он был: царским сатрапом или просвещенным, энергичным администратором, много сделавшим для освоения Дальнего Востока России? Опираясь на архивные и другие документы, большинство которых впервые вводится в научный оборот, автор пытается дать ответ на этот вопрос.

Рассчитана на массового читателя.

ББК 63.3(2)
Д 79

Дубинина Нина Ивановна

ПРИАМУРСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР Н. Л. ГОНДАТТИ

Научно-популярное издание

Лицензия ЛР № 010055 от 29.08.96 г.
Сдано в набор 09.07.97. Подписано в печать 30.09.97 г. Формат 84x108/32.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,9. Тираж 3000 экз. Заказ 4038.
Приамурское географическое общество. 680000, г. Хабаровск, ул. Шевченко, 9.
Издательство РИОТИП Хабаровской краевой типографии. 680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

ПРИАМУРСКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Хабаровск
1997